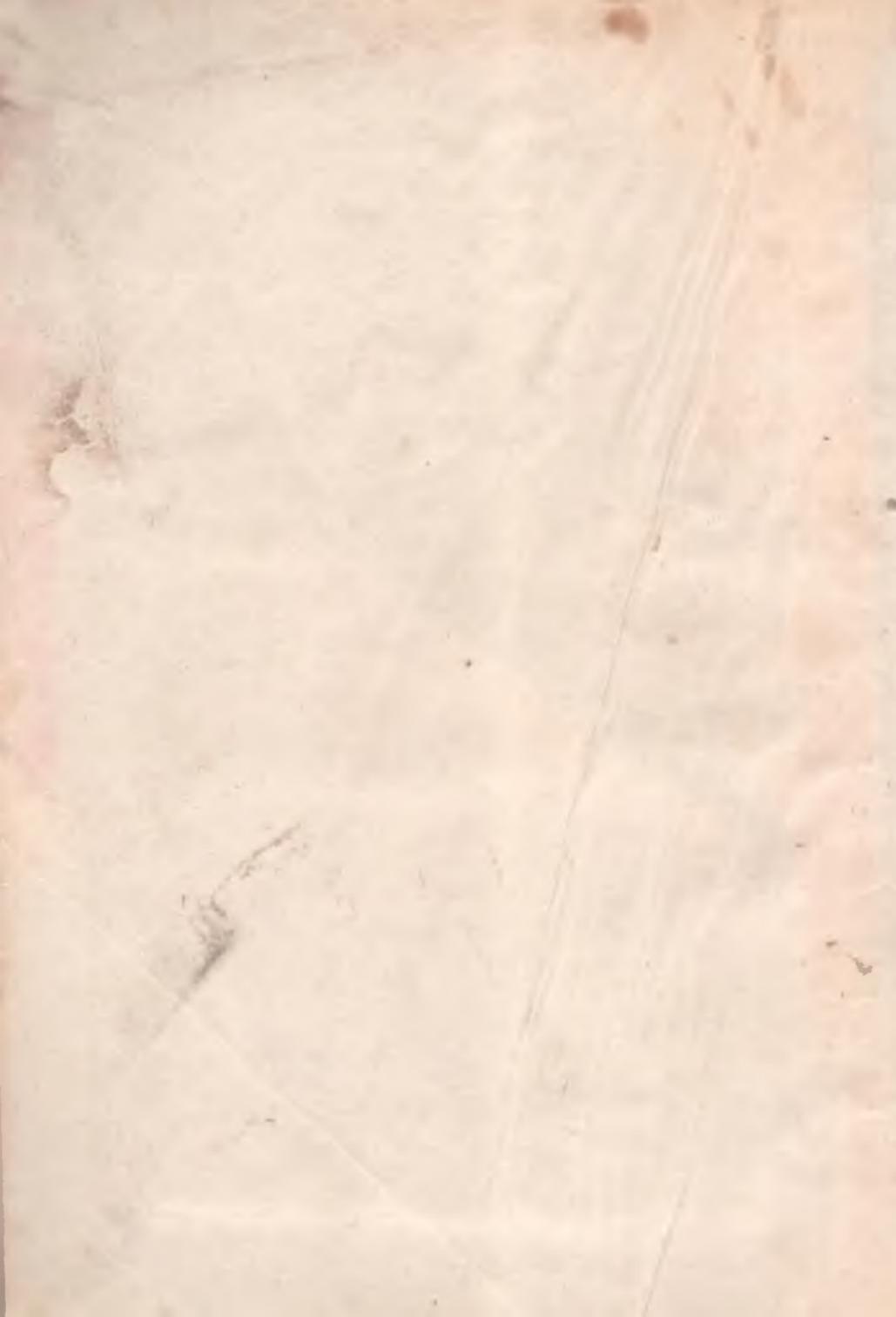

В. С. ВЕРНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛЪСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

2012

2-562

2049 TV
6253 ✓
✓
✓
✓

Профессиональный
РТБ - СССР
Заводской Комитет
ЗАВОДА № 513.
№ _____ 191 г.

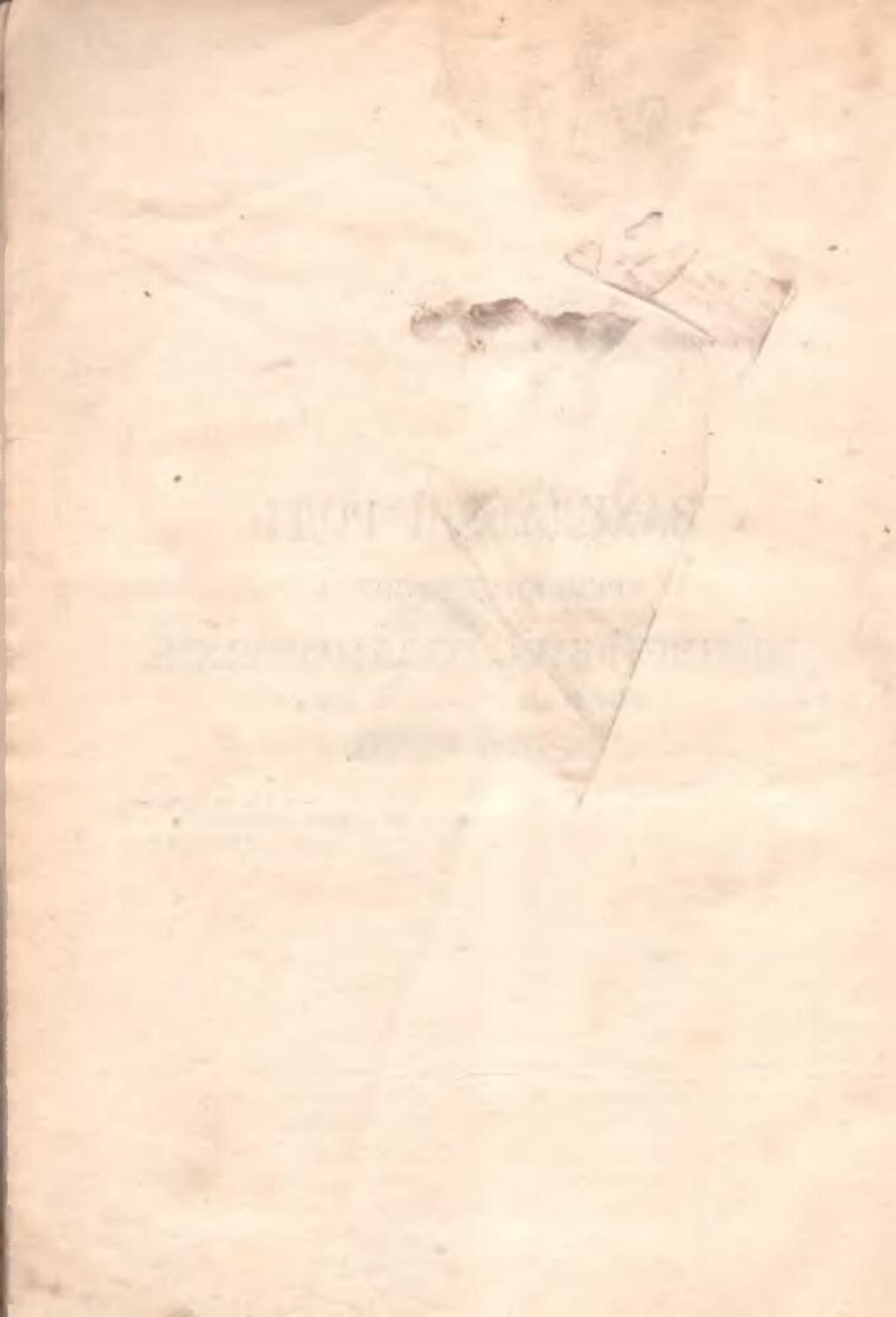

Артистическое заведение А. Ф. МАРНЪ, Измайл. пр., № 29.

ЗАХУДАЛЫЙ РОДЪ.
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
КНЯЗЕЙ ПРОТОЗАНОВЫХЪ.
(Изъ записокъ княжны В. Д. П.)
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

„Родъ проходитъ и родъ приходитъ,
земля же во вѣкъ пребываетъ“.
Екклес. I, 4.

СТАРАЯ КНЯГИНЯ И ЕЯ ДВОРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родъ нашъ одинъ изъ самыхъ древнихъ родовъ на Руси: всѣ Протозановы по прямой линіи происходятъ отъ первыхъ владѣтельныхъ князей и подъ родовымъ гербомъ нашимъ значится, что онъ намъ не милостью дарованъ, а принадлежитъ «не по грамотѣ». Въ историческихъ разсказахъ о старой Руси встрѣчается не мало именъ нашихъ предковъ и нѣкоторые изъ нихъ воспоминаются съ большимъ одобреніемъ. До Ивана Даниловича Калиты они имѣли свой удѣлъ, а потомъ, потерявъ его, при Иванѣ Третьемъ являются въ числѣ почетныхъ людей Московскаго княжества и остаются на видномъ положеніи до половины царствованія Грознаго. Затѣмъ надъ однимъ изъ нихъ разразилась политическая невзгода и, по обычаямъ того времени, за одного явились въ отвѣтъ всѣ: одни изъ Протозановыхъ казнены, другіе — биты и разсланы въ разныя мѣста. Съ этой поры родъ князей Протозановыхъ надолго исчезаетъ со сцены, и только разъ или два, и то вскользь, при Алексѣѣ Михайловичѣ упоминается въ числѣ «захудалыхъ», но въ правленіе царевны Софіи одинъ изъ этого рода «захудалыхъ князей», князь Леонтій Протозановъ, опять пробился на видъ, и, получивъ въ управленіе одинъ изъ крайнихъ городовъ, сдѣлался «княземъ кормленнымъ». Покормился онъ, впрочемъ, такъ неосторожно, что Петръ Великій, довѣдавшись о способѣ его кормленія, отрубилъ ему голову, а животы велѣлъ «поверстать на государя». При этомъ, однако, гнѣвъ государя не былъ пе-

ренесенъ съ отца на дѣтей, а напротивъ, старшій сынъ казненнаго, Яковъ Леонтьевичъ, былъ взятъ для обученія его всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Яковъ Львовичъ (съ этихъ поръ имя Леонтій въ родѣ Протозановыхъ уступаетъ мѣсто имени Левъ) учился въ Россіи, потомъ за границую и, по возвращеніи оттуда, былъ проэкзаменованъ самимъ царемъ, который остался имъ очень доволенъ и оставилъ его при своей особѣ. Яковъ Львовичъ оказался столь удобнымъ для исполненія различныхъ предначертаній Петровыхъ, что государь отмѣтилъ его своимъ особеннымъ вниманіемъ и повелъ его отъ чести къ почести, не забывая при этомъ поправлять и его родовую «захудалость». Петръ, однако, не сдѣлалъ нашего прадѣда богачомъ, а именно только вывелъ его изъ «захудалости». Самъ же князь Яковъ Львовичъ не умѣлъ вознаграждать себя: онъ, какъ говорили въ то время, «заразился глупостью Лефорга», то-есть пренебрегалъ способами къ самовознагражденію, а потому и не разбогатѣлъ. Такова была его жизнь до самаго воцаренія Анны Ивановны, когда Яковъ Львовичъ попался на глаза Бирону, не понравился ему и вслѣдъ затѣмъ быстро очутился въ ссылкѣ за Оренбургомъ.

Въ ссылкѣ князь Яковъ Львовичъ, по отеческому завѣту, обратился къ *смиренію*: онъ даже никогда не жаловался на «Нѣмца», а весь погрузился въ чтеніе религіозныхъ книгъ, съ которыми не успѣлъ познакомиться въ юности: вель жизнь созерцательную и строгую и прослылъ мудрецомъ и праведникомъ.

Князь Яковъ Львовичъ въ моихъ глазахъ прелестное лицо, открывающее собою рядъ чистыхъ и глубоко для меня симпатичныхъ людей въ нашемъ родѣ. Вся жизнь его свѣтла какъ кристаллъ и поучительна какъ сказаніе, а смерть его исполнена какой-то прелестной, умиряющей таинственности. Онъ умеръ безъ всякихъ мученій на свѣтлый день Христова Воскресенія, послѣ обѣдни, за которою самъ читалъ Апостоль. Возвратясь домой, онъ разговѣлся со всѣми ссыльными и не ссыльными, которые пришли его поздравить, и потомъ сѣлъ читать положенное въ этотъ день всепрощающее поученіе Іоанна Богослова и, при окончаніи чтенія, на послѣднемъ словѣ нагнулся къ книгѣ и *уснулъ*. Кончину его никакъ нельзя назвать смертью: это

именно было усупеніе, за которымъ пошелъ вѣчный сонъ праведника.

Въ тотъ же день къ вечеру на имя ссыльнаго былъ доставленъ пакетъ, возвѣщавшій ему прощеніе и возвращеніе, дарованныя волей воцарившейся императрицы Елисаветы: но все это уже опоздало. Князь Яковъ былъ разрѣшенъ небесною властью ото всѣхъ узъ, которыми вязала его власть земная.

Прабабушка наша, Пелагея Николаевна, схоронивъ мужа, вернулась въ Россію съ однимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, а моимъ прадѣдомъ, княземъ Левушкой.

Князь Левушка родился въ ссылкѣ и тамъ же получилъ весь грунтъ своего начальнаго воспитанія непосредственно отъ своего отца, отъ котораго въ замѣчательной степени наслѣдовалъ его превосходныя качества. Вступивъ на службу въ царствованіе Екатерины Второй, онъ не сдѣлалъ себѣ блестящей карьеры, какую ему по началу пророчили. Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, говорила о немъ, что «онъ, по тогдашнему времени, былъ не къ масти козырь, презиралъ искательства и слишкомъ любилъ добродѣтель». Лѣтъ въ тридцать съ небольшимъ князь Яковъ Львовичъ вышелъ въ отставку, женился и навсегда засѣлъ въ деревнѣ надъ Окой и жилъ тихою помѣщичьею жизнью, занимаясь въ сторонѣ отъ свѣта чтеніемъ, опытами надъ электричествомъ и записками, которыя писалъ неустанно.

Стараніе этого «чудака» совсѣмъ устранить себя отъ двора и уйти какъ можно далѣе отъ свѣта, съ которымъ онъ не сошелся, увѣнчались для него полнымъ успѣхомъ: о немъ всѣ позабыли, но въ семьѣ нашей онъ высоко чтимъ и преданія о немъ живы о сю пору.

Я съ ранняго моего дѣтства имѣла о князѣ Львѣ Яковлевичѣ какое-то величественное, хотя чрезвычайно краткое представленіе. Бабушка моя, княгиня Варвара Никаноровна, отъ которой я впервые услышала его имя, вспоминала своего свекра не иначе какъ съ улыбкою совершеннѣйшаго счастья, но никогда не говорила о немъ много, это точно считалось святыней, которой нельзя раскрывать до обнаженія.

Въ домѣ было такъ принято, что если какъ-нибудь въ разговорѣ кто-нибудь случайно упоминалъ имя князя Льва

Яковлевича, то всё сію же минуту принимали самый серьезный видъ и считали необходимымъ умолкнуть. Точно старались дать время пронестись звуку священнаго семейнаго имени, не сливая его ни съ какимъ звукомъ иного житейскаго слова.

И вотъ тогда-то, въ эти паузы, бабушка Варвара Никаноровна обыкновенно, бывало, всёхъ обводила глазами, какъ бы благодаря взглядомъ за уваженіе къ свекру, и говорила:

— Да, чистый былъ человекъ, совершенно чистый! Онъ въ случаѣ не былъ и фавору не имѣлъ—его даже недолюбливали, но... его уважали.

И это всегда произносилось старою княгиней одинаково, съ повтореніемъ, при которомъ она употребляла для усиленія выразительности одинъ и тотъ же жестъ.

— Онъ фавору не имѣлъ, — повторяла она, помахивая предъ собою вытянутымъ указательнымъ пальцемъ правой руки.—Нѣтъ, не имѣлъ, но...—Тутъ она круто оборачивала свой палецъ внизъ и со строгимъ выраженіемъ въ лицѣ оканчивала,—но его уважали, и за то не терпѣли.

За этимъ опять шла минута молчанія, послѣ которой бабушка, пошавъ шепотку табаку изъ жалованной Маріею Θεодоровной золотой табакерки, или заговаривала о чемъ-нибудь вседневномъ, или нѣсколько пониженнымъ тономъ добавляла о свекрѣ своемъ слѣдующее:

— Онъ, покойникъ, ни съ кѣмъ не ссорился... Нѣтъ, пріятныхъ императрицѣ людей онъ не критиковалъ и грубости никому не оказывалъ, но ни съ графомъ Валеріаномъ, ни съ княземъ Платономъ домами знакомъ не былъ... Когда нужно было, когда такъ выходило, что они на куртагахъ встрѣчались, онъ имъ кланялся... Понимаете... Какъ должно по этикету... для *courtoisie* поклонится и отойдетъ; но руки не подавалъ и въ домъ не ѣздилъ. Къ разнымъ бѣднымъ людямъ ѣздилъ и ихъ у себя принималъ, а къ тѣмъ не ѣздилъ; это для нихъ, можетъ-быть, ничего и не значило, а только онъ не ѣздилъ и такъ и въ отставку вышелъ и въ деревню удался: такъ и умеръ, а всегда говорилъ: «для того, чтобы другіе тебя уважали, прежде самъ въ себѣ человека уважай», и онъ въ себѣ человека уважалъ, какъ немногіе уважаютъ.

Это говорилось уже давно: послѣдній разъ, что я слы-

шла отъ бабушки эту тираду, было въ сорокъ восьмомъ году, съ небольшимъ за годъ до ея смерти, и я должна сказать, что, слушая тогда ея укоризненное замѣчаніе о томъ, что «такъ немногіе въ себѣ челоуѣка уважають», я, при всемъ моемъ тогдашнемъ младенествѣ, понимала, что вижу предъ собою одну изъ тѣхъ, которая умѣла себя уважать.

О ней теперь я и постараюсь записать, что сохранила моя память.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бабушка Варвара Никаноровна происходила изъ самаго познатнаго рода: она была «мелкая дворянка», по фамиліи Честунова. Бабушка отнюдь не скрывала своего скромнаго происхожденія, напротивъ, даже любила говорить, что она у своего отца съ матерью въ дѣтствѣ индюшекъ стерегла, но при этомъ всегда объясняла, что «скромный родъ ея былъ хоть тихенькій, но честный и фамилія Честуновы имъ недаромъ досталась, а приросла отъ народнаго прозванія».

Отецъ княгини Варвары Никаноровны былъ очень бѣдный помѣщикъ, убогія поля котораго примыкали къ землямъ князя Льва Яковлевича. Мать бабушкина была очень добрая женщина и большая хозяйка, прославившаяся необыкновеннымъ умѣньемъ дѣлать яблочныя зефирки, до которыхъ жена князя Льва Яковлевича была страстная охотница. На этомъ княгиня и бѣдная дворянка заинтересовались другъ другомъ и, встрѣтясь въ церкви, познакомились, а потомъ, благодаря деревенской сукѣ, скоро сошлись и, наконецъ, нѣжно подружились.

Князь Левъ Яковлевичъ былъ этому чрезвычайно радъ, но онъ находилъ невозможнымъ, чтобы бѣдная дворянка бывала у его жены какъ будто какая-нибудь прииная, не на равной ногѣ. «Черезъ это люди не будутъ знать какъ ее понимать», разсудилъ онъ, и тотчасъ же надѣлъ свой отставной полковничій мундиръ и регалии и отправился изъ своего Протозанова въ деревню Дранку съ визитомъ къ бабушкиному отцу.

Въ бѣдныхъ хибахъ мелкаго сошки всѣ перепугались паѣзда такого важнаго гостя, самъ старикъ Честуновъ едва рѣшился выѣзть къ князю изъ боковуши въ ни-

зепькую комнату, исправлявшую должность зальцы, но черезъ какіе-нибудь полчаса это все измѣнилось: неравенство исчезло, князь обласкалъ Честунова, обдарилъ прислугу и вернулся домой, привези рядомъ съ собой въ коляскѣ самого дворянина, а на колѣняхъ его пятилѣтнюю дочку, изъ которой потомъ вышла моя бабушка, княгиня Варвара Никаноровна Протозанова, нѣкогда замѣчательная придворная красавица, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ и расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Честуновы сдѣлались въ домѣ прадѣда своими людьми, а бабушка выросла и воспиталась въ Протозановскомъ домѣ. Ее тамъ чему-то учили, хотя я никогда не могла составить себѣ понятія о ея учености. Она безъ науки знала все, что ей нужно было знать, умѣла всякое дѣло поставить предъ собой такъ, чтобы обнять его со всѣхъ сторонъ и уразумѣть яснымъ пониманіемъ его смыслъ и значеніе. Изученіемъ же она знала, кажется, только Священное Писаніе, да французскій языкъ. Но зато что она знала, то знала въ совершенствѣ и изъ Священнаго Писанія любила приводить тексты, а по-французски говорила безукоризненно, но только въ случаѣ крайней въ томъ необходимости.

У князя Льва Яковлевича было два сына: Дмитрій и Левъ. Изъ нихъ Дмитрій на девятнадцатомъ году утонулъ, купавшись въ жару въ холодномъ озерѣ, отчего съ нимъ въ водѣ сдѣлались судороги, а князь Левъ Львовичъ на восемнадцатомъ году влюбился въ Варвару Никаноровну, которая, по ея собственнымъ словамъ, въ четырнадцать лѣтъ «была довольно авантюжна». Другіе же, напримѣръ, старые люди изъ прислуги княгини, дворецкій ся, Патрикій Семенычъ, и горничная, Ольга Ѳедотовна, выражались на этотъ счетъ гораздо рѣшительнѣе; они говорили, что «неописанной красотѣ бабушки и мѣры не было». Это же какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и вислій теперь предо мной ея большой портретъ, работы извѣстнаго Лампи. Портретъ писалъ во весь ростъ, масляными красками, и представляетъ княгиню въ то время, когда ей было всего двадцать лѣтъ. Княгиня представлена высокою, стройною брюнеткой, съ большими, ясными голубыми глазами, чистыми, добрыми и необыкновенно умными. Общее выраженіе лица ласковое, но твердое и самостоятельное.

Опущенная книзу рука съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и выступающая однимъ носочкомъ ботинки попка даютъ фигурѣ мягкое и царственное движеніе. Глядя на этотъ портретъ, я не могу себѣ представить, какъ пылкій и восторженный юноша, какимъ описываютъ моего попойнаго дѣда, могъ не влюбиться въ эту очаровательницу? Притомъ же онъ почти выросъ съ нею подъ однимъ кровомъ, онъ зналъ ея умъ, доброту, благородство ея мыслей и ту утонченную деликатность, которая приковывала къ ней всѣхъ, кто имѣлъ истинное счастье знать ее. Къ тому же, эта прелестная дѣвушка въ самые ранніе годы своей юности вдругъ совсѣмъ осиротѣла и, оставаясь одна на всемъ свѣтѣ, по самому своему положенію впускала къ себѣ сочувствіе и какъ бы по повелѣнію самой судьбы дѣлалась естественнымъ членомъ семьи призрѣвшихъ ее князей Протозановыхъ. Старики Протозановы такъ на это и смотрѣли, и когда сынъ ихъ Левъ Львовичъ, получивъ чинъ въ гвардіи, пріѣхалъ изъ Петербурга на побывку домой съ тѣмъ же пламенемъ любви къ сироткѣ, съ какимъ четыре года тому назадъ уѣхалъ, то они только обрадовались, что это чувство, выдержавъ испытаніе, остается прочнымъ. А когда молодой князь рѣшился просить ихъ о позволеніи жениться на Честуновой, то они сказали ему, что лучшей себѣ невѣстки, а ему жены, и не предвидѣли. Тутъ же у нихъ былъ отслуженъ благодарственный молебень и затѣмъ ихъ перевѣдчали и вскорѣ же, не успѣвъ нарадоваться ихъ молодымъ счастьемъ, отпустили ихъ въ Петербургъ.

Года не прошло послѣ этой свадьбы, какъ старики, одинъ вслѣдъ за другимъ, сонли въ могилу, оставивъ бабушку, Варвару Никаноровну, съ ея мужемъ полными наследниками всего состоянія, хотя не особенно богатаго, но, однако, довольно ихъ обезпечивающаго.

Заботливостью полюбившей и взявшей Варвару Никаноровну подъ свое крыло императрицы средства Протозановыхъ были вскорѣ сильно увеличены: дѣдъ получилъ въ подарокъ майоратъ и населенныя земли изъ старыхъ отписныхъ имѣній и сталъ богатымъ человекомъ. Имъ очень везло. Большое уже въ это время состояніе ихъ вскорѣ еще увеличилось самымъ неожиданнымъ образомъ: во-первыхъ, къ нимъ перешли, по наследству, обширныя имѣнія одного

дальняго ихъ родственника, нѣкогда ограбившаго ихъ предковъ и не имѣвшаго теперь, помимо дѣда, никакихъ другихъ ближайшихъ наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, въ старомъ Протозановскомъ лѣсу за Озерною нашли драгоценный кладъ: маленькую пушку, набитую жемчугомъ и мопетой, и, вѣроятно, спрятанную кѣмъ-то въ землю отъ разбойниковъ.

Дѣда, любившаго жить пышно, это очень обрадовало, но бабушка, къ удивленію многихъ, приняла новое богатство, какъ Поликратъ свой возвращенный моремъ перстень. Она какъ бы испугалась этого счастья и прямо сказала, что это однимъ людямъ сверхъ мѣры. Она имѣла предчувствіе, что за слѣпымъ счастіемъ пойдутъ бѣды.

Однако шли года, никакое несчастіе не приходило: дѣдушка служилъ очень удачно, дѣтей у нихъ было немного: одинъ сынъ и дочь, княжна Настасья Львовна. Эту единственную свою дочь бабушка, въ угожденіе императрицѣ, по противъ своего желанія, должна была записать въ институтъ, и это было для нея первымъ толчкомъ горя въ ея двери. Сынъ, нынѣшній дядя мой, князь Яковъ Львовичъ, былъ гораздо моложе сестры и былъ прекрасный мальчикъ. Словомъ, все было хорошо, но во всемъ этомъ счастіи и удачахъ бабушка Варвара Никаноровна все-таки не находила покоя: ее мучили предчувствія, что вслѣдъ за всѣмъ этимъ невдалекѣ идетъ бѣда, въ которой должна быть испытана ея сила и терпѣніе. Предчувствіе это, перешедшее у нея въ какую-то глубокую увѣренность, ее не обмануло: одновременно съ тѣмъ, какъ благополучнымъ теченіемъ катилось ея для многихъ завидное житье, тѣмъ же теченіемъ наплывалъ на нее и Поликратовъ перстень. Противъ дѣда и жены его, взысканныхъ всѣми милостями рока, поднималась мелкая зависть, которая зорко слѣдила за пониженіемъ уровня ихъ значенія и, наконецъ, дождалась времени, исполнѣ благопріятнаго для того, чтобы съ ними перевѣдаться. Это созрѣло какъ разъ предъ открытіемъ французской кампаніи, въ которую дѣдушка вступилъ съ своимъ полкомъ и былъ замѣчательно несчастливъ: въ какомъ дѣлѣ онъ ни участвовалъ, непріятель разбивалъ его самымъ роковымъ образомъ.

Бабушка, еще вращавшаяся тогда въ высшихъ кругахъ, чувствовала, что ея мужу измѣняетъ фортуна, что

онъ входитъ въ немилость, и не стала лавировать и поправлять интригами падающее положеніе, а, разставившись равнодушно со свѣтомъ, уѣхала къ себѣ въ Протоzanoво съ твердою рѣшимостью не выѣзжать оттуда.

Обстоятельства такъ сложились, что это рѣшеніе ея стало крѣпко.

Ольга Ѳедотовна, живая хроника, изъ которой я черпаю многія сказанія, касающіяся моего семейства, передавала мнѣ объ этомъ тягостнѣйшемъ періодѣ бабушкиной жизни слѣдующее. Я запишу это словами ея же собственной рѣчи, которую точно теперь слышу.

— Мы пріѣхали-то,—говорила добрая старушка,—такъ тогда домъ былъ совсѣмъ запущенъ. Лѣтъ десять вѣдь шло въ него не заглядываль, онъ хоть и крѣпкій былъ, а все сталъ на видъ упадать. Княгиня Варвара Никанорова и говорятъ: «надо поправить». Мастера и свои, и чужіе были, — ради спѣшки вольныхъ изъ Орла привезли. Княгиня все торопилась, потому что словно она ждала какого послѣдняго несчастія надъ дѣдиной, и хотя сама въ то время въ тягостяхъ была (ожидаемый ребенокъ былъ мой отецъ), но все ходила и наставляла, чтобы скорѣе домъ былъ отдѣланъ. Сами мы всѣ жили въ трехъ комнатахъ, а для князя она все хотѣла, чтобы весь домъ въ парадѣ былъ, и дума ея сіятельства была такая, что если его еще будетъ преслѣдовать несчастіе, то чтобы онъ нашелъ какой-нибудь способъ объясниться съ главнокомандующимъ или государю бы все отъ чистаго сердца объяснилъ и вышелъ въ отставку. Я это все знала, потому что княгиня вѣдь со мною, если у нихъ было что на сердцѣ тягостное, все говорили, и тогда, хотя я еще и молоденькая, даже противъ нихъ, дѣвочка была, а они отъ меня не скрывали.

— Я, говорить,—Ольга, такъ рѣшила, что лишь бы онъ здоровъ сюда пріѣхаль, а то ужъ мы отсюда никуда не поѣдемъ. Такъ здѣсь и будемъ жить, какъ свекоръ съ свекровью жили, а то они, эти не понимающіе справедливости и воли Божіей люди, его замучать.

Я, разумѣется, успокаивала ихъ и отвѣчала:

— Да, что вы, говорю,—матушка, ваше сіятельство, объ этомъ еще рано такъ много думаете; вѣдь это еще все, Богъ дастъ, можетъ-быть, совсѣмъ иначе пойдетъ и князь,

Господь дастъ, такую побѣду одержать, что цѣлое королевство возьмутъ.

А она меня перебиваетъ:

— Молчи, говорятъ, — Ольга, не говори вздора: я не напрасно безпокоюсь, а я это такъ чувствую. Господь мнѣ такъ много счастья далъ, какого я не стоила... ну, что же; а теперь, — изволятъ говорить, — если Ему меня испытать угодно, такъ сердце мое готово.

Я тутъ изъ усердія имъ глупое слово и скажи:

— За что же, говорю, — Онъ станетъ васъ испытывать: развѣ вы кому зло какое-нибудь сдѣлали?

А онѣ и разсердились:

— Ну, въ такомъ разѣ, говорятъ, — отойди лучше отъ меня прочь...

— За что же, говорю, — ваше сіятельство: вы меня простите!

— Да Богъ тебя простить, отвѣчаютъ, — но только я не люблю друга-потаковича, а лучше люблю друга-стрѣчника, и ты мнѣ соблазнъ. Развѣ, благая отъ Бога принимая, злого я не должна безъ ропота стерпѣть? Нѣтъ; ты уйди скорѣе отъ меня: я лучше одна съ моею покорностью хочу остаться!

И прогнали меня съ глазъ, а сами, вижу, вошли въ спальню и на *прѣдѣ* стали. А я въ обидѣ на себя, что княгиню такъ огорчила, прошла поскорѣе чрезъ дѣвичью, чтобы прочія дѣвушки меня не видали, потому что была разстроена, и выскочила, да и стала на вѣтерку, на крылечкѣ. Этакое волненіе на меня нашло, что плачу, точно вблизи самой себя что ужасное чувствую, а оно такъ и было. Всплакнула я разъ-два и вдругъ всего черезъ одну короткую минуту времени отнимаю отъ глазъ платочекъ и предо мною, смотрю, за кладовыми, за угломъ, стоитъ Патрикѣй Семенычъ и меня потихоньку рукою къ себѣ манить. Я какъ его увидала, такъ и затрепетала всѣмъ тѣломъ своимъ и ноги у меня подкосились, потому что знала, что этого быть не можетъ, такъ какъ Патрикѣй Семенычъ съ княземъ находился. Откуда же это онъ могъ сюда прямо съ войны взятъ? Вѣрно, думаю, его тамъ въ сраженіи убили, онъ мнѣ здѣсь какъ стѣнь и является, и опять на него взглянула и вижу, что и онъ на меня смотритъ: я вскрикнула и какъ стояла, такъ назадъ и пова-

лилась, потому что все думаю, что это мертвецъ. Но онъ намѣсто того сейчасъ же ко мнѣ подбѣжалъ, подхватилъ меня рукою и шепчетъ:

— Ахъ, что же такое, говоритъ, — Ольга Федотовна, что же дѣлать... полноте!

А я... какъ это услышала, такъ сердце у меня какъ у зайца и забилося.

— Какъ, говорю, — «что же дѣлать», а гдѣ князь?

А онъ этакъ головою на грудь наклонилъ и отвѣчаетъ:

— Не пугайтесь, говоритъ, — князь приказалъ всѣмъ долго жить; а я одинъ, говоритъ, съ письмомъ его пріѣхалъ, да вотъ уже часа четыре все за кладовыми хожу, васъ изъ-за угла высматриваю: не выйдете ли, чтобы посовѣтоваться, какъ легче объ этомъ княгинѣ доложить.

Не знаю ужъ я, матушка, чтò бъ я ему на это сказала, потому что у меня отъ этихъ его словъ рѣшительно даже никакого послѣдняго ума не стало, но только какъ мы это разговариваемъ, а наверху, слышу, надъ самыми нашими головами окошко шибко распахнулось, и княгиня этакимъ прихриплымъ голосомъ изволить говорить:

— Патрикѣй! чего ты тамъ стоишь: иди ко мнѣ сейчасъ!

Я, это-то услышавши, ну, думаю: ну, теперь все пропало, потому что знаю, какая она въ сердцѣ огненная и какъ она князя любила, и опять этакая еще она молодая и неопытная, да и въ тѣлѣ. Ну, думаю, конечно: все сразу собралось и аминь: послалъ ей Господь это такое испытаніе, что она его и не вынесетъ. И послѣ этого я ни за что за Патрикѣемъ вслѣдъ не хотѣла идти. Думаю: онъ все-таки сильный человекъ, мужчина, свѣта много видѣлъ и перенести можетъ, пусть какъ знаетъ, такъ ей докладываетъ, а я не пойду, пока она вскрикнетъ и упадетъ, а тогда я и вбѣжу и водой ее сбрызну, и платье отпущу. Ну, какъ Патрикѣй Семенычъ на крыльцѣ перекрестился и пошелъ, и я всю эту, трусость съ себя сбросила и не утерпѣла, постояла одну минуточку и тоже за нимъ побѣжала, думаю: ежели чтò съ нею, съ моей голубушкой, станется, такъ ужъ пусть при мнѣ: вмѣстѣ умремъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прибѣжала я въ ея комнату съ Патрикѣемъ Семеновичемъ почти за-разъ: онъ только что вошелъ и у дверей у

порога сталь, а она идетъ отъ окна вся какъ платъ блѣд-
ная, я уже ясно вижу, что она, сердечная, все поняла.
Подошла она молча къ голубому помпадуру, что посерединѣ
комнаты стоялъ, толкнула его немножко ножкою въ сторону
и сѣла какъ разъ супротивъ Патрикѣва лица.

Мнѣ и Патрикѣя-то Семеныча смерть жаль, и ея-то
жаль, и не знаю куда дѣться, просто, кажется, сквозь земь бы
провалилась и мычусь какъ угорѣлая, сама не знаю за что
взягься. А княгиня посмотрѣла на меня и говоритъ:

— Перестань вертѣться! что ты?

Я говорю:

— Я, ваше сіятельство, вашъ ридикюль ишу.

А она мнѣ ни слова больше, а только махнула голов-
кою: дескать, стань на мѣсто. Я скорѣе за помпадуръ и
юркнула, и чтобы мнѣ не видать Патрикѣва лица, гляжу
ей въ темя, а она вдругъ изволить къ Патрикѣю Семенычу
обращаться:

— Ну, приказываетъ, — говори, какъ все дѣло было?

Тутъ самая жуткость настала. Патрикѣй Семенычъ, какъ
и со мною у нихъ было, головою понурилъ и губа у него
одна по другой хлябаеть, а никакой молви нѣтъ. А кня-
гиня, сколь ей, вижу, ни тяжело, подняла на него все лицо
и говоритъ:

— Ну, что же это, Патрикѣй! сговорились вы, что ли,
всѣ меня нынче съ ума свести? Говори все, я тебѣ при-
казываю!

Патрикѣй вскрикнулъ:

— Матушка! я не могу, да въ ноги ей и грохнулся, и
сть полу лица не поднимаетъ.

Въ комнатѣ-то этакій свѣтъ вечерній, солнце садится,
въ бокъ все краснымъ обливаетъ, а у меня даже въ гла-
захъ стало темно и вижу, что княгиня, какъ не своею
силой съ помпадура встала и къ самой головѣ Патрикѣя
Семеныча подошла и говоритъ:

— Патрикѣй! я этого не люблю: ты съ чѣмъ пришелъ,
то долженъ сдѣлать. Живъ князь?

А Патрикѣй Семенычъ, не поднимая лица отъ пола, ей
отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, князя нашего нѣтъ въ жи-
выхъ.

Она брови наморщила и за сердце рукой взялась. Я ей

сейчас воды, — хлебнула и назад подала, а сама спрашиваетъ:

— Своєю смертью окончили или бѣдой какой?

Патрикѣй отвѣчаетъ:

— Въ сраженіи убитъ.

Княгиня оглянулась на образъ, перекрестилась и опять сѣла въ помпадуръ, потому что ноги ей, видно, плохо служили, и велѣла Патрикѣю все въ соблюденіи мелко рассказывать.

Ну, тогда Патрикѣй, видя, что она въ себѣ уже такую силу выдержала, всталъ и началъ смѣлке и такой его рассказъ былъ:

— Несчастіе, говоритъ, — ихъ сіятельство преслѣдовало ужасное: куда они ни вступягъ — все пораженіе, да пораженіе, и письма они стали получать изъ Петербурга ужасныя. Прочитають, бывало, волосы на себѣ рвутъ, такъ что даже смотрѣть на нихъ страшно; а потомъ даже вовсе этихъ писемъ распечатывать не стали. Какъ почта получитса, они ваши письма отберуть, прочитають и къ себѣ на грудь къ сердцу положить, а тѣ мнѣ приказываютъ все въ огонь бросать. Такъ мѣсяца два шло, а въ счастіи никакой перемѣны нѣтъ, и вдругъ одинъ разъ приходитъ къ нимъ въ палатку адъютантъ, разстроенный, весь блѣдный, и говоритъ имъ что-то по-французски, робко и несмѣло, а должно-быть самое неприятное.

А князь весь даже побагровѣлъ да вдругъ какъ крикнетъ на него по-русски:

— Какъ вы смѣли мнѣ это передать!

Тотъ ему отвѣчаетъ:

— Простите, говоритъ, — ваше сіятельство, я это, ей-Богу, изъ преданности... потому, говоритъ, — это все говорятъ, и я, говоритъ, опасаясь, чтобы въ неосторожную минуту свои офицеры противъ васъ...

Но князь не далъ ему это кончить и опять какъ крикнетъ:

— Къ чорту, говоритъ, — убирайтесь отъ меня съ этакою гашею преданностью и товарищамъ вашимъ то же самое отъ меня скажите; а если кто думаетъ, что я измѣнникъ, тотъ пусть завтра отъ меня не отстанетъ, а кто отстанетъ — тотъ клеветникъ и подлець.

И такъ онъ разсердился, что ни на что не похожъ былъ, и не раздѣлся, и въ кровать не легъ, а все въ шинели по

палаткѣ всю ночь проходилъ и черный кофе пилъ. Въ три часа ночи приказъ далъ солдатамъ коней сѣдлатъ и чтобы тихо такъ, чтобы ничего не слышно было, потому что неприятель у насъ совсѣмъ въ виду за балкой стоялъ. Пока люди сѣдлаютъ, а я ему умываться подаю, а онъ все велитъ себѣ воду съ ледкомъ на голову лить, а самъ все соловитъ горстями; глотаетъ, и самъ молитву «Живый въ помощи» читаетъ, — молится, а видъ у него совершенно потерянный. Начали они въ босвое платье одѣваться, а я имъ помогаю: берусь имъ саблю подвязывать, да вдругъ хлопъ... на землю ее и уронилъ.

Знаю, въ другое время они бы за это грозно разсердились и ужасно бы что могли сдѣлать, а тутъ только вздрогнули и говорятъ:

— Ахъ, Патрикѣй, что ты сдѣлалъ.

Я, говоритъ, шенчу:

— Виновать, ваше сіятельство.

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это не ты виновать, а это злая рука у тебя изъ рукъ вышибла. Прощай же, говоритъ, — чувствую, что я нынче своей головы изъ битвы не вынесу.

Патрикѣй Семенычъ заплакалъ и говоритъ:

— Что вы, ваше сіятельство, Богъ милостивъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— То-то и есть, что Онъ милостивъ: Онъ брани не любить и взявшаго мечъ мечомъ наказуетъ, но я упрямый человекъ, — мнѣ легче умереть, чѣмъ безчестно переносить, а ты, если меня убьютъ, возьми это письмо и ступай къ княгинѣ: тутъ все писано, а что послѣ писаннаго станется, про то ты самъ скажешь.

Патрикѣй имъ и осмѣлился доложить, что я, говоритъ, ваше сіятельство, лучше со свѣта сбѣгу, а не буду этого княгинѣ докладывать, потому какъ они этого не вынесутъ.

А князь имъ тутъ же на послѣдяхъ «дурака» сказали и говорятъ:

— Тебѣ или мнѣ больше дано мою княгиню знать? Не смѣй разсуждать, что она вынесетъ, а исполний, что тебѣ приказываю, и съ этимъ изъ палатки выходить сталъ.

А Патрикѣй, видя, что онъ это все какъ предсмертное приказаніе ему передаетъ, догналъ и спрашиваетъ:

— А что же, ваше сіятельство, если такъ, то дѣтямъ какое накажете благословеніе?

Князь остановился, но потомъ только рукой махнулъ:

— Богъ ихъ, говоритъ, — благословить, а все, что имъ нужно, мать преподастъ.

Патрикій же вдругъ вдосталь сталъ все спрашивать:

— Батюшка, ваше сіятельство, простите мое слово: княгинюшка молода, мысли ихъ будутъ въ Божьей власти: онѣ могутъ раннимъ вдовствомъ отяготиться и пожелать замужъ выйти.

Такъ отъ этого слова князь, говоритъ, даже весь въ лицѣ потемнѣлъ, но тихо отвѣтилъ:

— Все равно, она дѣтей не забудетъ, я въ ней увѣренъ. — И съ этимъ, говоритъ, ногу въ стремя поставилъ, поцѣловалъ, нагнувшись съ коня, Патрикія и сказала ему: — Поцѣлуй руку у княгини, и съ тѣмъ повелѣе полкъ въ атаку и, по предсказанію своему, живой съ поля не возвратился.

Зарубились они въ рать непріятельскую въ самую средину и все кричали: «всѣ за мной, всѣ за мной!» но только мало было въ этомъ случаѣ смѣлыхъ охотниковъ за нимъ слѣдовать, кромѣ одного трубача! Тотъ одинъ изъ всѣхъ и видѣлъ, какъ дѣдъ бился, пока его самого на части изрубили. Жестоко израненный трубачъ выскочилъ и привезъ съ собою князеву голову, которую Патрикій обмылъ, уложилъ въ дорожный берестяной туезъ и схоронилъ въ глубокой ямкѣ подъ замѣтнымъ крушиннымъ кустомъ.

Какъ Патрикій кончилъ это печальное сказаніе, такъ бабушка, по словамъ Ольги Федотовны, встала и позвала его къ своей рукѣ, какъ то ему завѣщавъ покойный князь, и затѣмъ сама его въ голову поцѣловала и сквозь глубокихъ и обильныхъ слезъ выговорила:

— Благодарю и цѣню, и по гробъ не забуду, и съ этимъ вышла въ образную.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не было съ княгиней Варварой Никаноровной ни обморога, ни истерики, а на другой день она велѣла служить въ своей церкви по мужъ заупокойную обѣдню, къ которой приказала быть всѣмъ крестьянамъ ближнихъ селъ, ихъ старостамъ, бурмистрамъ и управителю. Ольга Федотова

разсказывала, что бабушка, стоя за обѣднею у клироса, даже мало плакала. Она, вѣроятно, успѣла вдоволь выплакаться, оставаясь всю ночь въ своей образной, и теперь не хотѣла, чтобъ ее видѣлъ кто-нибудь слабою и слезливою. Она даже не разъ обращала вниманіе ктитора на подтаивавшія мелкія свѣчи желтаго воска, которыя ставили къ кануну за упокой князя крестьяне, а потомъ сама послѣ панихиды скушала первую ложку кутьи и положила одно зерно съ нея въ ротикъ сына, котораго держала на рукахъ нянька, одѣтая въ черное траурное платье.

Послѣ обѣдни, по обычаю, былъ столъ духовенству, за которымъ обѣдать и управитель, а крестьянамъ были накрыты особые большіе столы на дворѣ, и всѣ помянули князя по предковскому обычаю и подивились тоже предковской силѣ духа молодой княгини.

Однако, молчаливая, но терзающая скорбь, вѣроятно, такъ тяготила и пугала княгиню, что она страшилась мысли оставаться съ нею самъ-на-самъ: бабушка берегла свою *отвагу*, свою душевную бодрость.

Средствомъ для этого она избрала едва ли не самое лучшее изъ всѣхъ средствъ,—именно усиленную дѣятельность. Тотчасъ же послѣ поминовенія усопшаго, бабушка принялась самымъ энергическимъ образомъ за распорядки, въ которыхъ, нимало другъ другу не мѣшая, или и хозяйственные мѣропріятія и планы, и заботы о памяти мужа, и объ очисткѣ всѣхъ его нравственныхъ долговъ.

Во-первыхъ, тотчасъ же послѣ заукойнаго обѣда, въ ея комнату прямо изъ-за стола былъ позванъ Патрикій. Бабушка встрѣтила его опять повтореніемъ выраженныхъ ему вчера благодарностей за службу дѣду, а потомъ подала ему составленную ею отпускную и подарила изъ своего отцовскаго наслѣдія пустынку въ тридцать десятинъ за рѣчку Дранкою.

Преданный Патрикій возронталъ противъ этого и сталъ энергически отказываться, но бабушка принудила его молчать, сказавъ, что все это нужно для нея, такъ какъ: «неблагодарность тягчитъ сердце челоѣка».

Вслѣдъ за симъ она приказала тому же Патрикію, отдохнувъ, немедленно ѣхать засвидѣтельствовать эту вольную и потомъ, во что бы то ни стало, гдѣ онъ хочетъ, разыскать и привезти ей трубача, раздѣлявшаго съ дѣдомъ опасность

въ его послѣднемъ бою. А сама взялась за хозяйство: она потребовала изъ конторы всѣ счета и отчеты, и безпрестанно призывала старость и бурмистровъ, — во все входила, обо всемъ освѣдомилась и всѣмъ показала, что у нея и въ тяжелой горести недреманное око.

— Мать, — говорили крестьяне: — горе горюетъ, а дѣтское добро бережетъ.

Межь тѣмъ отѣхавшему Патрикѣю предстояла нелегкая задача отыскать израненнаго солдата, путь котораго, за выходомъ его въ отставку, былъ бабушкиному послу неизвѣстенъ. Къ тому же, Патрикѣй, который недаромъ пользовался довѣріемъ князя и княгини, потому что онъ былъ уменъ, находчивъ и сообразителенъ, здѣсь на первыхъ же шагахъ обличилъ совсѣмъ несвойственное ему крайнее легкомысліе и вѣтреность. На другой же день послѣ его отѣзда, лакейчонки, начавъ убирать переднюю, нашли въ ящикѣ, въ столѣ, тщательно обернутую бумагу, по разсмотрѣніи которой конторщикомъ она оказалась Патрикѣевой вольною. Онъ долженъ былъ захватить ее съ собою и завезти въ палату, а между тѣмъ... бросилъ, какъ «даръ напрасный, даръ случайный».

Когда эту вольную представили княгинѣ, она только улыбнулась и сказала:

— Этотъ человекъ истинный другъ мнѣ, и тотчасъ же велѣла конторщику ѣхать засвидѣтельствовать отпускную и потомъ положить ее опять въ то же самое мѣсто, гдѣ ее оставилъ Патрикѣй, и никогда ему объ этомъ не сказывать. Все это такъ и было исполнено.

Эта историческая для насъ вольноотпускная Патрикѣя Семеныча Сударичева, хранящаяся нынче въ семейномъ архивѣ дяди, князя Якова Львовича, такъ и пролежала близъ сорока лѣтъ въ ящикѣ, куда положилъ ее Патрикѣй и откуда никогда не хотѣлъ ее вынуть.

Межь тѣмъ прошло около трехъ мѣсяцевъ, о самомъ княгининномъ послѣ не было ни слуху, ни духу, и вдругъ онъ возвратился, и не одинъ, а съ кѣмъ ему было сказано.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ольга Федотовна, доходя въ своихъ разсказахъ до этого событія, всегда впадала въ какой-то смѣшанный траги-комическій тонъ повѣствованія. Трагическое тутъ всегда при-

надлежало бабушкѣ, а комическое—трубачу, котораго мѣсяца черезъ три послѣ своего отъѣзда привезъ Патрикѣй Семенычъ. Я занншу этотъ разсказъ такъ, какъ его слышала изъ устъ самой гвѣстуньи бабушкиной старости и моего дѣтства.

— Бабушка-то тутъ все еще продолжала задавать себѣ трудъ за трудомъ,—начинала, бывало, Ольга Федотовна.—Трудъ за трудомъ, голубушка моя, такъ на себя и хватала, такъ и заханивала на свои молодые ручки, чтобъ онѣ у нея поскорѣе уставали, такъ время и прошло. Со смерти князя-то шель уже седьмой мѣсяць, а ея тягости девятый исполнился. Въ эту-то пору, въ самую весеннюю ростенель, Патрикѣй Семенычъ съ трубачомъ и воротился. По правдѣ сказать: было кого столько времени по всему свѣту искать... И привезъ-то его Патрикѣй Семенычъ изъ-подъ Грайворона, и самъ-то онъ назывался Грайворона, и все, что онъ, бывало, ни сдѣлаеть, изо всего у него выходила одна грайворона. Былъ онъ изъ хохловъ,—солдатице этакой, какъ верблюдь огромнѣйшій и нескладный, какъ большое корыто, въ какихъ прачки за большою стиркою бѣлье снпять, и вдобавокъ былъ весь синеватый, изрубленный; по всему лицу у него крестъ-на-крестъ страшные шрамы перекрещивались, а одна бакенбарда совсѣмъ на особомъ на отрубленномъ кускѣ росла и не зная, какъ она у него при рожѣ и держалась. Словомъ, такой красавецъ, что безъ привычки смотрѣть на него было страшно, или, лучше того сказать, можно было его по ярмаркамъ возить да за деньги по грошу показывать.

Княгиня его сейчасъ къ себѣ потребовала и долго, молча, на эти его рубцы и шрамы, что по всему лицу шли, смотрѣла, точно сосчитать ихъ хотѣла: сколько онъ, талагай, ихъ въ смертномъ бою за дѣдиньку получить, а потомъ тихо его спрашиваютъ:

— Какъ тебя звать?

— Петро Грайворона, говорить, — ваше сыятелство! — И все это такимъ густымъ басомъ, что какъ изъ бочки содигъ.

Княгиня и продолжаютъ:

— Ты изъ хохловъ, что ли?

— Точно такъ, говорить, — ваше сыятелство: я изъ хохловъ.

— Что же ты... за что ты особенно моего мужа любишь?

— Никакъ нѣтъ, говорить, — ваше сыятелство, въ особину не любишь.

— Этакій дуракъ, — хохлице безмозглыи былъ! — обыкновенно, смѣясь, восклицала, бывало, прерывая рассказъ, Ольга Федотовна: — въ службѣ былъ, а рѣшительно никакой политики не могъ сохранить, что кстати, что некстати, все, бывало, какъ думаетъ, такъ и ляпнетъ!

Княгиня изволятъ продолжать:

— Какъ же такъ: если ты, говорятъ, — особенно его не любишь, то почему же ты его въ очевидной смерти не бросилъ, когда отъ него все отстали?

— Командиръ, говорить, — ваше сыятелство: командира цѣлзи бросить, на то крестъ цѣловаль.

Ну, и вотъ грубость да откровенность его эта княгини не понравилась: она ему тутъ головкой кивнула и ласково говорить:

— А-а, такъ вотъ ты какой! Это хорошо, честно.

А онъ вкратцѣ ей по-своему отвѣчаетъ:

— Точно такъ, ваше сыятелство! — и что разъ отвѣтить, выкрикнетъ, то еще больше въ струну по-полковому вытягивается, такъ что даже нога объ ногу кожаной подшивкой на напталонахъ скрипитъ.

Княгиня изволятъ его благодарить.

— Ну, во всякомъ разѣ, говорить, — ты добрый человекъ, что ко мнѣ прѣхаль.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ, — я ослушаться не смѣлъ.

— Почему же ты меня не смѣлъ ослушаться?

— Вы командирша, говорить, — ваше сыятелство.

— А-а, — отвѣчаетъ княгиня: — это хорошо! — и сами улыбаются, — ты, значить, теперь послѣ мужа ко мнѣ подь команду поступаешь?

— Точно такъ, ваше сыятелство.

— Ну, такъ отвѣчай же своей командиршѣ: много ли у тебя какого роду-племени?

— Никого, говорить, — у меня не осталось ни роду, ни племени: я за сиротство и въ солдаты отданъ.

— Ну, назови мнѣ добрыхъ людей, которымъ бы ты за ихъ добродѣтели чѣмъ-нибудь пособить хотѣлъ.

— Никогда, говорить, — я добрыхъ людей, ваше сыятелство, не бачиваль.

Княгиня удивилась и говоритъ:

— Какъ: неужто ты во всю жизнь ни одного добраго человѣка не видалъ?

— Точно такъ, говоритъ, — еще никогда ни одного не видалъ.

— Неужели же, говорятъ, — у тебя и въ полку любимаго товарища не было?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ, — ни одного не было: меня въ полку всѣ «хохломы» дразнили.

— Ну, такъ хошлы-то твои, вѣрно, тебя въ деревнѣ любили?

— Никакъ нѣтъ, ваше сыятелство, — они меня, какъ я вернулся, стали «москалемъ» звать и выгнали.

— Куда же они тебя и за что выгнали?

— Такъ, сказали: — ступай вонъ, чтобъ у насъ здѣсь твоего московскаго духу не было.

— Ну, а кто же тебя принялъ?

— Слѣпой Игнатъ принялъ.

— Ну, такъ, стало-быть, этотъ слѣпой Игнатъ былъ добрый человѣкъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сыятелство, — онъ самый подлюга и есть: онъ меня пьянымъ напоилъ да хотѣлъ мнѣ кипяткомъ глаза выварить, чтобы вдвоемъ слѣпые цѣть станемъ, такъ больше подавать будутъ. Одинъ Господь спасъ, что я на ту пору проснулся, такъ и побилъ его.

Княгиня даже задумалась и потомъ говоритъ:

— Экой ты какой... ничего съ тобой не сообразишь! и, обратясь къ Патрикѣю Семенычу, изволили приказать, чтобъ отдать ихъ именемъ управителю приказаніе послать за этого Грайворону въ его село на бѣдныхъ пятьсотъ рублей, а въ церковь, гдѣ онъ крещень, заказать серебряное паникадило въ два пуда вѣсу, съ большимъ яблокомъ, и чтобы по этому яблоку видная надпись шла, что оно отъ солдата Петра Грайворона, который до смертнаго часа не покинулъ въ сѣчи командира своего князя Льва Протозанова. «Это я, говорить, такъ хочу, чтобы въ селѣ помнили, что подъ сею паникадилою былъ крещень честный человѣкъ, а что русскіе князья доблесть чествуютъ».

А солдатище - то, это услышавши, весь просіялъ: стоитъ и зубы скалитъ. Такъ ему весело, что онъ и всю субординацію свою, дуракъ, позабылъ: корчится отъ смѣха и присѣдаетъ, да ручищами въ колѣни хватается.

И княгиня, глядя на него, что онъ такъ киснетъ со смѣху, и сами разсмѣялися, и говорятъ:

— Чего же ты смѣешься? Вѣрно, тебѣ это не нравится?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить, — ваше сиятельство, очень что прекрасно, потому что имъ отъ этого никогда въ носъ неучкнетъ, что этотъ паникадилъ для меня горѣть будетъ, а не для праздника.

Ну, такъ ужь и я разсмѣялась и даже Патрикѣй Семеновъ, на что былъ человекъ серьезный, такъ и онъ тоже на грудь лицо опустилъ и улыбнулся. А княгиня, разумеется, изъ всего этого ясно усмотрѣла, что она такое есть эта Грайворона, и сейчасъ вышли на минуту съ Патрикѣемъ въ другую комнату и спрашиваютъ:

— Что онъ, кажется, пьющій?

Патрикѣй отвѣчаетъ:

— Очень, говоритъ, — ваше сиятельство, пьющій.

Княгиня пожалѣли.

— Экая, изволила сказать, — жалость! Намъ — я вижу, никакъ нельзя его навѣкъ устроить, его надо у насъ дома сберечь.

Патрикѣй отвѣчаетъ:

— Это какъ вашему сиятельству будетъ угодно.

А княгиня вышли опять въ залъ и говорятъ Грайворонѣ:

— Ну, слушай команду.

— Радъ, говоритъ, — стараться.

— Я тебѣ приказываю оставаться у меня.

— Радъ стараться!

— Будешь жить на всемъ на готовомъ.

— Радъ стараться!

— И платье, говорятъ, — и обувь, и нищу дамъ, и хозяйство устрою, и по три рубля денегъ въ мѣсяцъ на табакъ будешь получать, — только осторожнѣй кури и трубку куда пошло съ огнемъ не суй, а то деревню сожжешь.

Она это ему причитаетъ, а онъ, точно индюкъ на похвистъ, оретъ: радъ стараться!

— А водки, — княгиня спрашиваетъ, — сколько ты любишь употреблять?

— Не могу знать, говоритъ, — ваше сиятельство. Я ее еще до-сыта никогда не пилъ.

— Ну, такъ тебѣ отъ меня положеніе будетъ три стакана въ день пить; довольно это?

— Не могу знать, ваше сиятельство, а только я три стакана всегда могу пить.

— Ну, и на здоровье.

— Всегда здоровъ буду, ваше сиятельство.

Княгиня опять на него посмотрѣла и сказала: — «Экой какой», и отпустили его и сейчасъ же взялись всѣ свои на его счетъ обѣщанія исполнять.

Въ церковь его паникадилъ былъ заказанъ, въ село бѣднымъ деньги посланы, да и еще слѣпому тому злему въ особину на его долю десять рублей накинута, чтобы добрый былъ, а Грайворону тутъ дома мало чуть не однодворцемъ посадили: дали ему и избу со свѣтлякой, и корову, и овецъ съ бараномъ, и свинью, и мѣсячину, а водка ему всякій день изъ конторы въ бутылкѣ отпускалась, потому что на весь мѣсяць нельзя было давать: всю сразу выпивалъ. Но всѣ эти заботы о немъ онъ ни во что обращалъ: бутылки этой, отъ княгини положенной, ему мало было, и онъ все, что могъ, отъ себя въ казенное село въ кабакъ тащилъ, но во хмелю былъ очень смирный. Придетъ, бывало, домой, у своей пустой избы на порожекѣ сидеть и сидеть, только какъ сычъ глаза вынырнуть и водить ими, а ничего не видеть. Скажутъ ему:

— Гляди ты, чудакъ, до чего ты доицлся: вѣдь у тебя уже въ глазахъ и свѣту нѣтъ.

А онъ чуть вицно проворочаетъ:

— А на что мнѣ, говорить, — въ глазахъ свѣтъ, когда за меня паникадило свѣтитъ, — и съ тѣмъ конырнется и тутъ же и спать на порогѣ.

Какъ о немъ ни заботились, чтобы отучить его отъ этой слабости, и Патрикѣй Семенычъ, и сама княгиня, ничего ему не помогало. Княгиня вдобавокъ къ прежней о немъ заботѣ стала говорить:

— Онь, можетъ-быть, скучаетъ; не женить ли его на какой доброй женщицѣ, чтобы его берегла?

Такъ онъ отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше сиятельство: я къ семейству неспособенъ. Я въ себѣ кавалерскій характеръ имѣю и всякой женщицѣ очень скоро наскучить могу.

Ну, однимъ словомъ, никуда, болванъ, не годился!

Но княгиня вѣдь ужъ была такая, что если она за котораго человѣка возьмется, чтобы его спасты, то уже тутъ

что про него кто ей ни говори, и что онъ самъ ей худого ни сдѣлай, она его ни за что не броситъ. Такъ было и съ этой, прости меня Господи, съ Грайвороной: что онъ, недѣлимый, ей ни досаждалъ, она все терпѣла и виду не показывала, что надокучилъ. На пьяныхъ людей была первая ненавистница и во всѣхъ имѣнiachъ у насъ это знали и никто мало-мальски выинивши носу на улицу не смѣлъ показывать, а Грайворона, бывало, идетъ, шатается, солдатская шапка блиномъ на затылкѣ, руки безобразно въ карманы засунуть и весь разхристанный. Тыфу, даже смотрѣть мерзко, а она, взглянувъ на него, только жалостно поморщится и скажетъ Патрикѣю:

— Уберите его несчастнаго!

За то же и онъ ее, голубушку, чуть шути со свѣта поубралъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Обстоятельство это было такое смѣшное, да не мало и страшное,—продолжала Ольга Федотовна,—а заключалось оно въ томъ, что, храни Богъ, если бы тогда бабеньку Господь не помиловалъ, такъ и тебя бы на свѣтъ не было, потому что это все произошло при рожденіи твоего отца, князя Дмитрія, всего на второй день. Бабенька лежала тогда въ своей спальнѣ, въ нижнемъ этажѣ, окна въ садъ темно-зеленой тафтой завѣшены. Мы сидимъ,—я да вторая надо мною была горничная Феклуша,—такую тишину блюдемъ, что даже дыханіе утаиваемъ, а Грайворона нашлся пьянъ и, набивши порохомъ старый мушкетъ, подкрался подъ княгинины окна и выналялъ. Сдѣлалъ онъ это въ тѣхъ цѣляхъ, «чтобы, говорить, командирова новорожденнаго сына какъ должно по военному артикулу поздравить». Но такъ съ пьяныхъ-то глазъ съ излишникомъ пороху переложилъ, что весь мушкетъ у него въ рукахъ разлетѣлся и ему самому всю рожу опалило и большой палецъ на рукѣ оторвало. Этакъ онъ самого себя поздравилъ, а съ княгиней отъ страшнаго перепуга долгій обморокъ сдѣлался, потому же, какъ въ себя изволили придти, сейчасъ спрашиваютъ:

— Что это такое было? чего я испугалась?

И говорю:

— Ничего, матушка, все, слава Богу, цѣло и хорошо.

— Да что же такое именно?

— Что же, говорю, — кромѣ какъ Грайвороны глупости, — и рассказываю ей, что этотъ талагай сдѣлалъ и съ какимъ намѣреніемъ.

А княгиня мнѣ отвѣчаетъ:

— А вотъ видишь, говорятъ, — вы все меня увѣряете, что онъ глупъ. Вы всѣ на него нападаете, а онъ вѣрный человѣкъ. Прикажи, говорятъ, — ему сейчасъ отъ меня стаканъ вина поднести и поблагодарить.

Все бы это тѣмъ и кончилось, но тутъ я-то вышла приказанье исполнить, а эта, вторая-то горничная, начала княгинѣ на ея вопросы отвѣчать, да и брякнула, что Грайворонѣ мушкетъ палець оторвалъ и лицо опалилъ.

Княгиня растревожилась:

— Ахъ, онъ бѣдный, говоритъ, — отвезти его сейчасъ къ лѣкарю, чтобы помогъ.

Однако, къ лѣкарю Грайворону не посылали, потому что онъ, проснавшись, ни за что о томъ слышать не хотѣлъ.

— Если я ея сыятелству моимъ усердіемъ, говоритъ, — потрафилъ, такъ прочее все пустяки, — и, не долго думая, взялъ овечьи ножницы да самъ себѣ палець оторванннй совсѣмъ прочь и отстригнулъ.

— А насчетъ рожи, что опалили, говоритъ, — это совсѣмъ не замѣчательно: она, почитай, такая и была; опухъ, говоритъ, — самъ пройдетъ, а тогда она опять вся на своемъ мѣстѣ станетъ.

И она у него, эта его рожа страшная, точно сама зажила, только припалившись еще немножечко будто почернѣе стала, но пить онъ не пересталъ, а только все осѣдомлялся, когда княгиня встанетъ, и какъ узналъ, что бабинька велѣла на балконъ въ голубой гостиной двери отворить, то онъ подъ этотъ день немножко вытрезвился и въ печи мылся. А какъ княгиня сѣли на балконъ въ кресло, чтобы воздухомъ подышать, онъ проползъ въ большой сиреневый кустъ и оттуда, изъ самой середины, началъ ихъ какъ перепелъ кликать:

— Ваше сыятелство! а ваше сыятелство!

Княгиня его голосъ сейчасъ узнала и говоритъ:

— Это ты, бѣдный Грайворона?

— Точно такъ, говоритъ, — ваше сыятелство, я-сѣ!

— Гдѣ же ты сирятанъ?

— Я, ваше сиятельство, здѣсь, въ серединѣ, въ пустѣ сажу.

— Явись же сюда ко мнѣ наружу!

— Никакъ нельзя, ваше сиятельство; я не въ порядкѣ.

— Чѣмъ же ты не въ порядкѣ?

— Рожка у меня, ваше сиятельство, очень поганая.

— Рожка поганая? [Ну, что дѣлать: выходи, я не пуглива.

Онъ и вылѣзь... Прелести сказать какъ былъ хорошъ! Сирень-то о ту пору густо цвѣла и молодые эти лиловые букетики ему всю голову облѣпили и за ушами и въ волосахъ вездѣ торчатъ... Точно волшебный Фавна, что на картинахъ пишутъ.

Княгиня поглядѣла на него и говоритъ:

— Что ты, бѣдный: вѣрно все пьешь?

— Точно такъ, говорить,—ваше сиятельство,—пью.

— Зачѣмъ же ты не остановишься?

— Да помиуйте, отвѣчаетъ, — когда мнѣ уже мочи нѣтъ—жить очень хорошо. Велите мнѣ какую-нибудь работу работать.

Княгиня его за это одобрили; но ничего ему это не пошло. Никуда неспособный былъ человекъ, не тѣмъ онъ будь, покойничекъ, помянуть. Къ разнымъ его княгиня должностямъ опредѣляли, ни одной онъ не могъ за пьянствомъ исполнить. Въ десятники его ставили, онъ было всѣхъ бабъ перебилъ; въ конюшни опредѣлили, такъ какъ это въ кавалеріи соответственнѣе, онъ подъ лошадь попалъ, только, слава Богу, подъ смирную: она такъ надъ нимъ всю ночь не двинулась и простояла; тогда его отъ этой опасности въ огуменные старосты назначили, но тутъ онъ сдѣлать княгинѣ страшные убытки: весь скирдникъ, на многія тысячи хлѣба трубкой сжегъ. И послѣ этого какъ проспался, да все это понялъ, что надѣлалъ, такъ пошелъ, съ горя, въ казенное село, на ярмарку, да тамъ совсѣмъ и замутился: отлѣшил отъ иконы свѣчку въ церкви и началъ при всѣхъ за обѣдню трубку закуривать. Его мужики начали выводить да и помяли. Привезъ его къ намъ на телѣгѣ одинъ тоже чудакъ дворянинъ, Донкихотъ Рогожинъ звался, только, покойникъ, уже плохъ былъ и вздохнуть не могъ. Княгиня ему послала бутылку нашатырнаго спирту, чтобъ онъ хорошенько вытерся, а вдругъ ей дѣ-

кладываютъ, что ему отъ этого еще хуже стало. Княгиня сама къ нему пошла, а уже у него и голоса нѣтъ: всѣ губы почернѣли, а изо рта нашатырь дышитъ.

Княгиня вдругъ ударила себя пальчикомъ въ лобъ и говоритъ мнѣ:

— Ахъ, Ольга, какіе мы съ тобою дуры: вѣдь это онъ вѣрно нашатырь внутрь выпилъ. Спрашиваютъ его:

— Скажи мнѣ, Грайворона, какъ ты моимъ лѣкарствомъ выггерся?

А онъ ей проснѣлся, что какъ надо, говорить, сдѣлать,—все изъ бутылочки вышилъ, а бутылочкой себя по всѣмъ мѣстамъ вытеръ.

Значитъ и снаружи, и спаружи себя обошелъ... Ну, что же тутъ было дѣлать? Послали скорѣе за докторомъ, а только онъ его ждаль не захотѣлъ и къ другому утру кончился, и кончился—съ такъ, какъ бы и всякій ему позавидоваль: на собственныхъ на княгининихъ ручкахъ Богу душу отдать. И даже какъ это немножко не въ ожиданности, вдругъ пристигло, такъ сама же княгиня ему отходную прочитала и своими руками глаза завела. Вотъ какой отъ хорошей жены и пустому человѣку за мужа почетъ былъ!—добавляла Ольга Федотовна, въ разсказѣ которой о Грайворонѣ всегда звучала нота небольшой раздражительности, которую, однако, напрасно кто-нибудь приметъ бы за неудовольствіе на этого бѣднаго человѣка, или за открытую нелюбовь къ нему. Боже сохрани! Добрѣйшая старушка моя ни къ кому не питала такихъ чувствъ и въ душѣ она очень сожалѣла Грайворону и даже любила его; но... Тутъ нужно было довольно тонкое проникновеніе, чтобы понять: зачѣмъ этотъ какъ бы недовольный тонъ и къ кому именно онъ относится? Ольга Федотовна никогда не могла примириться съ тѣмъ, что бабушка цѣнила поступокъ Грайвороны какъ нѣчто достойное особой похвалы и благодарности, тогда какъ Ольга Федотовна знала, что и она сама, и Патрикѣй, и многіе другіе люди, не разъ, а сто разъ кряду умерли бы за князя и княгиню, и не помыслили бы поставить это себѣ въ заслугу, а только считали бы это за святой долгъ и за блаженство.

Разсказомъ о смерти Грайвороны и о рожденіи моего отца Ольга Федотовна всегда какъ будто заглаживала введеніе въ нашу семейную хронику. За этимъ слѣдовало повѣствованіе объ одинокомъ житьѣ-бытьѣ княгини Варвары Никаноровны

до тѣхъ поръ, пока ей настало время выдать замужъ воспитанную въ Петербургѣ княжну Анастасію Львовну и заняться воспитаніемъ моего отца, но я должна поступить иначе: я должна еще удержаться въ этомъ тихомъ періодѣ ранняго бабушкинаго вдовства для того, чтобы показать облики ея ближайшихъ друзей и очертить характеръ ея дѣятельности за предѣлами дома—въ обществѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ понятно мнѣ то, что Данте разсказываетъ объ одномъ миниатюристѣ XIII вѣка, который, начавъ рисовать изображенія въ священной рукописи, чувствовалъ, что его опытная рука постоянно дрожитъ отъ страха, какъ бы не испортилъ миниатюрныя фигуры. Въ эти минуты я чувствую то же самое: пока я писала о бабушкѣ и другихъ предкахъ Протозаповскаго дома, я не ощущала ничего подобнаго, но когда теперь мнѣ приходится нарисовать на память ближайшихъ бабушкиныхъ друзей, которыхъ княгиня избирала не по роду и общественному положенію, а по ихъ внутреннимъ, ей одной вполне извѣстнымъ преимуществамъ, я чувствую въ себѣ невольный трепетъ. Могу ли я хоть сколько-нибудь отчетливо изобразить симпатичныя, умиляющую теплотой и безмѣрнымъ благородствомъ дышавшія черты этихъ маленькихъ людей?

Первыми друзьями молодого вдовства княгини были два самыя скромныя лица, имена которыхъ я уже упоминала: это Патрикій Семенычъ Сударичевъ и Ольга Федотовна, которую я девятнадцать лѣтъ криду видѣла изо дня въ день, но фамилія которой осталась для меня неизвѣстною. Я даже думаю, что она и сама ее едва ли знала. Оба эти друга княгини были существа очень добрыя, честныя и беззапятно ей преданныя, а притомъ каждый изъ нихъ совершенно по-своему, что зависѣло отъ различія ихъ характеровъ. Патрикій Семенычъ имѣлъ умъ довольно глубокой и сосредоточенный, характеръ солидный и даже немножко важный; онъ по натурѣ былъ фанатикъ рабской преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ. Ольга же Федотовна имѣла натуру болѣе впечатлительную и нервную: она была быстрее Патрикія въ своихъ соображеніяхъ и хотя поступала иногда немножко легкомысленно, но зато нескучала этотъ недостатокъ точнымъ женскимъ

чутьемъ, съ которымъ она открывала малѣйшія причины бабушкиныхъ скорбей и умѣла утѣшать ее прежде, чѣмъ основательный Патрикій, подперши рукою свое жабо, могъ до чего-нибудь додуматься. Преданность бабушкѣ у Ольги Ѳедотовны была такая же глубокая и страстная, какъ и у Патрикія, но въ ней замѣшивалась нѣкоторая нервная раздражительность и нетерпѣливость, благодаря которой она иногда впадала въ критицизмъ, и, возмнивъ себя чѣмъ-нибудь обиженною, начинала плакать и дуться на княгиню. Бабушка это хорошо знала и въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорила:

— Ольга Ѳедотовна! Чтò это ты, мать моя, кажется, опять на меня за что-то разсердилась? Ну, прости Христа ради.

Ольга Ѳедотовна сейчасъ же по такому поводу проливали слезы и становилась счастливою. Бабушка втайнѣ отъ нея говаривала, что это у нея «такая *пассія*: захочется ей поплакать, она и начнетъ что-нибудь выдумывать, чтобы на меня разсердиться. Я сношу, привыкла и знаю, что она уваженія стоить».

Патрикій былъ ортодоксальнѣе Ольги въ своей вѣрѣ къ бабушку и потому никогда не согрѣшалъ противъ нея и не зналъ сладости слезъ Петрова покаянія.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя различія характеровъ Патрикія и Ольги. Бабушка обоимъ ихъ любила очень сильно, но тоже не совсѣмъ одинаковымъ образомъ: къ Патрикію она обнаруживала больше уваженія, а къ Ольгѣ Ѳедотовнѣ больше нѣжности. Княгиня считала ее легкомысленною и тарантою, что было отчасти и справедливо, но непремѣнно любила съ нею ночью поболтать и посоветоваться. При простудныхъ же болѣзняхъ, которымъ очень часто подвергалась неосторожная Ольга Ѳедотовна, бабушка сама обтирала ее согрѣтымъ виномъ съ уксусомъ и пила теплою малиной, хотя не забывала при этомъ ворчать:

— Это тебѣ, впрочемъ, и по дѣломъ, потому что ты таранта и любишь летать куда тебѣ не нужно.

А Ольга Ѳедотовна при этомъ цѣловала ручки бабушки и отвѣчала:

— Истинная правда: не столько я вамъ служу, сколько вы за мной ходите.

Патрикѣй былъ лѣтъ на двадцать старше бабушки, а Ольга Федотовна лѣтъ на восемь ея моложе. Она родилась на дворнѣ въ Протозановѣ и дѣвчонкою была отвезена въ Москву, гдѣ училась въ модномъ магазинѣ. Когда бабушка проѣзжала съ мужемъ послѣ свадьбы изъ деревни въ Петербургъ, ей сдѣлали въ этомъ магазинѣ платяя. Ольга Федотовна бѣгала къ бабушкѣ «съ примѣркой» и, понравившись княгинѣ за свою миловидность, была взята ею въ Петербургъ.

— Обѣ мы были молоденькія, — рассказывала объ этой порѣ Ольга Федотовна. — Княгиня въ самые большіе дома и во дворецъ выѣзжала, и обо всемъ томъ, кажется, могли наговориться, а бывало, чуть только вернутся, сейчасъ ко мнѣ: раздѣнутся и велить себѣ задорную корочку аржаного хлѣба покруче крупной солью насолить и у меня на сундучкѣ сядутъ и начнемъ съ нею про деревню говорить. А если когда князя долго нѣтъ и княгиня скучаютъ, то положутъ предъ собою отъ нетерпѣнія часики съ такою скорою стрѣлкой, — мы ее «тиранъ жизни» прозвали, и обѣ вмѣстѣ, чтобы не заснуть, на эту стрѣлку на «тиранъ жизни» и смотримъ.

Съ этихъ-то порѣ Ольга Федотовна начала «садиться при княгинѣ», сначала только для того, чтобы прогнать вмѣстѣ съ нею сонъ, слѣдя за неустаннымъ движеніемъ «тирана жизни», а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, когда княгиня предпочитала имѣть предъ собою Ольгу Федотовну болѣе въ качествѣ друга сердца, чѣмъ въ качествѣ слуги.

Со вдовствомъ бабушки отношенія ихъ съ Ольгой Федотовной сдѣлались еще короче, такъ какъ съ этихъ порѣ бабушка все свое время проводила безвыѣздно дома. Ольга Федотовна имѣла свѣтлую и уютную комнату между спальнею княгини Варвары Никаноровны и дѣтскою, двери между которыми всегда, и днемъ, и ночью, были открыты, такъ что бабушка, сидя за рабочимъ столикомъ въ своей спальнѣ, могла видѣть и слышать все, что дѣлается въ дѣтской, и свободно переговариваться съ Ольгой Федотовной.

Официальное положеніе Ольги Федотовны всегда оставалось одно и то же: то есть она была просто бабушкина горничная, но честь ей шла отъ всѣхъ не въ мѣру этого положенія. Ольгу Федотовну всѣ любили за ея хорошія

правъ и доброе сердце, и особенно за то, что она никогда ни про кого не сказала княгинѣ ни одного худого слова. Несмотря на свое скромное общественное положеніе, которое казалось еще болѣе незамѣтнымъ отъ личной скромности этой превосходной женщины, она имѣла очень большой кругъ знакомства между лицами высшей общественной среды. Ольгу Федотовну не только знали и величали по имени и отчеству всѣ небогатые дворяне, къ которымъ княгиня отъ времени до времени посылала ее навѣстить больного или отвезти секретное пособіе, но они принимали ее за панибрата и старались у нея заискивать. Это чрезвычайно смущало врожденную скромность Ольги Федотовны, и она прибѣгала къ пособію своего тонкаго такта, чтобъ отстранять эти панибратства. Она садилась у помѣщиковъ только по повторенному приглашенію и то не иначе, какъ въ дѣтской или въ какой-нибудь другой «непарадной» комнатѣ, чаю позволяла себѣ выпивать изъ рукъ хозяйки не болѣе какъ двѣ чашечки, а если ее гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ застигала ночь, то она или непременно просилась ночевать съ нянюшками, но крайней мѣрѣ ложилась «на стульяхъ». У Ольги Федотовны было убѣжденіе, что спать на стульяхъ гораздо деликатнѣе, чѣмъ лечь на кровати, или хоть на диванѣ: она это и соблюдала.

Короткія пріятельскія связи у Ольги Федотовны были въ другомъ кружкѣ, именно въ духовенствѣ. Къ своимъ приходскимъ священникамъ и къ дьякону она ѣзжала вечеромъ въ воскресенье, въ гости на чашку чая, и въ этомъ же кружкѣ былъ у нея ея единственный сердечный другъ и ея единственная въ жизни любовь,—любовь такая цѣломудренная и ароматная, что я не встрѣчала ничего ей подобнаго ни въ жизни, ни въ описаніяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сказавъ, что *единственный* другъ Ольги Федотовны былъ на Поповкѣ, я должна оговориться, что тутъ нѣтъ съ моей стороны никакой обмолвки насчетъ ея отношеній къ моей бабушкѣ, или къ Патрикѣю. Бабушка считала Ольгу Федотовну своимъ другомъ и Патрикѣй Семенычъ, я думаю, тоже, но крайней мѣрѣ это было видно во всей аттенціи, съ какою относился къ ней этотъ сдержанный, солидный и самообладающій консерваторъ и княжесдворецъ, но для

Ольги Федотовны оба они были слишком умны и подавляли ее своимъ величіемъ. Ихъ она благоговѣнно чтила, а для дружбы, требующей равенства, искала существа попроще и нашла его въ лицѣ нѣскольکو старшей ея по лѣтамъ дочери слѣпного заштатнаго дьякона Николая. Дьяконъ этотъ, человѣкъ превосходной жизни, давно овдовѣлъ и былъ очень бѣденъ, а къ довершенію своихъ несчастій, онъ, везя лѣтомъ съ поля снопы, ослѣпъ отъ молніи. Съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ служить и получалъ отъ бабушки мѣсячину на дворовомъ положеніи. У него было два сына и двѣ дочери: сыновья его обучались въ семинаріи, а дочери росли дома и трудились. Обѣ онѣ были дѣвушки очень хорошія и хорошенькія. О старшей изъ нихъ, именно Марьѣ Николаевнѣ, я должна немножко распространиться, такъ какъ въ ея лицѣ буду рекомендовать третьяго бабушкинаго друга. Я уже сказала, что Марья Николаевна была хороша собою, но хороша тою особенною красотой, которая исключительно свойственна благообразнымъ женщинамъ изъ нашего духовенства. Эта красота тихая, скромная, далекая отъ всякихъ притязаній на какую бы то ни было торжественность, величіе и силу своего обаянія: она задумчива, трогательна, является какъ бы только вмѣстилищемъ заключенной въ ней красоты духовной. О такой красотѣ прекрасно говорилъ восторженный Савонаролла, впрочемъ и наши искусные древніе иконописцы, изображая лики святыхъ мученицъ, умѣли передавать въ ихъ изображеніяхъ эту мерцающую красоту. Марьѣ Николаевнѣ уже давно истекъ тотъ возрастъ, въ которомъ дѣвицы духовнаго званія дѣлаютъ партіи, а младшая еще была въ порѣ, удобной для замужества. Но и у этой бѣдняжки, несмотря на ея пышную красоту въ отличномъ отъ сестры родѣ, жениховъ, однако, не предвидѣлось: она была безприданница, а бѣдное мѣсто сельскаго дьякона на дьячковской части сколько-нибудь стѣнящаго человѣка не привлекало. Чтобъ удержать отцовское мѣсто, приходилось или одному изъ сыновей оставить семинарію и заступить отца, или младшей сестрѣ выйти за неуча, который отъ некуда дѣться будетъ радъ взять это бѣдное мѣсто въ приданое за хорошенькою женой.

Такъ бы непременно и случилось, если бъ у нея не было старшей сестры, Марьи Николаевны, въ которой обитала

какая-то необыкновенная душа. Съ той поры, какъ она впервые себя сознала, до тѣхъ поръ, какъ сказала предъ смертью: «Прими духъ мой», она *никогда не думала о себѣ* и жила для другихъ, а преимущественно, разумѣется, для своей семьи. Рано потерявъ мать, она буквально вынуждена была обоимъ братьевъ и сестру, которые все были моложе ея. Когда братьевъ отвезли въ училище, она тринадцатилѣтнею дѣвочкой отпросилась у отца на бывшую версть за сто отъ нихъ ковровую фабрику. Богъ вѣсть, какъ она тамъ прожила два года въ сообществѣ фабричныхъ женщинъ, нравы которыхъ не пользуются особеннымъ уваженіемъ. Марью Николаевну это ничто не испортило; она училась, работала и раза два въ годъ набѣгала домой, чтобы провести праздники съ отцомъ и съ братьями, которые приходили объ эту пору пѣшкомъ изъ училища, а особенно съ младшей сестрой, въ которой не слыхала души. Отпраздновавъ нѣсколько дней дома и наладивъ все, что безъ нея въ домашнемъ хозяйствѣ приходило въ разстройство, Марья Николаевна опять отправлялась пѣшкомъ за сто версть на свою фабрику, пока, наконецъ, въ концѣ второго года явилась оттуда веселая и счастливая съ кулькомъ основы, узоровъ и шерстей, и, поставивъ въ свѣтломъ углу бѣдной горницы ткацкій станъ, начала дома ткать ковры уже какъ опытная мастерица. Этимъ рукоесломъ она внесла въ домъ довольство и счастье, какихъ семья еще никогда не знала. Будучи прекрасною мастерицей, Марья Николаевна получала съ фабрики матеріалъ и заказы и, исполняя однѣ работы, отвозила ихъ и забирала новыя. Дѣло шло прекрасно, и скоро въ домѣ застучала другой станокъ, за которымъ въ качествѣ ученицы сѣла младшая сестра. И эта была такою же мастерицей, только Марья Николаевна, охраняя ее отъ всякихъ столкновеній съ торговыми людьми, продолжала ѣздить на фабрику одна и сама переносила всю тяжесть дѣловыхъ отношеній. Но благоденствіе сестеръ обратило на себя вниманіе другихъ дѣвицъ, приходившихъ къ Марьѣ Николаевнѣ съ просьбой «поучить» ихъ: явилось соперничество и цѣны заработковъ сбились до того, что Марья Николаевна, работая добросовѣстно, не находила возможнымъ болѣе конкурировать на фабрикѣ; она стала работать съ сестрою «на городъ», но излишняя конкуренція вторглась и на этотъ рынокъ. Средства бѣдной дѣвушки

стали скудны и недостаточны для того, чтобы поддерживать братьев, которые, переходя въ высшіе классы, требовали относительно большихъ расходовъ. Марья же Николаевна, будучи сама крайне чистошлотна, непремѣнно хотѣла, чтобы и братья ея не ходили босикомъ и въ халатахъ, а имѣли бы обувь, манишечки и хотя нашковыя или казINETовыя сюртучки и жилеты. Въ устройствѣ этого гардероба мужской порціи, разумѣется, не участвовать, всѣ мужскіе наряды братьямъ Марья Николаевна кроила и шила сама съ сестрою по выкройкамъ, взятымъ съ сюртука Патриція Семеныча, но все-таки это стоило денегъ, по скуднымъ добыткамъ дѣвушки довольно большихъ. По всему этому, какъ я уже сказала, старшій дьяконъ въ это время, идучи съ поля, былъ оглушенъ и ослѣвленъ молніей, а сыновьямъ его еще оставалось быть года по два въ семинаріи и потомъ Марья Николаевна хотѣла, чтобы хоть одинъ изъ нихъ шелъ въ академію. Марья Николаевна умѣла смотрѣть и вдалѣ, и во что бы то ни стало стремилась хотя одному своему брату открыть широкую дорогу. Она знала, что для этого прежде всего нужно, чтобы братьевъ ничто не отрывало отъ ихъ научныхъ занятій, а этому первымъ препятствіемъ становилась бѣдность. Чтобы сколько-нибудь облегчить участь семьи, конечно, можно было пожертвовать младшею сестрою и выдать ее замужъ за дьячка, который бы принялъ отцовское мѣсто, но Марья Николаевна съ такою мыслию никакъ не могла помириться: она никѣмъ не хотѣла жертвовать, кромѣ себя самой, и нашлась какъ это сдѣлать. Энергическая дѣвушка, пользуясь любовью и уваженіемъ купеческаго дома, въ который сбывала свои ковры, необыкновенно ловко и быстро просватала свою младшую красивую сестру за приказчика этого дома, молодого человѣка, который, по соображеніямъ Марьи Николаевны, подавалъ добрыя надежды и не обманулъ ихъ: сестра ея была за нимъ счастлива. Тогда Марья Николаевна чрезъ нѣсколько же дней послѣ сестриной свадьбы явилась къ архіерейскому секретарю, поднесла ему въ подарокъ коверъ своего рукодѣлья и просила дать себѣ самой жениха, какъ единственной теперь незамужней дочери слѣплаго дьякона. Секретарь посмотрѣлъ на нее, улыбулся и, взявъ коверъ, довелъ ее просьбу до архіерея. Марья Николаевна представилась и владыкѣ, который въ свою очередь тоже на нее посмотрѣлъ и промолвилъ:

— Стара!

— Чего изволите?—переспросила, будто не разслышавъ, Марья Николаевна.

— Я говорю, что ты стара..

— Тридцать два года, владыко,—отвѣчала, не смущаясь Марья Николаевна.

— Вона какъ! Это стара...

— Всего тридцать два года!

— Совсѣмъ стара!

— Ну, только воля ваша, владыко, а мнѣ женихъ, какъ вамъ угодно, нуженъ.

— Все врешь: ни на что онъ тебѣ не нуженъ...

— Ей-Богу, владыко, нуженъ.

И Марья Николаевна такъ основательно рассказала, зачѣмъ ей нуженъ женихъ, что архіерей сталъ убѣждаться ся доводами и заговорилъ въ другомъ родѣ:

— По этому судя, оно, точно, онъ тебѣ по хозяйству нуженъ.

— По хозяйству же, владыко, по хозяйству и нуженъ. Явите свою милость и не откажите мнѣ его даровать.

Архіерей былъ человѣкъ очень участливый и добрый.

— Гм!... даровать,—заговорилъ онъ:—именно только ужъ надо даровать, да вотъ еще у меня на твое горе женихи-то все очень молоды.

— Ничего, преосвященнѣйшій владыко, что жъ, я всякимъ буду довольна.

— Ну-у! вотъ ты какая увѣтливая: и молодого берешь!

— Беру-съ.

— Берешь? Ну, такъ я же тебя награжу за покорность: возьму да самаго молоденькаго тебѣ и дамъ; вы, старъ да младъ, скорѣе поладите.

— Слушаю, владыко, я полажу.

— Умна: хорошо... очень умна. Я тебѣ дамъ женишка, и очень хорошаго жениха дамъ; онъ давно у меня подъ замѣчаніемъ, да; я его давно въ усмиреніе наказать хотѣлъ, да; вотъ онъ своего часа и дождался. Онъ весьма козляковать, свѣтскаго права любитель, поскакунъ и краткіе сюртуки себѣ нарочито для плясанія завелъ, и камзельку съ стекловидными пуговками себѣ пріобрѣлъ. Отецъ протопопъ видѣлъ, говоритъ: «аки бы звѣзды во мракѣ сіяютъ, когда онъ вращается», а ученіе бросилъ,— вотъ я его теперь за

все сразу и проучу—и за краткій сюртукъ, и за плясаніе, и за камзельку съ стекловидными пуговками, да... вотъ и его, скакуна, усмирю... да; я возьму его да на тебѣ и женю. Ему это вмѣсто эпитиміи будетъ!

Марья Николаевна за всѣ эти милости владыкѣ въ ноги. а тотъ сейчасъ же вызвалъ изъ коридора, гдѣ ждали просители, молодого, блѣдураго семинариста и говоритъ:

— Ты хочешь мѣста?

— Желаю.

— Такъ вотъ можешь получать со взятіемъ сей себѣ въ жены,—инако не получишь.

Семинаристъ встряхнулъ кудрявою головой и отвѣчалъ согласіемъ, а Марья Николаевна скорѣе одинъ поклонъ архіерею, другой—жениху, дескать «спасибо, что выручилъ», и выкатила съ женихомъ, который черезъ нѣсколько дней сталъ ей мужемъ.

Неравенство ихъ лѣтъ было очень замѣтное: Марья Николаевна, какъ женщина, была уже на склонѣ, и ея иконописная красота совсѣмъ увяла, а мужъ ея только расцвѣталъ. Но, замѣчательное дѣло, они жили счастливо. Что Марья Николаевна никогда не жаловалась на свою долю, это было въ порядкѣ вещей: она шла замужъ совсѣмъ не для того, чтобы быть счастливой, а для того, чтобы сохранить кусокъ хлѣба отцу и дать братьямъ средства окончить курсъ, но было нѣсколько удивительно, что и мужъ ея не ропталъ на судьбу свою... Молодой «поскакунъ» оцѣнилъ рѣдкія достоинства этой чудной женщины и... полюбилъ ее! Такова иногда бываетъ власть и сила прямого добра надъ живою душой человѣка.

Вся эта эпопея разыгрывалась еще въ то время, когда бабушка жила въ Петербургѣ, но завершилась она бракомъ Маріи Николаевны какъ разъ къ возвращенію княгини въ Протозаново. Ольга Ѳедотовна, узнавъ какъ-то случайно Марью Николаевну, отрекомендовала ее, въ одной изъ своихъ вечернихъ бесѣдъ, княгинѣ, а та, имѣя общую коллекторамъ страсть къ пріобрѣтенію новыхъ экземпляровъ, сейчасъ же пожелала познакомиться съ «геронней». (Такъ она съ перваго слова назвала Марью Николаевну, выслушавъ о ней докладъ Ольги Ѳедотовны).

Чуждая излишняго самолюбія и потому совершенно свободная отъ застѣнчивости, дьяконица тотчасъ же представала

княгинѣ и, сразу пріобрѣтя ея благорасположеніе, получила приглашеніе ходить къ ней запросто, а когда пріѣдутъ братья, то и ихъ ей представить.

Марья Николаевна этимъ не проманкировала, и какъ только молодые люди пріѣхали, она ихъ тотчасъ же привела къ княгинѣ.

Изъ нихъ старшій тогда только что окончилъ курсъ, а второй былъ въ философскомъ классѣ.

Марья Николаевна, введи богослова съ философомъ, сама стала у порога, а тѣ сейчасъ же вышли на середину комнаты и начали предъ бабушкой декламировать, сначала философъ по-гречески, а потомъ богословъ по-латыни.

Бабушка, разумѣется, во всемъ этомъ ни слова не понимала, но прилежно слушала. сама разсматривала молодцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ другого краше. Особенно былъ хорошъ старшій, богословъ: высокаго роста, съ густыми косицами русыхъ волосъ на вискахъ и съ нѣжнымъ бархатнымъ пухомъ вокругъ свѣжихъ розовыхъ щекъ. Большіе, небеснаго цвѣта глаза его такъ отрадно глядѣли изъ-подъ длинныхъ темныхъ рѣсницъ, что сама бабушка залюбовалась на молодого челоѣка и мысленно перебирала: какой прекрасный рядъ разнообразныхъ ощущеній долженъ быть теперь проходить въ душѣ Марьи Николаевны, которой эти молодые люди всѣмъ были обязаны. Но княгиня не замѣчала, что въ то же самое время рядъ иныхъ и притомъ самыхъ роковыхъ впечатлѣній наливала и тѣснила въ другую восторженную душу, именно въ душу Ольги Ѳедотовны.

Она воспылала самую нѣжную любовью къ богослову, но, увы! не на радость ни ему, ни себѣ, такъ какъ въ планы Марьи Николаевны отнюдь не входила рановременная женитьба брата, которому ея заботливость прочла другую карьеру.

Ольга Ѳедотовна ничего этого тогда не знала, да и къ чему ей было знать что-нибудь въ эти блаженные минуты. Неодолимыя противорѣчія, въ примиреніи которыхъ лежала развязка этого романическаго случая, и безъ того не замедлили подвергнуть сердце бѣдной дѣвушки всѣмъ испытаніямъ несчастной любви.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Всего «мечтація» Ольги Ѳедотовны, такъ она обыкновенно называла свою любовь, было два мѣсяца, отъ начала

каникулъ до открытія академическихъ курсовъ. Въ такое короткое время любовь эта зародилась, дошла до зенита и, совершивъ все свое граціозное теченіе, спала звѣздою на землю, гдѣ поросла травой забвенія.

Ольгѣ Ѳедотовнѣ, разумѣется, не легко было скрывать, что она любитъ богослова; чѣмъ она тщательнѣе хоронила въ себѣ эту тайну своего сердца, тѣмъ чистое чувство ея сильнѣе росло и крѣпло въ этихъ похоронкахъ и бунтливо рвалось наружу. Ольга Ѳедотовна, несмотря на свое магазинное воспитаніе, была совершенно неопытна въ любовныхъ дѣлахъ: она думала, что счастье, которое она впервые ощутила при сознаніи, что она любитъ, можетъ оставаться полнымъ и найдеть для себя защиту въ самомъ себѣ, но, увы! сердце бѣдной дѣвушки начало жаждать отвѣта.

Ольгѣ Ѳедотовнѣ томительно захотѣлось знать: замѣтитъ ли онъ ее, думаетъ ли онъ о ней, и что именно это за дума? Но какъ узнать объ этомъ? Она имѣла обыкновеніе бѣгать къ Марьѣ Николаевнѣ на минутку каждыя сумерки и теперь продолжала дѣлать это еще охотнѣе, потому что могла тамъ видѣть свой кумиръ, но она съ кумиромъ никогда не оставалась наединѣ и они не говорили ни о чемъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Сердце страстно влюбленной только больше и больше мучилось. Всемирно заботясь о храненіи своей тайны, Ольга Ѳедотовна, по страстному противорѣчію, въ то же время приходила въ негодованіе, что ее не замѣчаютъ. Отъ этой истомы и волненій она занемогла и въ безпрерывныхъ думахъ объ одномъ и томъ же выработала въ себѣ такую чувствительную раздражительность, что глаза у нея постоянно были полны слезъ и она безпрестанно готова была расплакаться. Бабушка не могла придумать, что такое съ ея фавориткою, и сколько ни добивалась, ничего отъ нея не узнала; но вскорѣ же вынелъ случай, при которомъ Ольга Ѳедотовна головою себя выдала сначала Марьѣ Николаевнѣ, а потомъ и самой княгинѣ.

Дѣло это вышло изъ того, что Марьѣ Николаевнѣ, которая не уставала втирать своихъ братьевъ во всеобщее расположеніе и щеголять ихъ образованностью и талантами, пришло на мысль просить Ольгу Ѳедотовну, чтобы та въ свою очередь какъ-нибудь обинякомъ подбила ба-

бушку еще разъ позвать къ себѣ богослова и поговорить съ нимъ по-французски.

Дьяконица передала объ этомъ Ольгѣ Федотовнѣ подѣ большимъ секретомъ и съ полною увѣренностью, что та по дружбѣ своей непременно охотно за это возьмется; но, къ удивленію ея, Ольга Федотовна, при первомъ же упоминаніи имени Василя Николаевича (такъ звали богослова), вдругъ вся до ушей покрылась густымъ румянцемъ и съ негодованіемъ воскликнула:

— Что это вы, Марья Николаевна... какъ вы это могли подумать?

— А что такое?

— Да это вы хотите, чтобъ я стала говорить о Василю Николаичѣ... Ни за что на свѣтъ!

— Но отчего же?

— Нѣтъ, лучше и не говорите: я вамъ все, что угодно, готова сдѣлать, но имени его предъ княгиней я произнести... не могу.

Марья Николаевна, никогда не знавшая никакой другой любви, кромѣ родственной и христіанской, и тутъ же поняла въ чемъ дѣло и спросила:

— Ахъ, милая Ольга Федотовна, да неужели же вамъ имя его такъ противно?

Этого наивнаго вопроса Ольга Федотовна уже не выдержала:

— Какъ!—вскрикнула она.— Вы это такъ, Марья Николаевна, поняли, что мнѣ... можетъ быть противно?

И съ этимъ у нея на обѣихъ рѣсницахъ задрожали слезы, и она, не просигившись съ Марьей Николаевной, ударилась бѣжать домой.

Марья Николаевна болѣе не возобновляла этого ходатайства чрезъ Ольгу Федотовну, а самолично устроила богослову французскія конференціи съ бабушкой. Результатъ этихъ конференцій былъ, однако, не совсѣмъ удовлетворительный, потому что княгиня, предложивъ семинаристу два три вопроса на французскомъ языкѣ, тотчасъ же заговорила съ нимъ опять по-русски, а при прощаніи дала ему такой совѣтъ:

— Знаете, я вамъ скажу, мой другъ, вы это прекрасно сдѣлали, что выучились по-французски: это въ разсужденіи чтенія вамъ будетъ очень полезно, но только говорить вамъ на этомъ языкѣ безъ нужды и не совѣтую.

Марья Николаевна, можетъ-быть, не совсѣмъ поняла, что это значить, но, вѣроятно, склонна была бы этимъ немножко огорчиться, если бы бабушка тутъ же не отвлекла ея вниманія однимъ самымъ неожиданнымъ и страннымъ замѣчаніемъ: княгиня сказала дяконицѣ, что братъ ея влюбленъ.

Марья Николаевна страшно переконфузилась и отвѣчала:

— Что вы, ваше сіятельство... развѣ это можно?

— Да ты напрасно этого такъ стыдишься.

— Нѣтъ, да какъ же... помилуйте: зачѣмъ же это могло... помилуйте!

— Ну, а велика ли въ томъ польза будетъ, что я тебя помилую; а онъ все-таки влюбленъ!

— Да въ кого же, ваше сіятельство, влюбленъ? Это совсѣмъ напрасно.

— А вотъ же и не напрасно: отъ въ мою Ольгу влюбленъ!

— Какъ!.. въ Ольгу Федотовну?! въ вашемъ домѣ!.. Нѣтъ, ваше сіятельство... Не думайте, я его сама воспитывала... онъ не рѣшится...

Бабушкѣ не малаго труда стоило успокоить дяконицу, что она ничего о ея братѣ худого не думаетъ и шмало на него не сердится; что «любовь это хвороба, которая не по лѣсу, а по людямъ ходить, и кто кого полюбитъ, въ томъ онъ самъ не воленъ».

— А въ такомъ разѣ...

Марья Николаевна не договорила и тико заплакала и на внимательные разспросы княгини о причинѣ слезъ объяснила, что, во-первыхъ, ей несносно жаль своего брата, потому что она слыхала, какъ любовь для сердца мучительна, а во-вторыхъ, ей обидно, что онъ ей объ этомъ ничего не сказалъ и прежде княгини новинился.

— Пересташь, мать: не винился онъ мнѣ,—отвѣчала княгиня,—а я сама все замѣтила.

— Изъ какихъ поступковъ?

— Изъ того, что они другъ другу въ глаза смотрѣть не догутъ... краснѣють.

— И только-съ?

— Да; глаза влюбленные.

— Это, можетъ-быть, ваше сіятельство, такъ просто глаза отъ конфуза... Однако, я Васю объ этомъ спрошу.

— Не скажетъ онъ тебѣ.

— Скажетъ-съ; я съ нимъ къ младшей сестрѣ съѣзжу: она хитренькая, притворится и все у него выспроситъ.

На другой день Марья Николаевна, дѣйствительно, съѣздила обыденкой съ братомъ къ сестрѣ и, вернувшись къ вечеру домой, прибѣжала къ бабушкѣ.

— Ну, что?—спросила княгиня.

— Влюбленъ-съ, — отвѣчала дяконица.

— А, вотъ видишь! Ужъ я эти влюбленные глаза знаю.

— Нѣтъ-съ, ужъ что тутъ, ваше сіятельство, глаза! Онъ долго и сестрѣ ничего не хотѣлъ открыть; только когда мы съ нею обѣ предъ нимъ на колѣнки стали, такъ тогда онъ открылъ: «влюбленъ, говоритъ, и безъ нея даже жить не могу».

Если бы княгиня и дяконица были въ эти минуты поменьше заняты тѣмъ, о чемъ онѣ говорили, то имъ бы надлежало слышать, что при послѣднихъ словахъ двери соседней гардеробной комнаты тихо скрикнули и оттуда кто-то выкатилъ. Это была счастливейшая изъ счастливыхъ Ольга Федотовна. Она теперь знала, что *ее любятъ*.

Затѣмъ прошла недѣля ея недолговѣчнаго счастья, въ продолженіе которой она ни разу не ходила къ Марьѣ Николаевнѣ и богослова не видала, а бабушка въ это время все плащировала, какъ она устроить влюбленныхъ. Она рѣшила, что богословъ выйдетъ изъ духовнаго званія, женится на Ольгѣ Федотовнѣ и поступитъ на службу. Тогда семинаристы, благодаря Сперанскому, были въ модѣ и получали ходъ; а бабушка уже все придумывала: какъ обезпечить молодыхъ такъ, чтобы они не знали нужды и мужъ ея любимицы не погрязъ бы въ темной долѣ и не маралъ бы рукъ взятками.

Все это было стройно улажено въ ея головѣ, и она уже готовилась обрадовать этимъ Ольгу, но только прежде хотѣла знать на этотъ счетъ мнѣніе Марьи Николаевны, которой и открыла весь планъ свой.

Дяконица, къ немалому удивленію бабушки, выслушала это съ крайнимъ смущеніемъ: какъ оца ни любила Ольгу Федотовну, но женитьба на ней брата не входила въ ея соображенія.

— Ему рано, — отвѣчала она: — ваше сіятельство; и я хочу, чтобы онъ въ академію шелъ и профессоромъ былъ.

Профессорство это было во мнѣнїи Марьи Николаевны такое величїе, что она его не желала смѣнять для брата ни на какую другую карьеру. Притомъ же она такъ давно объ этомъ мечтала, такъ долго и такъ неуклонно къ этому стремилась, что бабушка сразу поняла, что дѣло Ольги Федотовны было проиграно.

Бѣдная дѣвушка получила жестокий ударъ не отъ врага, а отъ сердечнѣйшаго друга, и не одна *она*, но и *онъ*.

Для быстролетной любви этой началась краткая, но мучительная пауза: ни бабушка, ни дьяконница ничего не говорили Ольгѣ Федотовнѣ, но она все знала, потому что, разъ подслушавъ случайно разговоръ ихъ, она повторила этотъ маневръ умышленно и, услыхавъ, что она служить помѣхою карьерѣ, которую сестра богослова считаетъ для брата наилучшею, рѣшилась поставить дѣло въ такое положенїе, чтобъ этой помѣхи не существовало.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Марья Николаевна, возвращаясь отъ бабушки вечеромъ послѣ описаннаго разговора, была страшно перепугана: ей все казалось, что, какъ только она сошла съ крыльца, за ней кто-то слѣдилъ; какая-то небольшая темная фигурка то исчезала, то показывалась и все шло въ сторону, а за нею мелькала какая-то бѣлая нить. Марья Николаевна понять не могла, что это такое, и все ускорила свой шагъ; но чуть только она опустила въ лощинку, за которою тотчасъ на горѣ стояла Поповка, это темное привидѣнїе вдругъ понеслось прямо на нее и за самыми ея плечами проговорило:

— Вы, Марья Николаевна, не безіакойтесь!

Марья Николаевна страшно испугалась, но, услыхавъ въ этомъ голосѣ что-то знакомое, тотчасъ же ободрилась и крикнула:

— Ольга Федотовна, это вы.

Но, однако, отвѣта не было, а темная фигурка, легко скользя стороною дороги, опять исчезла въ темнотѣ ночи, и только по сѣрому шару, который катился за нею, Марья Николаевна основательно убѣдилась, что это была *она*, то есть Ольга Федотовна, такъ какъ этотъ прыгающій сѣрый шаръ былъ большой, бѣлый пудель Монтрозъ, принадле-

жавшій Патрикѣю Семенычу и не ходившій никуда, ни за кѣмъ, кромѣ своего хозяина и Ольги Ѳедотовны.

Марья Николаевна, по женскому такту, никому объ этой встрѣчѣ не сказала, она думала: пусть Ольга Ѳедотовна сдѣлаетъ какъ думаетъ. Бабушкѣ ровно ничего не было извѣстно: она только замѣчала, что Ольга Ѳедотовна очень оживлена и дѣятельна и даже три раза на недѣлѣ просилась со двора, но княгиня не приписывала это ничему особенному и ни въ чемъ не стѣсняла бѣдную дѣвушку, которую невдалекѣ ожидало такое страшное горе. Княгиня только безпокоилась: какъ ей открыть, что богословъ никогда ея мужемъ не будетъ.

Межь тѣмъ прошла въ этотъ недѣля: въ одинъ день Ольга Ѳедотовна ѣздила въ сосѣднее село къ мужику крестить ребенка, а бабушкѣ нездоровилось, и она легла въ постель, не дождавшись своей горничной, и заснула. Только въ самый первый сонъ княгини показалось, что у нея за ширмою скребется мышь... Бабушка терпѣла-терпѣла и наконецъ, чтобъ испугать звѣрька, стукнула нѣсколько разъ рукою въ стѣну, за которою спала Ольга Ѳедотовна.

Та явилась какъ листъ предъ травой.

— Я тебя не звала, миѣ показалось—мышь...

Ольга Ѳедотовна отошла и стала лицомъ къ образику.

Бабушка подождала и потомъ окликнула:

— Ольга, что ты тамъ дѣлаешь?

— Лампадъ поправляю-сь,—отвѣчала Ольга Ѳедотовна, и въ это же самое мгновеніе поплавокъ лампы юркнулъ въ масло и свѣтъ потухъ.

— Скоря, матушка: прекрасно поправила... И главное, кто тебя объ этомъ просилъ? лампада прекрасно горѣла, такъ нѣтъ...

Но въ это время Ольга Ѳедотовна подошла впотьмахъ къ бабушкиной постели и прошептала:

— Ваше сіятельство! я пришла повиниться.

Бабушка Богъ знаетъ что подумала и тревожно отвѣчала:

— Что такое? что такое? это ни на что не похоже... поди отъ меня съ своей виной; я ничего не хочу знать.

— Ване сіятельство... я самое безвредное!

Княгиня пожала плечами и молвила:

— Вотъ пристала!

— Теперь я Василью Николаичу по помѣха: онъ меня любить не можетъ.

Бабушка повернулась въ постели и спросила:

— Отчего?

— Мы съ нимъ сегодня у мужика младенца крестили.

Бабушка съѣла въ кровати и произнесла:

— Ольга, ты глупа.

— Ваше сѣятельство, это такъ надо было-съ.

— Нѣтъ, ты извини меня: я всегда думала о тебѣ, что ты гораздо умнѣе, а ты положительнѣйшимъ образомъ глупа: Вася могъ окончить курсъ въ академіи и остаться тебѣ вѣренъ и тогда бы на тебѣ женился, а теперь вы кумовья,— куму на кумѣ никорда жениться нельзя.

— Я это знала-съ, я все знала и парочно сдѣлала.

— Зачѣмъ, говори мнѣ, зачѣмъ?

— Чтобъ имъ обо мнѣ не думалось; чтобъ я... имъ помѣшала; чтобъ изъ памяти меня выкинули,—отвѣчала бѣдная дѣвушка и зарыдала.

Бабушка встала съ кровати, сама зажгла лампаду и, сѣвши потомъ въ кресло, сказала:

— Удивила ты меня, но онъ мнѣ еще болѣе тебя удивителенъ: какъ же онъ на это согласился? Неужели я въ немъ ошиблась и онъ тебя мало страстно любитъ?!

Это словечко кольнуло самолюбіе Ольги Федотовны: въ ней поднялась гордость женщины, всегда готовой упиваться сознаниемъ, что ее много любятъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчала она: — они меня истинно какъ должно любятъ, а это что они крестили—все черезъ мое коварство случилось.

— А гдѣ же его голова-то была?

— Не могли-съ они предъ моимъ обольщеніемъ своею головою управлять, а послѣ, давъ мнѣ слово, безчестнымъ быть не хотѣли,—отвѣчала не безъ гордости и не безъ уваженія къ себѣ Ольга Федотовна.

Не зная какъ должно понимать всѣ недомолвки этой обольстительницы злополучнаго богослова, бабушка, отложивъ всякія церемоніи, сказала:

— Ты если хочешь говорить, то здѣсь только Богъ да мы двое,—такъ ты говори откровенно, что ты набѣдокурила?

— Одного этого теперь только и желаю: открыться.

— Ну, и откройся.

Ольга Федотовна и начала.

Разказавъ бабушкѣ со всей откровенностію, какъ ей стали извѣстны затрудненія Марьи Николаевны, дѣвушка въ трагической простотѣ изобразила состояніе своей души, которая тотчасъ же вся какъ огнемъ прониклась однимъ желаніемъ сдѣлать такъ, чтобы богословъ не могъ и думать на ней жениться. За этимъ рѣшеніемъ послѣдовало обдумываніе плана, какъ это выполнить. Чтѣ могла измыслить простая неопытная дѣвушка? Она слыхала, что нельзя жениться на кумѣ, и ей сейчасъ же пришло въ голову: зачѣмъ она не кума своему возлюбленному?

— Тогда бы онъ не могъ ко мнѣ свататься и вышелъ бы въ архіереи.

Такъ заключила Ольга Федотовна, постоянно замѣняя по какой-то случайности слово «профессоръ» словомъ «архіерей». И разъ пощавъ на эту мысль, она вдругъ стала искать средствъ: нельзя ли это поправить? Въ концѣ концовъ, это ей показалось хотя и довольно труднымъ, но сбыточнымъ, если пустить въ ходъ всѣ ей извѣстныя средства. И вотъ Ольга Федотовна, забравъ это въ голову, слетала въ казенное село къ знакомому мужичку, у котораго родился ребенокъ; дала тамъ денегъ на крестины и назвалась въ кумы, съ тѣмъ, чтобы кума не звали, такъ какъ она привезетъ своего кума. Во всемъ этомъ она, разумѣется, никакого препятствія не встрѣтила, но труднѣйшая часть дѣла оставалась впереди: надо было уговорить влюбленнаго жениха, чтобъ онъ согласился продать свое счастье за чечевичное варево и ради удовольствія постоять съ любимою дѣвушкою у купели чужого ребенка, лишитъ себя права стать съ нею у брачнаго аналоя и молиться о собственныхъ дѣтяхъ. Это, конечно, хоть какому уму была задача не легкая. Но Ольга Федотовна разрѣшила ее блистательно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Угадывая инстинктомъ природу молодой страсти своего возлюбленнаго, Ольга Федотовна не рѣшилась ни на какія прямыя съ нимъ откровенности. Она правильно сообразила, что этимъ она его не возьметъ, и обратилась къ хитрости, къ силѣ своихъ чаръ и своего кокетства.

Навѣстивъ въ сумерки одного дня Марью Пиколаевну, Ольга Ѳедотовна нарочно у нея припоздала, а потомъ высказала опасеніе идти одной черезъ бугоръ, гдѣ ночевала овечья отара, около которой бѣгали злыя сторожевыя собаки. Влюбленный студентъ не смѣлъ вызваться быть ея провожатымъ, но она сама его объ этомъ попросила: богословъ, разумѣется, согласился; онъ выдернулъ изъ плетни большой колъ, чтобы защищаться отъ собакъ, и пошелъ вслѣдъ за своею возлюбленною. Дорога была нехороша; днемъ выпалъ дождь, и суглинистая земля смокла и осклизла. Ольга Ѳедотовна плохо ступала: она была, какъ на зло, въ новыхъ баншачкахъ, и ея маленькія ножки безпрестанно ползли назадъ или спотыкались.

Если она къ этому прибавляла что-нибудь съ намѣреніемъ дать понять своему сопутнику, что ей очень трудно идти одной безъ его поддержки, то, вѣроятно, дѣлала это съ большимъ мастерствомъ; но, тѣмъ не менѣе, румяный богословъ все-таки или не дерзалъ предложить ей свою руку, или же считалъ это не идущимъ къ его достоинству.

Ольга Ѳедотовна рѣшилась прервать это затрудненіе.

— Василій Николанчъ,—сказала она,— что вы это сзади меня идете?

— А что же такое?

— Да такъ, нехорошо... вы точно служитель.

— Ничего-съ.

— Нѣтъ, вы бы лучше рядомъ шли, да мнѣ бы руку дали, а то очень склизко.

— Съ большимъ моимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ богословъ.

— Или вамъ, можетъ-быть, со мной подъ руку стыдно и непріятно идти?

— Нѣтъ, отчего же... напротивъ, даже очень пріятно.

— Вы, впрочемъ, откровенно скажите: если стыдно, такъ вы не безпокойтесь.

Богословъ еще разъ повторилъ, что ему пріятно, и они взялись подъ руки, но разговоръ у нихъ прекратился, а дорога убывала. Ольга Ѳедотовна видѣла, что спутникъ ея робокъ и самъ ни до чего не дойдетъ, и снова сама заговорила:

— Вы, Василій Николанчъ, много учились?

— Много-съ.

- И вѣдь трудно небось?
— Ничего-съ.
— Какъ же... есть науки трудныя.
— Есть-съ.
— Ну, такъ какъ же съ ними?
— Преодолѣваешь.
— И сѣкутъ?
— Сѣкутъ-съ.
— И васъ тамъ сѣкли?
— Непремѣнно-съ, какъ и всякаго.
— И слухавить нельзя?
— Нельзя-съ.
— Отчего же?
— Потому что это всегда передъ начальствомъ дѣ-
лается.
— Неужто начальникъ смотритъ?
— Постоянно-съ.
— Ахъ, Боже мой! а онъ свѣтскій или монахъ?
— Монахъ-съ.
— Монахъ!
— Навѣрно такъ-съ.
— Такъ это вѣдь какъ же, должно-быть, конфузно?
— Отчего же?
— Да при монахѣ-то?
— Нѣтъ-съ; въ молодыхъ годахъ ничего и потомъ больно,
такъ ужъ не разбираешь.
— Видите ли! а вы сколько лѣтъ тамъ находились?
— Тринадцать-съ.
— Ахъ, Боже мой! И какое число несчастливое.
— Это предразсудокъ-съ.
— А вѣдь скажите: въ наукахъ о сердцѣ ничего не
говорится?
— Въ какомъ смыслѣ?
— Чтобы какъ любить должно и какъ мужчинѣ съ жен-
щиной обращаться?
— Ничего-съ.
И разговоръ снова смолкъ, а пути, между тѣмъ, осталось
еще менѣе. Ольга Федотовна вспомнила, о чемъ бывало
слыхала въ магазинѣ, и спросила:
— Вы, Василий Николаичъ, умѣете танцовать?
— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— Очень жаль: въ танцахъ кавалеры съ дѣвицами откровенно обманываются.

— Да это, если ловкій кавалеръ, такъ и не въ танцахъ можно-сь.

— Напримѣръ, какъ же?

— Стихами, или задачей: что лучше — желать и не получить, или имѣть и потерять; а то по цвѣтамъ: что какой цвѣтъ означаетъ—вѣрность или измѣну.

— А вы къ измѣнѣ или къ вѣрности склонны?

— Я измѣны ненавижу.

— Вы неправду говорите.

— Почему же неправду?

Ольга Федотовна рѣшительно не знала, куда она идетъ съ этимъ разговоромъ, но на ея счастье въ это время они поровнялись съ отарой: большое стадо овецъ кучно жалось на темной травѣ, а сторожевые псы, слышавъ прохожихъ, залаяли. Она вздрогнула и смѣло прижалась къ рукѣ прожжатаго.

— Вы боитесь?—спросилъ, взмахивая коломъ, богословъ.

— Нѣтъ, не боюсь... А вотъ уже и домъ близко.

— Да; близко-сь,—отвѣчалъ, вздохнувъ, богословъ.

Ольга Федотовна пожалала къ себѣ его руку и, отвернувшись отъ него въ сторону, проговорила:

— Василий Николаичъ!

— Что вамъ угодно, Ольга Федотовна?

— О чемъ вы вздыхаете?

— Я не вздыхать-сь.

— Нѣтъ, вы вздохнули.

— Можетъ-быть-сь.

— Такъ о чемъ же это?

— Этого сказать нельзя-сь.

— Почему же нельзя?

— Потому, что вы можете обидѣться.

— Ну, это, стало-быть, вы меня не любите.

— Кто это?... я васъ не люблю!—вскричалъ богословъ.

— Ахъ, что вы это, Василий Николаичъ, такъ громко. Это надо тише.

— Я васъ такъ люблю-сь, такъ люблю,—началъ богословъ, но Ольга Федотовна его остановила и, задыхаясь отъ страха, сказала:

— Позвольте, позвольте... Не говорите здѣсь про это.

— А гдѣ же-сь?

— Вотъ сейчасъ... вотъ мы въ сѣни взойдемъ.

Она была въ положеніи того неопытнаго чародѣя, который, вызвавъ духовъ, не зналъ какъ заставить ихъ опять спрятаться. На выручку ея подоспѣлъ Монгрозка, который, завидѣвъ ее съ крыльца, подбѣжалъ къ ней съ радостнымъ воемъ. Ольга Ѳедотовна начала ласкать Патрикѣева руками и, быстро вскочивъ на крыльцо, скрылась въ темныхъ сѣняхъ.

Богословъ не сробѣлъ и очутился тутъ же за нею.

— Ишь вы какой, Василий Николаичъ, хитрый,—шептала дѣвушка, и вслѣдъ затѣмъ громко кашлянула.

— Зачѣмъ это вы такъ громко?

— Чтобъ узнать, нѣтъ ли тутъ дѣвушекъ.

— Что же, ихъ нѣтъ-сь?

— Нѣтъ,—отвѣчала Ольга, дрожа всѣмъ тѣломъ и держа рукою за ошейникъ Монгрозку.

— Такъ вы извольте теперь услышать про мои чувства.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Василий Николаичъ... Я вамъ вѣрю... Я и сама къ вамъ хорошія чувства, Василий Николаичъ, имѣю.

И у нея дрогнуть голосъ.

— А въ такомъ случаѣ...—сказалъ богословъ: — я отъ васъ долженъ что-нибудь получить.

Ольга Ѳедотовна чувствовала, что ей измѣняются силы, но вела игру далѣе и прошептала:

— Что же такое получить?

Рискъ и соблазнительная темнота сѣней, еще прибавили нашему герою смѣлости и онъ отвѣчалъ:

— Поцѣлуй-сь!

Ольга Ѳедотовна вздрогнула и отвѣчала:

— А-а, ишь вы какой, Василий Николаичъ, ужъ и поцѣлуй.

— Всегда такъ-сь... объясненіе, а потомъ и поцѣлуй.

— Неужели это такъ?

— Непремѣнно-сь!

— Ну, хорошо, Василий Николаичъ, если это такъ нужно, то что же дѣлать, я васъ поцѣлую, но только уговоръ!

— Все, что вамъ угодно.

— Чтобы первую просьбу, которую васъ попрошу, чтобы вы исполнили!

— Исполню-сь.

— Честное слово?

— Все, что вамъ угодно.

— Извольте же! Я вамъ удовольствіе сдѣлаю, только вы вотъ идите сюда... Вотъ сюда, сюда за моею рукой: здѣсь темнѣе.

И, заведя богослова въ самый темный уголокъ, она обвила одною рукой его шею и робко поцѣловала его въ губы, а другою выпустила ошейникъ Монтроза и энергически его приуськнула. Собака залаяла и вооруженный коломъ богословъ, только-что сорвавшій первый и единственный поцѣлуй съ губокъ своей коварной красавицы, бросился бѣжать, а на другой день онъ, не успѣвши опомниться отъ своего вчерашняго счастья, сдерживалъ уже свое честное слово—не возражать противъ первой просьбы Ольги Федотовны, и крестилъ съ нею мужичьяго ребенка, разлучившаго у своей кунели два благородныя и нѣжно другъ друга любившія сердца.

Остальное пошло такъ, какъ Ольга Федотовна хотѣла для счастья другихъ: съ теченіемъ многихъ лѣтъ ея Василій Николанчъ, котораго она притравила какъ Діана Актеона, окончилъ курсъ академіи, пошелъ въ монахи и былъ, къ удовольствію сестры, архіереемъ, а Ольга Федотовна такъ и осталась Діаною, весталкою и бабушкиною горничной.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Чтобы не оставлять оцъ этой любви ничего недосказаннаго, я должна прибавить, что Ольга Федотовна, схрабровавъ въ этотъ разъ болѣе чѣмъ можно было отъ нея ожидать, послѣ, однако, очень долго мучилась.

— Все у нея, бѣдной, корчи въ сердцѣ дѣлались,—говорила бабушка.—Марья Николаевна въ ту пору ее, бѣдную, даже видѣть боялась, а мы съ Патрикѣемъ, какъ могли, ее развлекали. Ничего ей прямо не говорили, а такъ все за нею ухаживали, то на перелетъ, то на рыбную ловлю ее брали, и тутъ она у меня одинъ разъ съ лодки въ озеро упала... Богъ ее знаетъ, какъ это съ нею случилось, — не спрашивала, а только насилу ее въ чувство привели. А потомъ какъ къ первымъ послѣ того каникуламъ пришло извѣстіе, что Вася не будетъ домой, потому что онъ въ Кіевѣ

въ монахи постригся, она опять заблѣсенна: все, бывало, уходитъ на чердакъ, въ чуланъ, гдѣ у меня цѣлебныя травы сушились, и сверху въ слуховое окно вдаль смотреть да нестъ жалкимъ голосомъ:

Ты проходишь, дорогой другъ, мимо кельи,
Гдѣ несчастная черница ждетъ въ мучены.

Черницей все сама себя воображала!.. Да и я, признаться, этимъ совсѣмъ недовольна была, заключала бабушка, — молодъ больно былъ!.. Это неопытно, могъ бы и не идти въ монастырь, а другую судьбу себѣ въ жизни найти, да удержать, видно, некому было.

Но, наконецъ, и эта «корчъ сердца» стихла, и Ольга Ѳедотовна успокоилась, она жила и старѣлась, никогда никому ни словомъ, ни намекомъ не выдавая: умерло или еще живо и вѣчно осталось живымъ ея чувство.

Я уже помню себя, хотя, впрочемъ, очень маленькою дѣвочкою, когда бабушка одинъ разъ приехала къ намъ звать маман со всѣми дѣтьми, чтобы мы прѣѣхали къ обѣднѣ, которую проѣздомъ съ епископской каведры на архіепископскую будетъ служить архіерей, этотъ самый братъ дьяконицы, Марьи Николаевны. Маман, конечно, поѣхала и повезла всѣхъ насъ къ бабушкѣ. Помню это первое архіерейское служеніе, которое мнѣ довелось видѣть: оно поражаело своимъ великолѣпіемъ мои дѣтскія чувства, и мнѣ казалось, что мы находимся въ самомъ небѣ. Но самъ архіерей мнѣ не понравился: онъ былъ очень большой, тучный, съ большою бородой, тяжелымъ, медлительнымъ взглядомъ и нависшими на глаза густыми бровями. Ходилъ шибко, рѣзко взмахивалъ рукавами, на которыхъ гулко роняли маленькіе серебряные бубенчики, и дѣлалъ нетерпѣливыя нервныя движенія головою, какъ бы безпрестанно старался поправлять на себѣ митру.

Бабушка и для архіерейскаго служенія не перемѣнила своего мѣста въ церкви: она стояла слѣва за клиросомъ, съ ней же рядомъ оставалась и маман, а сзади, у ея плеча, помѣщался прѣѣхавшій на это торжество дядя, князь Яковъ Львовичъ, бывшій тогда уже губернскимъ предводителемъ. Насъ же, маленькихъ дѣтей, то-есть меня съ сестрою Nathalie и братьевъ Аркадія и Валерія, бабушка велѣла вывести впередъ, чтобы мы видѣли «церемонію».

Для надзора за нами, сзади насъ стояла Ольга Ѳедо-

товна, тогда уже довольно старенькая, хотя, по обыкновенію, свѣженькая и опрятная, какою она была во всю свою жизнь.

Никто изъ насъ, дѣтей, разумѣется, и воображенія не имѣлъ, что такое наша Ольга Ѳедотовна могла быть этому суровому старику въ тяжелой золотой шапкѣ, которою онъ все какъ будто помахивалъ. Мы только все дергали Ольгу Ѳедотовну потихоньку за платье и безпрестанно докучали ей разспросами, что значить то, и что значить это? На всѣ эти вопросы она отвѣчала намъ одно:

— Стойте смирно!

Но когда совсѣмъ облаченный архіерей, взойдя на амвонъ, повернулся лицомъ къ народу и съ словами «призри, виждь и посѣти», осѣнилъ людей пылающими свѣчами, скромный бѣлый чепецъ Ольги Ѳедотовны вдругъ очутился ровень съ нашими дѣтскими головами. Она стояла на колѣняхъ и, скрестивъ на груди свои маленькія ручки, глазами ангела глядѣла въ небо и шептала:

— Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ все!

Въ этомъ какъ бы заключался весь отвѣтъ ея себѣ, намъ и всякому, кто захотѣлъ бы спросить о томъ, что нѣкогда было и о томъ, что она нынче видитъ и что чувствуетъ.

Бабушка въ этотъ день была, повидимому, не въ такомъ покорномъ настроеніи духа: она какъ будто вспомнила что-то неприятное, и за обѣдомъ, угощая у себя почетнаго гостя, преимущественно предоставляла занимать его дядѣ, князю Якову Львовичу, а сама была молчалива. Но когда архіерей, сопровождаемый громкимъ звономъ во всѣ колокола, выѣхалъ изъ родного села въ каретѣ, запряженной шестерникомъ лучшихъ бабушкиныхъ коней, княгиня даже выразила на него дядѣ и татамъ свою «критику».

— Напрасно, я нахожу, онъ здѣсь этакую проповѣдь изволилъ сказать,—заговорила она:—и не понимаю, что это ему вздумалось тутъ говорить, что «нѣтъ больше любви, если кто душу свою положить»... Это божественныя слова, но только и ихъ надо у мѣста ставить. А тутъ,—она повела рукою на чайную комнату, гдѣ Марья Николаевна и Ольга Ѳедотовна въ это время бережно перемывали бывшій въ тотъ день въ употребленіи заѣтный саксоцкій сервизъ, и добавила:—тутъ по любви-то у насъ есть своя академія и свои профессора... Вонъ они у меня чайнымъ

полотенцемъ чанки перетирають... Ему бы достаточно и того счастья, что онъ могъ ихъ знать, а не то, чтобы еще ихъ любви учить! Это не деликатно!

И, не принимая никакихъ услугъ безъ вознагражденія, княгиня тотчасъ же послала архіерею съ Патрикѣемъ въ городъ отрубъ бархата на рясу и гро-гро на подрясникъ. Архіерей переслалъ съ тѣмъ же Патрикѣемъ бархатъ сестрѣ, а шелковую матерію Ольгѣ Ѳедотовнѣ.

— Онъ, значить, тебя еще не забылъ,—сказала Ольгѣ бабушка.

— Да-съ,—отвѣчала она, и тотчасъ же отнесла свой подарокъ на завѣсу въ церковь.

Таковъ конецъ этого поздняго эпизода, введеннаго мною здѣсь, можетъ-быть, не совсѣмъ кстати, но я считала его тутъ необходимымъ для того, чтобы закончить фигуру Ольги Ѳедотовны, послѣ которой перехожу къ изображенію другого важнаго лица придворнаго штата княгини — Патрикѣя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Патрикѣй Семеничъ Сударичевъ былъ человекъ очень высокаго роста и имѣлъ очень умное «дипломатическое» лицо, продолговатое, блѣдное, съ привѣтливымъ, мягкимъ, но въ то же время внушающимъ почтеніе выраженіемъ. Одѣвался онъ всегда очень строго и опрятно въ одинъ и тотъ же костюмъ: довольно длинный суконный сюртукъ цвѣта *bleu de Prusse*, бѣлый жилетъ, по которому шелъ бисерный часовой шнурокъ съ брелочкомъ изъ оправленнаго въ червонное золото дымчатаго топаза съ вензелемъ моего дѣда. Это былъ для него священный предметъ, который онъ получилъ отъ княгини въ память о князѣ. Патрикѣй носилъ высокіе, туго накрахмаленные воротнички, изъ тѣхъ, что называли тогда «полисонами», и огромное гофрированное жабо. Въ торжественные дни сюртукъ замѣнялся фраккомъ того же *бле-де-пруссосаго* сукна съ гладкими золочеными пуговицами, по жилетъ, жабо и все прочее, не исключая даже высокихъ сапожковъ съ кисточками у голенищъ и съ умѣреннымъ скрипомъ подъ рантомъ, все оставалось то же. Онъ и подъ старость веткихъ лѣтъ своихъ, долгою которыхъ упорно соперничалъ съ бабушкою, всегда держался прямо и молодцовато, а въ

молодости, по словамъ Ольги Ѳедотовны, былъ «просто всѣмъ на заглядѣнье». Сама старенькая Ольга Ѳедотовна, бывало, молодѣла и расцвѣтала, начиная перечислять намъ всѣ достоинства, которыми сіялъ Патрикѣй.

— Красоту онъ, — говорила старушка, — имѣлъ такую, что хотя нашъ женскій полъ, бывало, и всякій день его видѣлъ, но, однако, когда у княгини бывали въ залахъ для гостей большіе столы, то всѣ съ дѣвичьей половины черезъ коридорныя двери глядѣть ходили, какъ онъ, стоя у особаго стола за колоннами, будетъ разливать горячее. И все это не изъ-за чего-нибудь, потому что Патрикѣй Семенычъ былъ семейный человѣкъ, а единственно ради прелести посмотреть. Да и откровенно скажу, было на что полюбоваться: какъ доложить бабинкѣ, что все готово, и выйдетъ въ залъ, станетъ самъ на возвышеніи между колоннъ передъ чашею и стоитъ точно капитанъ на кораблѣ, отъ котораго все зависить. А какъ только гости вслѣдъ за княгинею парами въ залъ вступить и сядутъ, онъ молча глазъ человѣку сдѣлаегь, тотъ сейчасъ крышку съ чашки долой, а онъ и начнетъ большою ложкой разливать... Ахъ, какъ онъ разливалъ! те-есть этакъ, я думаю, ничего на свѣтѣ нельзя такъ красиво дѣлать! Рука эта у него точно шая у лебедя гнется: нальетъ и передаетъ лакею тарелку и опять возьметъ: все красота.

Окончивъ разливанье, которымъ такъ любовались художественныя натуры села Протозанова, Патрикѣй Семенычъ сходилъ съ возвышенія и становился за стуломъ у бабушки, и отсюда опять продолжалъ давать молча тонъ мужской прислугѣ и служить предметомъ восторговъ для наблюдавшихъ за нимъ изъ своего секрета женщинъ.

Стоя за Варварой Никаноровной, Патрикѣй не смѣлъ служить ей какъ обыкновенный лакей. Онъ всегда къ этому имѣлъ тяготѣніе, но это ему давно строго-настрого было запрещено. Онъ дерзалъ только прислуживать княгинѣ, и когда лакей подносилъ бабушкѣ блюдо, Патрикѣй слегка поддерживалъ его подъ краекъ, какъ дѣлаютъ камергеры. Бабушка, говорятъ, много разъ настаивала, чтобы Патрикѣй и такого участія не принималъ въ столовой услугѣ, но это запрещеніе служить ей такъ сильно его огорчало, что княгиня наплась вынужденною ему уступить. Затѣмъ во всѣхъ обязанностяхъ Патрикѣя при княгинѣ не было ничего бли-

жавнаго его со званіемъ комнатнаго слуги, хотя, впрочемъ, онъ никакого другого официальнаго званія при домѣ не имѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ излагалъ послѣднія минуты князя и, позабывъ въ свѣчномъ ящикѣ свою вольную, отыскивалъ трубача Грайворону, онъ такъ и остался *attaché*, безъ всякаго особаго названія, но съ полнѣйшимъ во всемъ полномочіемъ. Онъ велъ всѣ переговоры съ людьми, которыхъ бабушка иногда почему-нибудь не могла принять; устраивалъ ея безчисленныхъ крестниковъ и велъ всѣ *безотчетные* расходы по выдачѣ наградъ состоявшимъ на *пайкѣ* губернскимъ и уѣзднымъ чиновникамъ.

Къ орудованію всякими подобнаго щекотливаго свойства дѣлами у него была особенная способность, которую Ольга Ѳедотовна, можетъ-быть, не совсѣмъ неосновательно, считала врожденною.

— Что же, — говорила она, — отчего отъ него, бывало, какой предсѣдатель или вице-губернаторъ даровъ не возьметъ? Всякій возьметъ. Маленькимъ, тѣмъ, бывало, что нужно, малые дары управитель даетъ, а къ старшимъ съ большими дарами или съ средними Патрикѣй ѣдетъ, и отъ другихъ будто не брали, а отъ него всегда брали, потому что повадку такую имѣлъ, что внушалъ довѣріе: глядѣлъ въ глаза вѣрно и ласково, улыбался улыбкой неподтихонька, одними устами поведетъ и опять сведетъ; слушать станетъ все это степенно, а въ отвѣтъ молвитъ, такъ его слову никто не усомнится повѣрить. Всѣ тайны и зналъ зато.

Жилъ Патрикѣй со своимъ семействомъ во флигелѣ, состоявшемъ подъ одною кровлей со ткацкими; а въ семьѣ у него были только жена да сынъ. Жена у него была такая смирная, что ее даже никто не зналъ: она какъ будто была поражена величіемъ мужа и «шла въ тѣняхъ». Всю жизнь свою она употребила на ежедневную стирку и глаженіе его бѣлыхъ галстуковъ и жилетовъ. У нихъ былъ сынъ Николай, котораго бабушка застала уже по пятнадцатому году писаремъ въ конторѣ. Она его немедленно взяла оттуда и велѣла Патрикѣю отдать въ училище, откуда онъ потомъ поступилъ въ архитектурные классы и былъ хорошимъ архитекторомъ и очень богатымъ человекомъ, съ которымъ *никто* изъ рода нашего впоследствии вступилъ въ соотношенія, съ моею точки зрѣнія, не совсѣмъ

желанныя. Но это все придетъ въ свое время, а теперь я упоминаю объ этомъ Николаѣ Патрикѣвичѣ для того, чтобы рассказать оригинальный и смѣшной случай, сопровождавшій выходъ его въ *благородные*, причемъ Патрикѣй «оказалъ дикость», характеризующую его лучше всякаго пространнаго описанія.

Когда родоначальникъ извѣстнаго нынѣ богатаго дома, Николай Патрикѣевичъ Сударичевъ, получивъ званіе архитектора, пріѣхалъ повидаться къ отцу, бабушка, разумѣется, пожелала, чтобы «Николашу» ей представили, и обласкавъ его, она подарила ему часы, сто рублей «на пару платя», и—о, ужасы! — велѣла ему придти къ столу съ нею обѣдать... Патрикѣй Семенычъ нашелъ это ни съ чѣмъ несообразнымъ, возмутительнымъ и просто невозможнымъ. Какъ, онъ, его сынъ, «Николанка», будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгиней!.. За тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ самъ онъ, Патрикѣй Семенычъ, такъ упорно присвоилъ себѣ право стоять и обходить гостей съ бутылкою мадеры... И, стало-быть, теперь онъ и къ сыну, къ «Николанкѣ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфеткою бутылкой вина и спросить: «прикажете мадеры?» Нѣтъ, это... это было что-то такое, что помutilo всѣ понятія Патрикѣя и лишило его всѣхъ средствъ, какъ сообразить въ этомъ случаѣ свое положеніе. Чѣмъ онъ больше это обдумывалъ, тѣмъ больше несообразности видѣлъ въ этомъ странномъ поступкѣ княгини и, не смѣя сердиться на нее, онъ далъ волю своему гнѣву противъ сына: какъ онъ смѣлъ, молокососъ, «не отпроситься». Удалясь самъ въ залъ, Патрикѣй сдѣлалъ подсылъ за сыномъ въ ту комнату, гдѣ тотъ сидѣлъ у княгини, и приготовился просто увести его куда-нибудь изъ нокоевъ и скрыть на время обѣда, а потомъ ввечеру повициться во всемъ этомъ княгинѣ. Но, къ неожиданной досадѣ Патрикѣя, бабушка приняла его маневръ и, выйдя сама къ нему, сказала:

— Послушай, Патрикѣй Семенычъ, какъ тебѣ не стыдно.

И Патрикѣй Семенычъ понялъ это и смирился до того, что готовъ былъ видѣть «Николанку» за столомъ, но бабушка приняла противъ этого свои мѣры и тутъ же дала ему какое-то порученіе, за которымъ онъ не могъ присутствовать при обѣдѣ. Но Патрикѣй исполнилъ это порученіе скорѣе, чѣмъ княгини ожидала, и въ половинѣ обѣда

явился за бабушкинымъ стуломъ: онъ хотѣлъ показать, что онъ изъ преданности даже и это снести можетъ. И вотъ въ потребное время онъ взялъ въ руку бутылку мадеры и пошелъ вокругъ, нагинаясь къ каждому гостю, съ вопросомъ: «прикажете?» но, дойдя до сына и приклонясь къ нему, онъ не выдержалъ и, вмѣсто «прикажете вина», престоалъ:

— Пошелъ вонъ!—и съ этимъ, выпустивъ бутылку изъ рукъ, самъ покачнулся и упалъ на руки подхватившаго его сына.

Всѣмъ, я думаю, этотъ обѣдъ былъ невкусенъ, а особенно бѣдному Николаю, который теперь страшно бы рассердился, если бъ ему это напомнили.

Была сконфужена этимъ и сама бабушка, и даже до того сконфужена, что, узнавъ, что съ Патрикѣмъ былъ обморокъ и ему цырюльникъ Иванъ открылъ кровь, она сама пошла къ нему во флигель и извинялась предъ нимъ.

Неизвѣстно, какъ именно она выражала ему свои извиненія, но слова ея подѣйствовали, и Патрикѣй послѣ этого разговора просіялъ и утѣшился. Но, однако, онъ былъ за свою слабость наказанъ: сына его съ этихъ поръ за столъ не сажали, но зато самъ Патрикѣй, подавая бабушкѣ ея утренній кофе, всегда получалъ изъ ея рукъ налитую чашку и выпивалъ ее *сидя* на стулѣ передъ самою княгинею. Въ этомъ случаѣ онъ могъ доставлять себѣ только одно облегченіе, что *садился у самой двери*.

Страсти у Патрикѣя были только двѣ, и обѣ благородныя: онъ любилъ охоту съ ружьемъ и музыку. Для охоты онъ всегда держалъ пуделей, которыхъ самъ дрессировалъ, а ради любви къ музыкѣ имѣлъ скрипку, на которой въ теченіе довольно многихъ лѣтъ, придя вечеромъ домой, обыкновенно около часа игралъ что-то такое у себя подъ окномъ, но что за вещи такія онъ разыгрывалъ—этого никто разобрать не могъ. Но охота ему не измѣняла, а музыку онъ вдругъ оставилъ по одному странному случаю: у бабушки часто гащивалъ, а въ послѣднее время и совсѣмъ проживалъ, одинъ преоригинальный бѣдный, рыжій и тонкій дворянинъ Дормидонтъ Рогожинъ, имя котораго было передѣлано бабушкою въ Донкихотъ Рогожинъ. Человѣкъ этотъ, которому принадлежитъ своя весьма симпатичная роль въ

нашей семейной исторіи, по словамъ бабушки, былъ: «голь какъ турецкій святой, а въ душѣ рыцарь». Но Патрикѣй онъ оторвалъ отъ музыки не своимъ рыцарствомъ, а тѣмъ, что, однажды подслушавъ его ночную игру на скрипкѣ, сказалъ:

— Чего шликаешь? Развѣ можно такъ скрипѣть, когда теперь гудуть, несясь въ пространствѣ міровомъ, планеты?

Патрикѣй въ этомъ сначала ничего не понялъ, но за то когда Донкихоть Рогожинъ нарисовалъ ему значки планетъ и, указавъ орбиты ихъ движенія, сказалъ:

— Вѣдь, понимаешь, каждая должна давать свой тонъ: вотъ это меньшая, она тошенько свиститъ, а эта вотъ здоровая жужжитъ какъ бомба, а наша тутъ землишка и себѣ альтомъ играетъ...

Патрикѣй не сталъ далѣе дослушивать, а обернулъ свою скрипку и смычокъ кускомъ старой кисеи и съ той поры ихъ уже не разворачивалъ; время, которое онъ прежде употреблялъ на игру на скрипкѣ теперь онъ простаивалъ у того же окна, но только лишь смотрѣлъ на небо и старался вообразить себѣ ту гармонію, на которую намекнулъ ему рыжій дворянинъ Донкихоть Рогожинъ.

Охотникъ мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскихъ людяхъ отъ крѣпостного права, имѣлъ бы хорошую задачу расчислить: какихъ степеней и положеній могъ достигъ Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки, но я не знаю, предпочелъ ли бы Патрикѣй Семенычъ всякій блестящій путь тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ слугою своей великодушной княгини.

— Ея рабъ, говорилъ онъ, — и ея рабомъ я умру.

И онъ такъ и сдѣлалъ.

Въ этомъ былъ его *point d'honneur* и даже болѣе: онъ чувствовалъ потребность быть ей преданъ безъ мѣры.

Я знаю, что это многимъ можетъ показаться глупымъ, или, по меньшей мѣрѣ, страннымъ и непонятнымъ, но что дѣлать? *Chaque baron a sa fantaisie*, а фантазія Патрикѣя была та, что онъ и въ дряхлой старости своей, схоронивъ княгиню Варвару Никаноровну, не поѣхалъ въ Петербургъ къ своему разбогатѣвшему сыну, а оставался вольнымъ крѣпостнымъ послѣ освобожденія и жилъ при особѣ дяди князя Якова. Будучи уже очень старъ, онъ былъ не въ силахъ трудиться, но ходилъ по дому и постоянно кропотался на

повыхъ слугъ, да содержалъ въ порядкѣ старыя чубуки и трубки, изъ которыхъ никто не курилъ и которые для того еще и остались въ домѣ, чтобъ у стараго Патрикѣя было что-нибудь на рукахъ.

Это былъ читатель высоко имъ цѣнимой доблести рода, постепенное, но широкое исчезновеніе которой ему суждено было видѣть во всеобщей захудалости потомковъ его вліятельной и пышной княгини.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Назвавъ княгиню *влиятельною и пышною*, я считаю необходимымъ показать, въ чемъ проявилась ея пышность и каково было ея вліяніе на общество людей дворянскаго круга, а также напомнить, чѣмъ она приобрѣла это вліяніе въ то время, въ которомъ вліятельность неофициальному лицу доставалась отнюдь не легче, чѣмъ нынче, когда се при всѣхъ льготныхъ положеніяхъ никто болѣе не имѣетъ.

Надѣюсь, это будетъ имѣть здѣсь свое мѣсто и даже нѣкоторый интересъ.

Говоря нынѣшнимъ книжнымъ языкомъ, я, можетъ-быть, всего удачнѣе выразилась бы, сказавъ, что бабушка ни одной изъ своихъ цѣлей не преслѣдовала по особому вдаль рассчитанному плану, а достиженіе ихъ пришло ей въ руки *органически*, самымъ простымъ и самымъ правильнымъ, но совершенно незамѣтнымъ образомъ, какъ бы само собою.

Неожиданно овдовѣвъ, бабушка, какъ можно было видѣть изъ первыхъ страницъ моихъ записокъ, не поѣхала искать разсвѣнія, какъ бы сдѣлала это современная *дама*, а она тотчасъ же занялась приведеніемъ въ порядокъ своего хозяйства, что было и весьма естественно, и совершенно необходимо, потому что пока княгиня съ княземъ жили въ Петербургѣ, въ деревнѣ многое шло не такъ, какъ нужно. Теперь она, оставшись одинокою, озаботилась всестороннимъ поднятіемъ уровня своихъ экономическихъ дѣлъ и начала это съ самой *живой силы* крѣпостного права, то-есть съ крестьянъ.

Нынче очень многіе думаютъ, что при крѣпостномъ правѣ почти совсѣмъ не нужно было имѣть умѣнья хорошо вести свои дѣла, какъ будто и тогда у многихъ и очень многихъ дѣла не были въ такомъ отчаянно-дурномъ положеніи, что умные люди уже тогда предвидѣли въ недалекомъ будущемъ

неизбѣжное «захуданіе» родового помѣстного дворянства. Это зависѣло, конечно, отъ разныхъ причинъ, между которыми, однако, самое главное мѣсто занимало неумѣніе понимать своей пользы иначе какъ въ связи съ пользою всеобщею и прежде всего съ матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ крестьянъ.

Глядя на вещи практически и просто, бабушка не отдѣляла нравственность отъ религіи. Будучи сама религіозна, она человѣка безъ религіи считала ни во что.

— Таковой, по ея словамъ, сколь бы умень ни былъ, а положиться на него нельзя, потому что у него смыслъ жизни потерянъ.

Этого для княгини было довольно, потому что у самой у ней *смыслъ жизни* былъ развитъ съ удивительною послѣдовательностію. Сама она строго содержала уставы православной церкви, но, при требованіи отъ человѣка религіи, отнюдь не ставила необходимымъ условіемъ исключительнаго предпочтенія ея вѣры предъ всѣми другими. Совсѣмъ нѣтъ... она не скрывала, что «уважаетъ всякую *добрую* религію».

Княгиня не только не боялась свободомыслія въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, но даже любила откровенную духовную бесѣду съ умными людьми и разсуждала смѣло. Владѣя чуткостью религіознаго смысла, она имѣла истинное дерзновеніе вѣры и смотрѣла на противорѣчія ей безъ всякаго страха. Она какъ будто даже считала ихъ полезными.

— Если древо не будетъ колеблемо, — говорила она: — то оно крѣпкихъ корней не пуститъ, въ затишьи деревьа слабокоренны.

Но я не хотѣла бы тоже, чтобы кто-нибудь подумалъ, что бабушка была только деисткою и индифферентною въ дѣлахъ вѣры. Опять нѣтъ: повторяю, княгиня была искреннѣйшая почитательница роднаго православія; не числилась только въ немъ, а крѣпко его содержала. Она соблюдала посты, ходила въ церковь; твердо знала обиходъ и любила въ службѣ стройность и благолѣшіе; взыскивала, чтобы поны въ алтарѣ громко не сморкались и не обтирали бородъ аналойными полотенцами; дьяконы чтобы не ревѣли, а дьячки не частили въ чтеніи каѳизмъ и особенно шестопсалмія, которое бабушка знала наизусть.

Съ этой духовной стороны она и начала свое вдовье го-

сподарство. Первымъ ея дѣломъ было потребовать изъ церковей исповѣдныя росписи и сличить, кто изъ крестьянъ ходитъ и кто не ходитъ въ церковь? Отъ неходящихъ, которые принадлежали къ расколу, она потребовала только, чтобы они ей откровенно сознались, и заказала, чтобы ихъ причетъ не смущалъ и не неволилъ къ требамъ. Она о нихъ говорила:

— Пусть, гдѣ хотятъ, молятся: Богъ одинъ, и длиннѣе земли мѣра Его.

Церковныхъ же своихъ крестьянъ княгиня сама раздѣлила по седмицамъ, чтобы каждый могъ свободно говѣть не останавливая работъ; слѣдила, чтобы изъ числа ихъ не было совращеній, — въ чемъ, впрочемъ, всегда менѣе винила самихъ совращающихся, чѣмъ духовенство. О духовенствѣ она, по собственнымъ ея словамъ, *много скорбѣла*, говоря, что «они лѣнны, алчны и къ дѣлу своему небрежны, а въ писаніи неукусны».

Состязаться съ княгиней, въ чемъ бы то ни было касающемся церковныхъ уставовъ или обихода, священники ея сель не дерзали; она была для нихъ все: и ктитория, и консисторія, и владыка, и уже у нея священникъ прижать мужичка при бракѣ какою-нибудь натяжкою въ стени родства не помышлялъ.

«Владыка», при малѣйшемъ сомнѣніи, сама бралась за Кормчую и, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшала его такъ, что оставалось только исполнять, потому что рѣшеніе всегда было правильно.

Въ томъ же самомъ духѣ ведены ею были и всѣ другія отрасли ея обширнаго хозяйства. Бабушка въ попечительныхъ заботахъ о благѣ крестьянъ хотѣла знать все, что до нихъ касается, и достигла этого тѣмъ, что жила совершенно доступною для каждаго. Всѣ люди безъ исключенія могли приходиться къ бабушкѣ со всякими мелочами. Десятникъ не пускалъ мужика на ярмарку продать овцу и купить лыкъ, соли или дегтю, и мужикъ, если онъ считалъ себя напрасно задержаннымъ, сейчасъ шелъ съ жалобою къ княгинѣ. Она къ нему непременно выходила, терпѣливо его выслушивала и рѣшала — правъ онъ или неправъ. Въ первомъ случаѣ мужикъ получалъ удовлетвореніе, а въ противномъ — брался на замѣчаніе и въ случаѣ повторенія кляузнничества лишался въ теченіе опредѣленнаго времени права являться

на глаза княгини. Такіе опальные, видя себя на все время опалы лишенными самой правдивѣйшей и мощной защиты, тяжело чувствовали силу справедливаго гнѣва Варвары Никаноровны и страшились впередъ навлекать его на себя.

Наказанія были рѣдки и нежесточительны, но все-таки были, и притомъ иногда не безъ вѣдома самой княгини, которая, правду сказать, этимъ не смущалась. Она говорила, что:

— Когда милосердіе не дѣйствуетъ, то строгость тоже есть милосердіе.

Крестьяне къ похваламъ богобоязненности бабушки скоро приумножили хвалу на хвалу ея разуму и справедливости. Села ея богатѣли и процвѣтали: крѣпостные ея люди покупали на сторонѣ земли на ея имя и вѣрили ей болѣе, чѣмъ самимъ себѣ.

Это довѣріе вполнѣдствіи повлекло за собою для нея тяжелое огорченіе, навшее на нее безъ всякой ея вины, но, по винѣ лица, которое намъ съ нею было очень близко и о которомъ мнѣ тяжело будетъ вспоминать. Но это все послѣ.

Такими простыми мѣрами, какія мною описаны, княгиня безъ фразъ достигла того, что, дѣйствительно, вошла въ народъ, или, какъ нынче говорятъ: «слылась съ нимъ» въ одномъ руслѣ и стояла посреди своихъ людей именно какъ владыка, какъ настоящая народная княгиня и госпожа...

Такова была княгиня для своихъ рабовъ; теперь перехожу къ тому, чѣмъ она успѣла въ это время сдѣлаться для своихъ свободныхъ согражданъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

При большомъ вниманіи къ хозяйству крестьянъ, княгиня Варвара Никаноровна очень скоро привела свои собственныя дѣла въ такое блестящее состояніе, что почиталась самою богатою женщиной въ губерніи. Она не была должна никому, а ей рѣдко кто не былъ долженъ. При недостаткѣ въ тогдашнее время организованнаго мѣстнаго кредита, центральный банкъ для всей округности былъ у бабушки. Къ ней могъ пріѣхать всякій дворянинъ и даже кунецъ и попросить у нея въ ссуду денегъ на нужду. Степень благонадежности кредита опредѣлялъ непосредственный

взглядъ княгини на просящаго и на основательность его расчетовъ поправиться.

Отказы были рѣдки; но тѣмъ, кто, сдѣлавъ у бабушки заемъ, не привозилъ ей въ срокъ своего долга и не пріѣзжалъ «отпроситься», княгиня сама посылала объявить, что:

— Пусть-де не беспокоится: я на немъ крестъ положила.

И тотъ, чей счетъ бабушка въ своей кабинетной книгѣ зачеркивала крестомъ, уже никогда не имѣлъ у нея болѣе кредита. Онъ могъ получить «помощь», но не кредитъ.

Открывъ свой столъ и свой карманъ для помощи неимущему, княгиня, однако, основательно смотрѣла, чтобъ этимъ не злоупотребляли, и выдумала много самыхъ курьезныхъ, но практикою оправданныхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, если искалъ помощи кредитомъ человѣкъ, котораго благонадежность казалась ей почему-нибудь сомнительною, то такому просителю она обыкновенно сразу не сулила и не отказывала, а оставляла его у себя «погостить во флигеляхъ, куда она подумаетъ». Срокъ этого думанья былъ различный, иногда онъ доходилъ даже до цѣлаго мѣсяца, что, впрочемъ, всегда было въ извѣстномъ соотношеніи съ разстояніемъ мѣста жительства просителя отъ села Протозанова. Кто жилъ поближе къ Протозанову, тотъ удостоивался получать рѣшительный отвѣтъ поскорѣе; а кто былъ изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ, тому приходилось ожидать подольше. Во все время этого ожиданія, нуждающійся гость ходилъ къ княгинѣ обѣдать, и, если онъ былъ ей по душѣ, то его приглашали къ ней къ вечернему чаю; а впрочемъ, онъ могъ безъ стѣсненія располагать собою, какъ ему угодно. Въ его волѣ было и совсѣмъ не ходить къ княгинѣ, и она за это нимало не обижалась. Для занятій же пріѣзжихъ было достаточное число верховыхъ и упряжныхъ лошадей, ружей, и легавыхъ, и борзыхъ собакъ, а также бильярдъ во флигель и шкафъ съ книгами.

А между тѣмъ, пока проситель гостилъ у бабушки и развлекался чѣмъ могъ по своему вкусу и выбору, на мѣсто его жительства, соблюдая строгое инкогнито тщательно всякаго путешествующаго принца, отправлялся на конторской лошади одинъ изъ «выборныхъ», всегда расторопный, умный и честный мужикъ, который и собиралъ о просителѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія и, не тратя времени, возвращался съ докладомъ къ княгинѣ. Если была хотя ма-

лѣйшая возможность вѣрить человѣку съ надеждою, что онъ, поправясь, современемъ разочтется, то деньги давались. Если дѣло было даже наполовину и рискованно, то и тогда еще отказу не было. Людямъ честнымъ, но сильно разореннымъ, пособіе давалось даже при полнѣйшемъ рискѣ. Отъ такихъ требовалось только одно: чтобы человѣкъ не былъ неблагодаренъ и хотъ разъ въ годъ пріѣзжалъ извѣщать Варвару Никаноровну: какъ идутъ его дѣла. Если дѣла должника поправлялись, княгиня радовалась; а если они все еще были худы, то бабушка разспрашивала, что, какъ и почему? и опять помогала и деньгами, и совѣтомъ.

Въ обхожденіи бабушки съ людьми было много милоты и прелести: въ немъ господствовала какая-то, ей одной свойственная, величавая и добродушная простота: княгиня держала себя совершенно одинаково со всѣми. У нея были завѣтные друзья, но избранныхъ гостей у нея никогда не было; въ ея домѣ всѣ были равны, и она ко всѣмъ была одинаково привѣтлива. Лжи княгиня терпѣть не могла: она ни сама къ ней никогда не прибѣгала и другимъ ее не спускала. У нея вообще была даже иѣкоторая слабость сказать человѣку правду въ глаза; но она дѣлала это, во-первыхъ, всегда дружески, а во-вторыхъ, съ самою доброю цѣлью: объяснить и не питать скрытаго зла. Прощала она людей легко и охотно, и притомъ съ поразительною снисходительностію *для слабыхъ*. Въ этомъ случаѣ правиломъ ея было «измѣрять ношу и поприще и не возлагать бремена тяжкія и неудобноносимыя». Въ своихъ разсужденіяхъ о людяхъ княгиня была осторожна: у нея была поговорка, что «разсужденіе сродни осужденію», и потому она пространно ни о комъ не любила разсуждать, особенно же о тѣхъ, кто показывалъ ей какое-нибудь недружелюбіе (хотя такихъ было очень мало).

Убѣдясь въ томъ, что кто-нибудь ее очень злословить, она говорила:

— Не безъ причины же онъ на меня сердится: можетъ быть, ему что-нибудь на меня наговорили, или что-нибудь не такъ показалось, а можетъ быть, я и впрямь чѣмъ виновата: что-нибудь грубо сказала, а онъ не стерпѣлъ. Что дѣлать, мы всѣ нетерпѣливы.

Но совершенно равнодушная къ своимъ обидамъ, княгиня держалась совсѣмъ иного правила по отношенію къ

оскорблениямъ ея друзей. Тутъ у нея было чрезвычайно строго.

— Кто отдастъ друзей въ обиду, у того у самого свѣтъ въ глазахъ таетъ, — говорила она и, оберегая свои глаза, прямо и въ упоръ устремляла ихъ на обидчика и «поправляла» дѣло.

Ничто, касающееся ея друзей, не казалось ей мелкимъ, и я сама уже помню престранные случаи, которые подавала для горячихъ заступничествъ бабушки, достаточно извѣстная изъ моихъ записокъ, дьяконица Марья Николаевна.

Во время моего дѣтства, домъ княгини попрежнему посѣщался очень многими людьми, между которыми довольно часто попадалась свѣтская петербургская молодежь, прїѣзжавшая къ родителямъ на побывки, а иногда и немолодые заѣзжие люди, гостившіе у кого-нибудь изъ сосѣдей по вновь составившимся семейнымъ и общественнымъ связямъ. Всѣ эти люди считали обязанностью хоть разъ побывать у бабушки, и она имъ, разумѣется, была рада, такъ какъ у нея «гость былъ Божій посоль», но, тѣмъ не менѣе, тутъ съ этими «послами» иногда происходили прекуръезныя расправы, которыми злополучная Марья Николаевна терзалась и мучилась безпримѣрно.

Въ домѣ такой былъ обычай, что Марья Николаевна, въ качествѣ друга княгини, всегда должна была присутствовать въ числѣ гостей и, къ тому же, непременно занимать одно изъ ближайшихъ къ хозяйкѣ мѣстъ. Этотъ почетъ не мало стѣснялъ бѣдную женщину, вѣчно жавшуюся на креслѣ, или на диванѣ въ своемъ малиновомъ гро-гро платьѣ и желтой французской шали съ голубою башнею на спинѣ и каймою городовъ по окраинѣ. Какъ ни дологъ былъ срокъ, въ теченіе котораго бабушка ее прїучала къ занятію этой позиціи, скромная Марья Николаевна никакъ къ ней не могла привыкнуть и обыкновенно терялась при входѣ каждаго новаго гостя и для смѣлости улыбалась и окручивала свои руки въ жгутикъ свитымъ носовымъ платочкомъ. Если же входящій гость былъ не знакомый мѣстный дворянинъ, которому всѣ уставы и учрежденія бабушкинаго дома были извѣстны, а лицо заѣзжее, то Марьей Николаевной овладѣвало самое критическое безпокойство. Завидѣвъ такое лицо, она вся покрывалась краской, на

носу у нея крупными каплями проступалъ потъ, и она начинала привскакивать и присѣдать, чтобъ ее непременно замѣтили. Видно было, что чѣмъ это для нея мучительнѣе, тѣмъ усерднѣе она объ этомъ старалась, и успокоивалась только, когда гость, наконецъ, замѣчалъ ея заботы и отдавалъ ей поклонъ наравнѣ со всѣми другими; случалось, что завязіе люди, представляясь бабушкѣ, не удостоивали вниманія Марью Николаевну, которая имѣла видъ смущенной и смѣшной приживалки. Неосторожный и не предупрежденный гость раскланивался съ бабушкой и помѣщицами, а Марью Николаевну не замѣчалъ... Тогда эта скромная женщина старалась всякими смѣшными ужимками заставить себя замѣтить и раскланяться съ нею, но старалась совсѣмъ не для себя. Конечно, ей это не было нужно,—но для бабушки и особенно для самого гостя, потому что она знала, какая бѣда не минуетъ его, если онъ «пуститъ ее въ тѣняхъ». Бабушка зорко наблюдала за тѣмъ, какъ онъ «обойдется» съ ея другомъ, и чуть замѣчала, что гость Марью Николаевну «проманкировалъ» и идетъ далѣе, она громко называла его по имени и говорила:

— Извините, сдѣлайте милость: остановитесь на минуточку, вы, кажется, съ Марьей Николаевной не поздоровались!

Гость конфузился и, бормоча что-нибудь въ родѣ того, что «не замѣтилъ», спѣшилъ поправить свою ошибку. Но бабушка удерживала предъ собою гостя, начиная предъ нимъ пространно извиняться:

— Вы будьте милостивы. Я... въ этомъ случаѣ покорнѣйше васъ прошу меня извинить... вы вѣдь ее... Марью-то Николаевну, разумѣется, не знаете, а Марья Николаевна мой первый другъ... давнишній, знаете, старинный другъ... Почтенная женщина... у нея братъ архіерей, да; и это она его довела и вообще она всякаго уваженія заслуживаетъ: такъ я сама ее почитаю и въ ваше благорасположеніе такъ рекомендую.

И, ухъ, какъ не любили и боялись мы этихъ извиненій: она ихъ точно тонкую нить выпрядала, и всѣ знавшіе ее знали и то, что она дѣлаетъ это не безъ умысла.

— Извинилась, говорили,—ну, теперь держись!

Также ревнива была княгиня къ малѣйшему покушенію гостя показать свою важность или воспитанность предъ

другими. Марья Николаевна, бывшая своего рода *bête noire* во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, говорила мнѣ:

— Чуть, бывало, кто французскимъ языкомъ при ней обмахнется, я уже такъ и замру отъ ожиданія, что она сейчасъ извинится и *осажэ* сдѣлаетъ, и, главное, все это на мой счетъ повернетъ. Такъ бы вотъ его вскочила да и дернула: «перестаньте». А она слушаетъ-слушаетъ и все морщится, да вдругъ и извинится: «Позвольте, скажетъ, мнѣ васъ перервать: что вы это все по-французски беспокоитесь? Мы вѣдь здѣсь русскіе, и вотъ другъ мой Марья Николаевна... она по-французски и не понимаетъ и можетъ подумать что-нибудь на ея счетъ и обидѣться можетъ»...— И все, говоритъ, бывало, этакъ чаще всего за меня, такъ что даже, право, мученье это мнѣ было при гостяхъ сидѣть; но огорчать я ее не могла, и друзей черезъ это приобрѣтала: кого она этакъ хорошо съ своими извиненіями отчитаетъ, самъ же послѣ этого надъ собою смѣется. Я, бывало, обыкновенно сейчасъ послѣ обѣда хожу между гостей и все отыскиваю, который пострадалъ, и прошу: «Батюшка мой! Христа ради меня простите, что за меня вытерпѣли!.. я тому ни сномъ, ни духомъ не виновата». Всякій, бывало, мнѣ сейчасъ и руку подаетъ, а иной, добрый, такъ даже съ нимъ и поцѣлуемся и оба расхохочемся, и даже не разъ изъ Петербурга отъ такихъ друзей поклонны получала...

Воистину дивно, что на бабушку никто за это не сердился.

Я сама уже помню, какъ бабушка выслала разъ изъ гостиной одного молодого петербургскаго придворнаго, который, пріѣхавъ къ ней съ своимъ отцомъ, рѣзко судилъ о старшихъ. Бабушка предъ нимъ тотчасъ же *извинилась*.

— Простите меня великодушно,—сказала она ему съ доброю улыбкой:—я думаю вамъ съ нами, стариками, здѣсь скучно, вы бы сдѣлали мнѣ одолженіе въ залъ... къ дѣвицамъ... Княжны, барышни! позвала она насъ:—займите молодого гостя!

И гость намъ не отказалъ: онъ, смѣясь, подаль руки мнѣ и сестрѣ *Nathalie*, и мы съ нимъ, выйдя въ залу, начали бѣгать около большого круглаго стола, и, признаться сказать, превесело провели часъ предъ обѣдомъ.

Такъ еще въ то время было просто и такъ живо тогда чувствовалось взаимное снисхожденіе, которое послѣ замѣ-

нено сначала французским петиметрствомъ, а потомъ аглицкимъ равнодушіемъ. Но бабушкѣ уже и тогда казалось худо: она считала, что съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ Парижа въ общество наше обнаружился повсемѣстный недостатокъ взаимоуваженія.

— Шамотонять какъ-то,—говорила она,—а настоящихъ чувствъ деликатства нѣтъ.

Въ заключеніе характеристики, приведу, что говорилъ о бабушкѣ простой человекъ, мужъ той, столь часто до сихъ поръ упоминавшейся дьяконицы Марьи Николаевны. Этотъ бывшій «поскакунъ» и танцоръ, дожившій ко днямъ моего отрочества до глубокаго престарѣнія, сказалъ мнѣ однажды о княгинѣ такъ:

— Она это... была всѣмъ дворянамъ-то... и всей прочей околичности... все равно, что столпъ огненный въ пустынѣ путеводящій и мѣдный змій отъ напастей спасающій.

Я какъ сейчасъ помню случай, когда дряхлый дьяконъ изрекъ мнѣ это своеобразное опредѣленіе: это былъ одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ и ужасныхъ случаевъ, съ которыми въ позднѣйшую эпоху не только ознакомилось, но почти не разставалось наше семейство. По болѣзни, я одна оставалась дома: была зима и вечеръ; я скучала, и хлопотавшая около меня Ольга Федотовна позвала для моего разсвѣнія Марью Николаевну и ея мужа. Сама Ольга Федотовна была очень разстроена событіемъ, которое совершилось въ нашемъ семействѣ и грозило лечь чернымъ пятномъ на наше доброе имя, поэтому она хоть и жалѣла меня, но не хотѣла со мною много разговаривать, вѣроятно потому, что и меня, какъ молодежькую дѣвочку, считали отвѣтственной за всѣ грѣхи молодого поколѣнія. Марья Николаевна тоже молчала, но старый дьяконъ Доснѣей Андреечъ былъ милостивѣе и снисходительнѣе.

Онъ сидѣлъ предо мною за самоваромъ въ своей обширной какъ облако ряса изъ темножелтой нанки и размахивая изъ-подъ широкихъ полъ огромнѣйшимъ смазнымъ сапогомъ, все говорилъ мнѣ о семинаріи, гдѣ учился, объ архіереяхъ и о страшныхъ раскольникахъ, и потомъ, смахнувъ на воспоминанія о бабушкѣ, вдругъ неожиданно сдѣлалъ ей приведенное опредѣленіе, которое до того удивило меня своею оригинальностью, что я не удержалась и воскликнула:

— Какъ, Досиѳеѣй Андреичъ, отчего же бабушка огненный столпъ! Какъ это можно?

Тутъ Ольга Ѳедотовна и вскипѣла, и зачатила:

— А такъ, матушка, такъ... такъ это и было возможно, потому что куда она какъ столпъ свѣтила, туда и всѣ шли, и что хотѣла, то и дѣлала. Не въ городѣ, не на губернаторскомъ подворьѣ тогда искали ума-то, а у насъ въ Протозановѣ: не посовѣтовавшись съ бабинькою, ничего не дѣлали: выборы приходили, всѣ къ ней прежде съѣзжались да совѣтовались, и кого она рѣшить выбрать, того и выбрали, а другого, хоть онъ какой будь, не токмо что спереду, а съ боковъ, и сзади расшить и выстроченъ,—не надо. Гдѣ тебя строчили, тамъ ты и гуляй, а намъ не надо. И такъ все черезъ своихъ людей въ ея волѣ и состояло.

— Всѣ «прїидите поклонимся» пѣли,—поддержаль дьяконъ, а горячая старушка опять подхватила:

— А все почему? Все потому, что она была кость отъ костей и плоть отъ плоти своей, и черныя, и бѣлыя сотни всѣ за собой волокла, а не особилась. какъ вы, шинь-мышь, пыжики, иностранцы.

И Ольга Ѳедотовна, войдя съ сими словами въ азартъ, вдругъ позабыла даже, что я больна, а, подлетѣвъ ко мнѣ, начала меня теревить за руку да приговаривать:

— Дутики вы, дутики, больше ничего какъ самые пустые дутики! Ни вѣсть вы за кѣмъ ухаживаете, ни вѣсть за чѣмъ на своихъ людей губы дуете, а вотъ вамъ за то городничій поѣдетъ да губы-то вамъ и отдавить, и таки непременно отдавить. И будете вы, охъ, скоро вы, голубчики, будете сами за заднимъ столомъ съ музыкантами сидѣть, да кому совсѣмъ не стоить кланяться, дескать: «здравствуй, бояринъ, навѣки!». Срамъ!

Разъясненія всѣхъ этихъ негодований и пророчествъ впереди; ихъ мѣсто далеко въ хроникѣ событій, которыя я должна записать на память измелъчавшимъ, и едва ли самихъ себя не позабывшимъ, потомкамъ древняго и добраго рода нашего. Сдѣлавъ нѣсколько несвоевременный скачокъ впередъ, я снова возвращаюсь «во время оно», къ событїю, которымъ завершился періодъ тихаго вдовьяго житья княгини съ маленькими дѣтьми въ селѣ Протозановѣ и одновременно съ тѣмъ открылась новая фаза теченія моего свѣтила среди окружавшихъ его тучъ и тумановъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бабушкѣ минуло тридцать пять лѣтъ; въ это время князь Яковъ и Дмитрій (впослѣдствіи мой отецъ) подросли, такъ что настала пора думать объ ихъ образованіи; а старшей сестрѣ ихъ, княжнѣ Анастасіи Львовнѣ, исполнилось совершеннолѣтіе, и она оканчивала свой институтскій курсъ. Въ персоналѣ и въ порядкахъ дома должны были произойти неизбѣжныя обновленія и реформы, къ которымъ княгиня и приготовлялась; но приготовлялась не спѣша и, повидимому, съ очень малою радостью. Этому всё удивлялся, но у княгини были на то свои причины.

Я считаю нужнымъ напомнить, что княжна Анастасія поступила въ институтъ не потому, чтобы бабушка этого хотѣла, а въ угоду основательницѣ заведенія, желавшей, чтобы дѣвицы лучшихъ фамилій получали здѣсь свое воспитаніе. Бабушка считала эту волю для себя священной и повиновалась ей, но сердце ея не лежало къ институту. Не знаю, были ли у нея какія-нибудь опредѣленные причины для предубѣжденія противъ институтскаго воспитанія, но только она считала, что оно не годится, и черезъ то первый выходъ княжны изъ материнскаго дома подъ институтскій кровъ былъ несчастіемъ и для бабушки, и для ребенка. Глубокая и страстная натура княгини страдала неимоვნю: Ольга Ѳедотовна рассказывала, что предъ тѣмъ, какъ княжну везть въ институтъ, бабушка чуть ума не рѣшилась.

— Ни одной ночи, говоритъ,—бѣдная, не спала: все, бывало, ходила въ бѣлый залъ гулять, куда, кромѣ какъ для баловъ, никто и не хаживалъ. Выйдетъ, бывало, туда таково страшно, безъ свѣчи, и все ходитъ, или сядетъ у окна, въ которое съ улицы фонарь свѣтитъ, да на портретъ Маріи Ѳеодоровны смотреть, а у самой изъ глазъ слезы текутъ. Надо полагать, что она до самыхъ послѣднихъ минутъ колебалась, но потомъ преданность ея взяла верхъ надъ сердцемъ и она переломила себя и съ той поры словно отъ княжны оторвалась.

Послѣднее слово ея въ этомъ рассказѣ мнѣ всегда казалось почему-то очень страшнымъ: я никогда не переставала видѣть большой несправедливости въ томъ, что бабушка оторвалась отъ дочери ради антипатій къ воспитанію, ко-

тому, такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, она сама ее ввѣрила. Отвезя дочь изъ дому противъ своей воли, княгиня какъ будто сочла ее уже отрѣзаннымъ ломтемъ, и не ошиблась. И она охладѣла къ дочери, и дочь къ ней. Пока княгиня жила еще въ Петербургѣ, она часто ѣздила къ дочери и исполняла все, что нужно, но прежней, живой связи съ нею уже не чувствовала.

Отъѣздъ бабушки въ Протозаново еще болѣе разъединилъ мать съ дочерью: пока княгиня тамъ, на далекихъ мирныхъ пажитяхъ, укрѣпляла себя во всѣхъ добрыхъ свойствахъ обывательницы, княжна вырастала въ стѣнахъ петербургскаго института, въ сферѣ слабой науки и пылкихъ фантазій, грезившихъ иною жизнью, шумъ и блескъ которой достигали келій института и раздавались подъ ихъ сводами какъ рокоть далекой золотой арфы. Деревенское здѣсь знали только какъ буколическое, и то изъ французскихъ басенъ. Не было даже возможности обманываться, что съ окончаніемъ курса княжнѣ будетъ пріятно войти въ кругъ «друзей» и знакомыхъ своей матери и жить простыми ихъ задачами...

Во все время институтскаго курса княгиня сама лично только разъ ѣздила въ Петербургъ со специальною цѣлю навѣстить дочь. Такая поѣздка въ то время была вещь не легкая, и княгиня уже не рѣшалась ее повторять, тѣмъ болѣе, что все, что она ни увидала въ Петербургѣ, послѣ двухлѣтняго изъ него отсутствія, ей казалось глубоко противно. Русскій языкъ былъ въ такомъ загонѣ, что ей почти не съ кѣмъ было на немъ обращаться, кромѣ прислуги, а въ институтѣ даже горничная, которой княгиня сдѣлала подарки за услуги княжнѣ, прося у бабушки руку для поцѣлуя, сказала:

— Позвольте, ваше сіятельство, васъ въ ручку померсикать.

Бабушка не дала ей руки и осердилась.

Съ тѣхъ поръ, два года кряду, въ Петербургъ вмѣсто княгини ѣздилъ Патрикій. Онъ долженъ былъ доставлять княжкѣ подарки и какъ можно болѣе на нее насматриваться и обстоятельно, какъ можно подробнѣе, рассказывать о ней княгинѣ. Первый годъ это ему удалось довольно удовлетворительно, но во второй Патрикій явился, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, очень сконфуженнымъ и сначала все

что-то мямлил и говорил какой-то пустой вздоръ, а потомъ повинился и сказалъ, что хотя онъ всякій пріемный день ходилъ въ институтъ, но княжна вышла къ нему только однажды, на минуточку, въ самый первый разъ, а съ тѣхъ поръ гостинцы черезъ швейцара принимала, а сама отъ свиданія отказывалась, и даже прощаться съ нимъ не вышла. Впрочемъ, Патрикѣй ручался, что княжна весела и здорова, потому что онъ, подкупивъ швейцара, постоянно прокрадывался въ его будку и наблюдалъ оттуда княжну Анастасію, когда она съ другими дѣвцами выходила гулять.

Бабушка всѣмъ этимъ была не мало удивлена:

— Какъ?! такая дѣвочка, еще подросточекъ, и уже изъ своего дома человѣка видѣть не хочетъ! И какого человѣка! Развѣ она не знаетъ, что онъ мнѣ больше другъ, чѣмъ слуга, или она уже все позабыла!

Прошли годы институтскаго ученія. Княгиня была не особенно радостна съ тѣхъ поръ, какъ стала говорить о поѣздкѣ въ Петербургъ за дочерью. Она терялась. Она не знала, перевозить ли ей дочь въ деревню и здѣсь ее переламывать по-своему, или уже лучше ей самой переѣхать въ свой петербургскій домъ и выдать тамъ княжну замужъ за человѣка, воспитанія къ ней болѣе подходящаго.

Между тѣмъ дни шли за днями и пришло неотложное время ѣхать. Начались сборы и невдалекѣ назначенъ день выѣзда; бабушка ѣхала до губернскаго города на своихъ подставахъ, а оттуда, далѣе, на сдаточныхъ, которыя тогда для неофициальныхъ лицъ были благонадежнѣе почтовыхъ.

Но пока человѣкъ предполагалъ, Богъ располагалъ по-своему, и бабушкѣ открывался выходъ неожиданный и невѣроятный.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ то время, какъ сборы княгини совсѣмъ уже приходили къ концу, губернскій городъ посѣтилъ новый вельможа тогдашняго времени—графъ Функендорфъ, незадолго передъ тѣмъ получившій въ нашей губерніи земли и пріѣхавшій съ тѣмъ, чтобъ обозрѣть ихъ и населять свободными крестьянами. Кромѣ того, у него, по его высокому званію, были какія-то большія полномочія, такъ что онъ, въ одно и то же время, и хозяйничалъ, и міромъ правилъ.

Бабушка, къ дому которой никакія вѣсти не запазды-

вали, слушала объ этомъ новомъ лицѣ съ какимъ-то недо-
вѣріемъ и неудовольствіемъ. Я забыла сказать, что въ числѣ
ея разныхъ странностей было то, что она не жаловала гра-
фовъ. По ея правиламъ, въ Россіи должны быть царскій
родъ, князья, дворяне, приказные, торговые люди и пахот-
ные, но графы... Она говорила, что у насъ искони ника-
кихъ графовъ не было, и она будто бы вовсе не знаетъ,
откуда они берутся.

— Говорятъ, графы стали, ну, и Богъ съ ними: они мнѣ
ни шьютъ, ни порютъ, и я имъ не помѣха, а только отчего
имъ это такъ сдѣлалось—я не знаю.

Но что касается до графовъ съ иностранными фамиліями,
то этого она рѣшительно и за титулъ не принимала.

— Пустяки,—утверждала она,—совершенные пустяки, это
они и сами-то у себя это въ насмѣшку дѣлаютъ, графами
называются. Вонъ Калиостро, простой итальянецъ былъ,
макаронникъ, и по всей Европѣ ѣздилъ фокусы показывать,
да ужины съ мертвецами давалъ, а тоже графомъ назывался.

При такомъ возрѣніи понятно, что бабушка не высо-
каго была сужденія и объ этомъ графѣ Функендорфѣ, о ко-
торомъ ей рассказывали, какъ онъ грозенъ и строгъ и
какъ отъ страха предъ нимъ въ губернскомъ городѣ всѣ
власти сгибаются и трепещутъ.

— Чтò такое!..—говорила она:—ну, положимъ, онъ и въ
самомъ дѣлѣ знатный человекъ, я его рода не знаю, но
чего же бояться-то? Не Иванъ Грозный, да и того сверхъ
Бога отцы наши не пугивались, а это петербургскій божокъ
схватилъ батожокъ, а у самого,—глядишь,—вѣкъ кратенькій...
Мало ли ихъ ѣдетъ съ перинцемъ, гремитъ колесомъ, а тамъ,
смотришь, самого этого боженьку за ноженьку, да и поми-
най какъ звали. Страшенъ одинъ долготерпѣливый, да скром-
ный, за того тяжко Богу отвѣтишь, а это само пройдетъ.

Но грозный для всѣхъ графъ былъ отнюдь не таковъ по
отношенію къ княгинѣ; до нея одинъ за другимъ доходили
слухи, что онъ о ней очень любонитствуетъ, и самъ съ
величайшимъ почтеніемъ говорилъ о ней и съ губернато-
ромъ, и въ дворянскомъ собраніи.

— Чтò ему еще до меня?—удивлялась княгиня, и еще
болѣе удивилась, когда въ одинъ вечеръ Патрикѣй доло-
жилъ ей о земскомъ разсылномъ, который пріѣхалъ въ
Протозаново съ письмомъ отъ губернатора.

Бабушка распечатала пакетъ и прочитала, что графъ желаетъ ей представиться и просить позволенія къ ней прїѣхать въ какой она назначить день.

Княгиня отвѣчала, что она *всякому* гостю всегда рада и дня не назначаетъ, но только извѣщаетъ, что она вскорѣ ѣдетъ въ Петербургъ за дочерью и просить графа, если ему угодно у нея быть, то не замедлить.

Между тѣмъ ее, какъ бы по предчувствію, какъ-то безпокоило это посѣщеніе. Она зачастую видала у себя разныхъ подобныхъ «божковъ» изъ Петербурга и принимала ихъ какъ и всякаго другого, а этотъ ей былъ почему-то особенно непріятенъ.

Чуждая всякой спеси и всякой подозрительности, княгиня никогда не задавала себѣ вопроса: зачѣмъ къ ней прїѣдетъ тотъ или другой человѣкъ?—ѣдетъ да и только; но тутъ у нея этотъ вопросъ не шелъ изъ головы.

«Что ему до меня?» ломала она свою голову, суня свои красивыя брови, и по цѣлымъ часамъ думала объ этомъ, глядя на играющихъ у ея ногъ на коврѣ маленькихъ князей.

«Если такъ думать, что онъ хочетъ у меня кушать крестьянъ на сводѣ, то, во-первыхъ, я не имѣю никакого права продавать ихъ, потому что они дѣтскіе, да и неужто я похожа на тѣхъ, что людей на сводѣ продаютъ?.. Если же ему, можетъ-быть, денегъ надо... такъ этого быть не можетъ, чтобъ онъ у меня занимать сталъ!» И она опять взглядывала на дѣтей и думала: «не насчетъ ли моихъ дѣтей онъ намѣренъ коснуться? Только кто же посмѣетъ въ это вмѣшаться? Положимъ, у меня это случилось съ дѣвочкой, но то вѣдь была дѣвочка, тамъ я могла еще уступить: дѣвочка въ свой родъ не идетъ, она вырастетъ, замужъ выйдетъ и своему дому только сосѣдкой станетъ, а мальчики, сыновья... Это совсѣмъ другое дѣло: на нихъ все грядущее рода почіетъ; они должны всѣ въ своемъ полѣ созрѣть, одинъ за однимъ Протозановы, и у всѣхъ предъ глазами, на виду, честно свой вѣкъ пройти, а потомъ, какъ снопы пшеницы осигвшеи во время свое, рядами лечь въ скирдницу... Тутъ никому нельзя уступать, тутъ всякая ошибка въ воспитаніи всему роду смерть».

У княгини тогда уже были зрѣло обдуманныя мысли, какъ она займется воспитаніемъ сыновей и къ чему ихъ будетъ вести.

«Не дочь ли моя его, наконецъ, интересуесть?» добиралась княгиня и пошла разсуждать, что вѣдь они-де, эти графы-то, любятъ цапнуть: они все высматриваютъ, гдѣ за русскою женщиной поживиться хорошимъ приданымъ можно... Что же? Это дѣло статочное: ему, говорятъ, всего пятьдесятъ лѣтъ... По ихъ сужденіямъ, это нынче еще молодъ, а онъ, говорятъ, еще и впрямь молодецъ. И вдовъ, и здоровъ, и знатенъ... что же? Нынче такіе браки съ шестнадцатилѣтними невѣстами въ Петербургѣ заурядъ пошли. Гадко это, а, чего добраго, это могло ему придти въ голову.

И вдругъ ей самой пришло въ голову еще совершенно иное соображеніе; соображеніе, ни одного раза не приходившее ей съ самаго перваго дня ея вдовства: она вздумала, что ей самой еще всего тридцать пять лѣтъ, и что она въ этой своей порѣ даже и краше, и притомъ втрое богаче своей дочери... Тридцать пять и пятьдесятъ, это гораздо ближе одно къ другому, чѣмъ пятьдесятъ и шестнадцать; а какъ притомъ эта комбинація для графа и гораздо выгоднѣе, то не думаетъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, очастливить ее своей декларацией?

Мысль эта показалась бабушкѣ столь ясною и логичною, что она стала вѣрить какъ въ неотразимый фактъ и ждала гости въ неспокойствѣ, за которое сама на себя сердилась.

Чего въ самомъ дѣлѣ! Неужто она не знаетъ, какъ она встрѣтитъ всякій подходъ съ этой стороны и чѣмъ на него отвѣтитъ.

Между тѣмъ «божокъ съ перищемъ ѣхаль, и уже недалеко гремѣлъ колесомъ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Графъ, благодаря бабушку за приглашеніе, прислалъ извѣстить ее, что онъ пожелаетъ къ ней въ первое слѣдующее воскресенье вмѣстѣ съ губернаторомъ, который его ей отрекомендуетъ. Бабушкѣ не правилась эта помпа.

— Къ чему это? зачѣмъ это? что такое мнѣ губернаторъ?

По независимымъ и оригинальнымъ понятіямъ бабушки, губернаторъ былъ «старшій приказный въ губерніи», и приказнымъ до него было и дѣло, а ей никакого: вѣжливъ онъ къ ней и хорошъ для другихъ, она его приметъ въ домъ, а нѣтъ—такъ она его и знать не хочетъ. Таковы

были ея правила. Но гостей надо было принять и день ихъ прїѣзда насталъ: день этотъ былъ погожій и свѣтлый; домъ княгини сіялъ, по обыкновенію, полной чашей, и въ немъ ни на волосъ не было замѣтно движенія сверхъ обыкновеннаго; только къ столу было что нужно прибавлено, да Патрикїѣй, сходявъ утромъ въ каменную палатку, досталъ оттуда двѣ большія серебряныя передачи, круглое золоченое блюдо съ чернью подъ желе, подносъ съ кариденами (queridons), да пятнадцать мѣстъ конфектнаго сервиза. Это всегда отбиралось съ усмотрѣнія Патрикїѣя по числу гостей и потомъ оиять послѣ стола относилось на мѣсто, въ безопасную отъ огня и отъ воровъ каменную палатку.

Изъ того, что конфектнаго сервиза было вынуто пятнадцать мѣстъ, ясно было, что, кромѣ графа, губернатора и самой хозяйки, за столъ сядутъ еще двѣнадцать человѣкъ; но это тоже не были гости отборные, нарочно къ этому случаю призванные; а такъ, обыкновенные люди, изъ сосѣдей, которые къ этому дню подѣхали и остались обѣдать. Въ счету ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, была и дьяконица Марья Николаевна, и Донкихотъ Рогожинъ, о которомъ я уже нѣсколько разъ упоминала и теперь здѣсь непременно должна сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ сведу его съ графомъ.

Доримедонтъ Васильевичъ Рогожинъ, получившій прозваніе Донкихота, былъ чудакъ, какихъ и въ тогдашнее время было мало на свѣтѣ, а въ нашъ стереотипный вѣкъ ни одного не отыщется.

Онъ былъ длинный, сухой и рыжій дворянинъ, съ грустными изумрудными глазами, изъ которыхъ одинъ впоследствии потерялъ. Рогожинъ своею наружностью въ общемъ чрезвычайно напоминалъ всѣмъ столь извѣстную фигуру Донкихота и такъ же, какъ тотъ, былъ немножко сумасшедшій. По случайной фантазїи, оригинальный костюмъ Рогожина еще болѣе довершалъ его сходство: Доримедонтъ Васильевичъ любилъ верхнее короткое платье, въ родѣ камзола или куртки, похожей на бѣдный колетъ рыцаря Ламанча, и туго стягивался ржавымъ металлическимъ поясомъ, состоявшимъ изъ продолговатыхъ бляхъ, соединенныхъ между собою тоненькими крѣпкими цѣпочками, изъ которыхъ, впрочемъ, многія были оборваны. Весь этотъ костюмъ всегда былъ въ безпорядкѣ, но Рогожинъ и не обращалъ на та-

кую мелочь никакого вниманія. Онъ, впрочемъ, вѣроятно, и не считалъ бы приличнымъ имѣть платье съ иголки, какъ у какого-нибудь горожанина. Онъ, какъ истый горецъ, въ лохмотьяхъ своихъ любилъ ихъ красоту, и былъ правъ: они ему, дѣйствительно, шли и сидѣли на немъ такъ, какъ не могла сидѣть никакая обнова. Чудакъ этотъ служилъ въ Отечественную войну въ войскахъ и былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ во Францію, откуда вернулся, набравшись тогдашнихъ либеральныхъ идей, которыя, впрочемъ, переработалъ по-своему. Онъ былъ врагъ всякаго угнетенія и другъ демократіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другъ изгнаннаго дворянства, реставраціи котораго тоже сильно сочувствовалъ, потому что любилъ «благородство идей» и ненавидѣлъ зазнающихся выскочекъ. Возвратясь домой, онъ потерялся: чему сочувствовать и за кого заступаться? Здѣсь онъ не скоро могъ сообразить: кто кого угнетеніе и имѣетъ болѣе правъ на его защиту? Онъ то порывался разбить тюрьмы, или побить неправедныхъ судей; то лютовалъ, слыша стоны возлѣ господскихъ конторъ, и, наконецъ, растерявшись, первымъ дѣломъ положилъ опустить на волю собственныхъ крестьянъ. Сказано и сдѣлано. У него было ничтожное имѣньишко, доставшееся ему отъ матери, бѣдной дворянки, обреченной въ монастырь и неожиданно вышедшей замужъ за его отца. Это имѣньице, да унаслѣдованное отъ матери умѣнье писать уставами и рисовать золотомъ и киноварью заставки составляли все наслѣдіе Донкихота. Крестьянамъ своимъ онъ объявилъ, что они свободны и могутъ идти куда хотятъ; но крестьяне отъ него не пошли. Это Рогожина крайне удивило, но когда девять мужиковъ, составлявшихъ всю его крѣпостную силу, собравшись къ его соломеннымъ хоромамъ на курьихъ ножкахъ, растолковали ему, что они на свободѣ боятся исправника и всякаго другаго начальства, то Доримедонтъ Васильевичъ, долго шевеля въ молчаніи губами и длиннымъ рыжимъ усомъ, наконецъ, махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, такъ живите какъ знаете; только на меня не работать!

Мужики на это согласились: условія для нихъ были довольно удобныя и легкія. Впослѣдствіи эти хуторяне, сколько по великодушію, столько же отъ сосѣдскихъ насмѣшекъ, что они «живемъ у себя барина заморили», накинули на

себя мірское тягло въ пользу Рогожина: они взялись ему убирать огородъ и лугъ для его коровы и пары клячь и перекрыли ему соломой горенку. Кромѣ того, какъ въ это время Доримедонтъ Васильчъ часто долженъ былъ ѣздить въ городъ, гдѣ хлопоталъ о пенсіи за свою службу и раны, ему нуженъ былъ кучеръ, то мужики выбрали для услугъ изъ своей среды мужика Зинку. Мужикъ Зинка, сдѣлавшійся Санчо-Пансой нашего Донкихота, кажется, былъ пріуготовленъ къ этой должности самою природою. Въ дѣтствѣ, отрясая съ высокаго ясеня зеленыхъ майскихъ жуковъ, которыхъ оптовщики скушаютъ по деревнямъ для продажи въ аптеки, Зинка сорвался съ самаго верха дерева и повредилъ себѣ крестецъ. Послѣ этого излома онъ такъ странно сросся, что вся нижняя его половина всегда точно шла на одинъ шагъ сзади верхней. Съ лѣтами Зинка обородатѣлъ, но почти совсѣмъ не выросъ и, по слабосилію своему, былъ негоденъ ровно ни къ какой тяжелой сельской работѣ. Поэтому онъ лѣтомъ обыкновенно сидѣлъ у околицы и шлеть изъ лыкъ коншели, а зимой ходилъ съ иглой и ножницами шить зипуны и полушубки. Благодаря долговременному сидѣнію въ одиночествѣ у околицъ, Зинка развилъ въ себѣ большую сосредоточенность и склонность къ размышленіямъ, а хожденіемъ со шведовскимъ промысломъ, при которомъ столь важную роль играетъ мастерство утягивать лоскутья, онъ приобрѣлъ много ловкости и лукавства, къ которымъ вообще, вѣроятно, былъ способенъ и отъ природы.

Вотъ этимъ-то человѣкомъ рогожинскіе мужики и наградили своего добраго барина. Рогожинъ, осмотрѣвъ Зинку, почелъ его не неудобнымъ для своихъ службъ, а поговоривъ съ нимъ—пришелъ даже въ восторгъ отъ него. Зинка, далеко таскаясь со своимъ шведовствомъ, бывалъ почти во всѣхъ деревняхъ всего округа, зналъ многихъ людей и не боялся неизвѣстныхъ дорогъ, потому что умѣлъ ихъ распытывать: къ тому же, онъ могъ чинить платье непритхотливаго Донкихота и былъ не охотникъ сидѣть долго подъ одною кровлею, столько же какъ и его баринъ. Кромѣ того, Зинка умѣлъ рассказывать разныя страшныя сказки и достовѣрныя исторіи про домовыхъ, водяныхъ, а также колдуновъ и вообще злыхъ людей и, что всего дороже, умѣлъ такъ же хорошо слушать и себѣ на умъ соглашаться со всѣмъ, что ему говорилъ его баринъ. Въ дунѣ онъ счи-

галъ Рогожина дурачкомъ, или, по крайней мѣрѣ, «Божьимъ человѣкомъ». Ну, словомъ, Пансо былъ по всемъ статьямъ какъ на заказъ для нашего Донкихота выпеченъ, и они запутешествовали.

Въ своихъ помѣщичьихъ скарбахъ Доримедонтъ Васильичъ отыскалъ старую ободранную рогожную кибитку, поставленную на двѣ утлыя дрожины на неокованныхъ колесахъ. Въ этомъ экипажѣ его бѣдные родители отвозили его когда-то въ училище, и экипажъ этотъ назывался тарантасикомъ. Уцѣлѣла сѣрая кобылица обыкновенной крестьянской породы и при ней ея нисходящее потомство: рыжій трехлѣтній конекъ, да сосунокъ-жеребеночекъ. Выѣхать, значитъ, было на чемъ. Недоставало сбруи, но одинъ хомутишко гдѣ-то нашелся, къ нему приправили гужи, а на пристяжную свергѣли дома изрядную шлейку, да напелели и навязали, гдѣ нужно, веревочекъ и лыко да мочала. Донкихота помчали.

О пенсїи своей Рогожинъ хлопоталъ долго и съ перемѣннымъ счастьемъ: то дѣло его шло, то вдругъ останавливалось. При малѣйшихъ замедленїяхъ Рогожинъ не разбиралъ, кто въ этомъ виноватъ, а грубилъ всемъ, кому ни попало, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ писаремъ. Благодаря этой энергїи, онъ скоро прослылъ на всю губернїю чудакомъ, и когда онъ показывался въ городѣ, за нимъ издали ходили разные люди, чтобы посмотреть на этого безстрашнаго. Мужикъ Зинка этимъ пользовался и очень долго показывалъ его желающимъ на постоялыхъ дворахъ за пироги и за мелкія деньги, но Доримедонтъ Васильичъ случайно открылъ эти продѣлки своего Пансо и, перегнувъ его при всей публикѣ черезъ свое длинное, сухое колѣно, отхлопалъ по отломанной части. Докуки Донкихота имѣли, однако, для него и свою хорошую сторону; начальство, выйдя съ нимъ изъ терпѣнїя, выхлопотало ему пенсїю, что-то въ родѣ пятисотъ рублей на ассигнаціи, чѣмъ Рогожинъ былъ, впрочемъ, очень доволенъ. Но его чрезвычайно удивило, что, прежде чѣмъ получила эта пенсїя, на него стали въ изобилии поступать уголовные иски за учиненныя имъ то одному, то другому начальствующему лицу грубости и оскорбленїя! Какъ, онъ самъ себя считалъ обиженнымъ, что его такъ долго томили, а тутъ еще на него же жалуются! Другое дѣло сатисфакціи...

Онъ это готовъ дать кому угодно, но возиться съ приказными, и все это писать на бумагѣ... Это никуда не годится!

Доримедонтъ Васильичъ опять натянулъ на своихъ Россинантовъ лыко и мочало, и опять съ тѣмъ же Зинкой и въ сопровожденіи того же жеребенка поскакали въ городъ предлагать всѣмъ жалобщикамъ свою сатисфакцію, но никто его сатисфакціи не хотѣлъ принимать, и всѣ указывали ему на уголовную палату.

Рогожинъ разсердился, плюнулъ и, наговоривъ заодно всѣмъ, кому могъ, большихъ дерзостей, укатилъ изъ города неизвѣстно по какой дорогѣ. Дома его напрасно разыскивали и вызывали бумагами къ отвѣту: Доримедонтъ Васильичъ исчезъ и неизвѣстно гдѣ пропадалъ цѣлые три года кряду. Во все это время, укрываясь отъ суда, онъ путешествовать по разнымъ далекимъ и близкимъ монастырямъ, гдѣ ему, по большей части, добрые иноки были рады. Сынъ монастырки, Рогожинъ зналъ монастырскіе порядки и умѣлъ быть не въ тягость обителямъ, напротивъ, дѣлался вездѣ полезнымъ человѣкомъ: онъ умѣлъ переплетать и *подписывать* приходшія въ ветхость книги; *размчалъ* главы киноварью и творенымъ золотомъ и вообще мастерски дѣлалъ подобныя мелкія работы, на которыя не только по захолустьямъ, но и въ многочисленныхъ городахъ не скоро достанешь искуснаго художника. Рогожинъ, какъ сказано, во всемъ этомъ унаслѣдовалъ отъ матери большую тонкость, и искусство это ему пригодилось. Можно положительно сказать, что если бъ и въ монастыряхъ тоже не оказывалось какихъ-нибудь угнетенныхъ людей, за которыхъ Доримедонтъ Васильичъ считалъ своею неперемѣнною обязанностію вступаться и черезъ это со всѣми ссорился, то его ни одна обитель не согласилась бы уступить другой, но такъ какъ заступничества и неизбѣжно сопряженные съ ними ссоры были его неразлучными спутниками, то онъ частенько перемѣнялъ мѣста, и, наконецъ, захавъ Богъ вѣсть какъ далеко, попалъ въ обитель, имѣвшую большой архивъ древнихъ рукописей, которыя ему и поручили разобрать и привести въ порядокъ.

Нашъ чудакъ такъ обрадовался этой благодати, что, закопавшись въ пыльномъ архивномъ хламѣ, не могъ даже и видѣть, что вокругъ него происходитъ: кто кого угнетаетъ и кто отъ кого страждетъ.

Рогожинъ былъ вообще очень любознателенъ и довольно начитанъ, преимущественно въ исторіи, но онъ терпѣть не могъ *сочиненій*, въ которыхъ ему всегда мѣшалъ личный взглядъ автора. Онъ любилъ читать по источникамъ, гдѣ фактъ излагается въ жизненной простотѣ, какъ происходило событіе, и что не обязываетъ читателя смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія, на которую его наводитъ авторъ книги сочиненной. Тутъ Доримедонту Васильичу выпала сладкая доля дѣла удовлетворить своему влеченію къ такому чтенію. Жизнь была благодатнѣйшая: онъ читалъ; лошадки его пахали монастырскіе огороды и возили сѣно съ приписныхъ луговъ, а сломанный Зинка, котораго въ монастырѣ звали всѣмъ его крестнымъ именемъ — Зиновій, подметалъ трапезную и растолстѣлъ какъ тучный теленокъ на вкусныхъ квасахъ и на мягкомъ хлѣбѣ. Лучше этой жизни ни Донкихотъ, ни его Пансо выдумать себѣ не могли: лѣнивый къ богомоленію Зинка столь былъ имъ восхищенъ, что сталъ даже усердно славить Бога и молиться, чтобъ это какъ можно долѣе не кончилось. Если бы Вольтеръ зналъ этого нашего земляка, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что не ему одному казалось удобнѣе молиться послѣ обѣда, чѣмъ предъ обѣдомъ, но наши натуральные философы, вѣроятно, никогда не получаютъ извѣстности, постоянно предвосхищаемой у нихъ чужеземцами.

Однако, послѣобѣденная молитва Зинки, должно-быть, точно такъ же мало доходила до Властителя судебъ чело-вѣческихъ, какъ и сытая молитва, которою хвалился Вольтеръ: ни тому, ни другому изъ этихъ молитвенниковъ не стало по ихъ моленіямъ.

До монастыря дошла вѣсть, что уже съ полгода тому назадъ, по случаю какого-то торжества, послѣдовалъ манифестъ, покрывшій прощеніемъ многіе проступки, къ категоріи которыхъ относились и тѣ, за кои скрывался въ изгнаніи Рогожинъ.

Доримедонтъ Васильичъ сейчасъ же раскланялся съ настоятелемъ за пріютъ и за подаренныи ему старыя рукописи изъ числа тѣхъ, которыя въ монастырѣ показались ненужными, и, выйдя на крыльцо кельи, закричалъ:

— Эй, Зиноей!

Зинка зналъ этотъ крикъ: это былъ призывный, боевой кличъ его барина, кличъ не то передѣланный изъ имени

Зиновій, не то скомпанованный изъ сокращенія двухъ словъ: «Зинка бей!» Такъ кричалъ Рогожинъ при своихъ рыцарскихъ нападеніяхъ на обидчиковъ.

Зинка выскочилъ изъ-подъ крыльца пекарни какъ заяцъ, схватилъ на-лету за пазуху добрую дольку мягкаго хлѣба и черезъ десять минутъ подаль къ воротамъ ободранную кибитку съ парой извѣстныхъ намъ лошадокъ во всемъ ихъ пенечномъ и мочальномъ уборѣ.

Донкихотъ Рогожинъ появился за воротами въ подаренной ему настоятелемъ за работу черной мантии, изъ которой онъ намѣревался себѣ сдѣлать плащъ, но потомъ нашелъ, что она можетъ ему служить свою службу и безъ передѣлки. Онъ швырнулъ въ кибитку цѣлый ворохъ переплетенныхъ и просто въ кули связанныхъ рукописей, и закричалъ:

— Ну, бей, Зинопей; бей! Зинка, бей!

И они покатили.

Дома они застали все какъ было, въ томъ же запустѣніи. только соломенная крыша на горницѣ какъ будто немножко болѣе посунулась. Домашніе тоже не усмотрѣли въ нихъ за три года никакой большой переменъ: только тарантасъ, стоявшій въ монастырѣ подъ куриною повѣтью, немножко поприблѣлъ сверху, да съ сѣрою кобылицей прибѣжалъ новый сосунокъ. Последнее, впрочемъ, было не новость, потому что у этой загадочной лошади всякій годъ были новые жеребятки и съ тѣхъ поръ, какъ съ возвращеніемъ барина, она попала ему въ ѣзду, ни одинъ изъ этихъ жеребятъ не переживалъ перваго года. Они обыкновенно не могли долго бѣжать за своею матерью и ходившимъ съ нею на пристяжкѣ старшимъ братцемъ и или гдѣ-нибудь отставали и терялись, или умирали на дорогѣ отъ перегона; а черезъ годъ Донкихотъ опять скакалъ на своихъ удивительныхъ лошадяхъ и за нимъ со звонкимъ ржаніемъ опять гнался новый жеребенокъ, пока гдѣ-нибудь не исчезалъ и этотъ.

Я назвала одровъ Рогожина *удивительными*, но чувствую, что это слово слишкомъ слабо для выраженія того почтенія, которое они оставили по себѣ въ самомъ позднемъ потомствѣ. Это были не кони, а какіе-то сказочные грифы: сдѣлистые и длинные какъ гусеницы, съ голыми шеями и какими-то остатками перьевъ вмѣсто шерсти на

прочихъ мѣстахъ, они наводили страхъ своими мясистыми головами, похожими скорѣе на головы огромныхъ птицъ, чѣмъ лошадей. Вѣчно они были некованные, а весьма часто и голодные, и на видъ не представляли никакой благонадежности даже для самаго близкаго переѣзда. Когда они стояли въ своей мочальной сбруѣ, казалось, что каждую изъ нихъ достаточно только толкнуть и она сейчасъ же повалится и будетъ лежать, поднявъ ноги какъ деревянная скамейка, но это только такъ казалось. Чтò же дѣлали эти одры, когда они слышали за собою изъ тарантаса сумасшедшіе возгласы Донкихота и визгливый фистульный крикъ его Пансы—это было уму непостижимо! Они, говорятъ, летали до ста верстъ въ одну упряжку, и именно не бѣгали, а *летали* какъ птицы. Безъ шутокъ говорю: было живое преданіе, что они поднимались со всѣмъ экипажемъ и пассажирами подъ облака и летѣли въ вихрѣ, пока наступало время пасть на землю, чтобы дать Донкихоту случай защитить обиженнаго или самому спрятаться отъ суда и слѣдствія. Къ чести Зинки, онъ отнюдь не поддерживалъ этого заблужденія и откровенно признавался, что одры его барина просто двужилые и страшнаго въ нихъ заключается только то, что послѣ каждаго этого одра непременно должны издохнуть двѣнадцать хорошихъ лошадей, но ему, разумѣется, не вѣрили. Ни одинъ обстоятельный человѣкъ никогда не соглашался положиться легкомысленно на такой рассказъ, сочиненный, очевидно, для того, чтобы только людямъ глаза отвести. Всѣ умные люди понимали, что лошади Донкихота не могли быть обыкновенными лошадьми и, зная, что Зинка мужикъ лукавый, охотнѣе вѣрили другому сказанію, что они, то-есть Донкихотъ и Зинка, гдѣ-то далеко, въ какомъ-то дремучемъ лѣсу, чуть не подъ Кіевомъ, сварили своихъ старыхъ лошадей въ котлѣ съ наговорами и причитаніями по большой книгѣ и, повинувся этимъ заклинаніямъ, изъ котла, въ образѣ прежнихъ ихъ лошадей, предстали два духа, нестарѣющіе и незнающіе устали. Да это было и вѣроятнѣе, и я отнюдь не хочу этого оснаривать въ моей хроникѣ, гдѣ должна дать мѣсто этимъ таинственнымъ звѣрямъ, которыхъ видъ, годы, сила, умъ и хватка, — все превосходило средства обыкновеннаго человѣческаго пониманія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прискакавъ послѣ долговременнаго отсутствія домой, Донкихоть впалъ въ полосу долговременнаго штиля, какого потомъ не бывало уже во всю его остальную жизнь, и тутъ онъ совершилъ одинъ страшный и безповоротный шагъ, о которомъ, вѣроятно, имѣлъ какое-нибудь мнѣніе, но никогда его никому не высказывалъ. Покой Рогожина зависѣлъ отъ того, что онъ привезъ съ собою изъ монастыря цѣлыя вороха старыхъ книгъ и рукописей. Отъ этого клада онъ не могъ оторваться прежде, чѣмъ всѣ ветхія бумаги были имъ перечитаны, сравнены и изучены, а на это требовалось цѣлыя полгода. Рогожинъ пресидѣлъ всю осень и зиму за чтеніемъ; зимнія позднія предразсвѣтныя зори часто заставляли его предъ нагорѣвшимъ высокимъ глинянымъ ночникомъ, въ оскудѣвшую плешку котораго онъ глядѣлъ помутившимися отъ усталы глазами и думалъ какія-то широкія думы. Онъ доходилъ до мысли: какъ освободить много, много угнетенныхъ людей за одинъ пріемъ, сразу, и въ пылающей головѣ его неслись планъ за планомъ, одинъ другого смѣлѣе и одинъ другого несбыточнѣе. Въ результатѣ всего этого получилось одно, что совсѣмъ выбившійся изъ сна Донкихоть въ началѣ Великаго поста не выдержалъ и заболѣлъ: онъ сначала-было закуролесилъ и хотѣлъ прорубить у себя въ потолкѣ окно для полученія большей порціи воздуха, который былъ нуженъ его горячей головѣ, а потомъ слегъ и впалъ въ безпамятство, въ которомъ все продолжалъ бредить о широкомъ окнѣ и какомъ-то законѣ тринности, который находилъ во всемъ, о чемъ только могъ думать.

Крестьяне, послушавъ все это, наконецъ, струсили, что ихъ блажной баринъ можетъ совсѣмъ сойти съ ума или умереть и тогда они могутъ достаться въ управленіе какому-нибудь другому лицу, у котораго не будетъ его доброты, и имъ придется сказать «прощай» своему льготному житію. Они привезли къ Рогожину изъ села священника. Донкихоть былъ на этотъ случай въ памяти и какъ будто даже обрадовался гостю, съ которымъ могъ говорить о предметахъ, недоступныхъ пониманію Зинки и другихъ мужиковъ. Онъ посадилъ гостя на топорномъ стулѣ возлѣ лавки, на которой лежалъ, и заговорилъ съ нимъ о тринности, тро-

ичности во всемъ, въ ипостасяхъ Божества, въ идеяхъ и въ видимыхъ элементахъ строенія общества.

— И въ церкви,—говорилъ онъ, —вышія власти три: митрополитъ, архіерей и архимандритъ; ниже опять три: попъ, дьяконъ и причетникъ, все три! Оттого, если всѣ три совершаютъ дѣло въ строеніи, и нисходитъ благодать.

— Нисходитъ-съ,—отвѣчалъ священникъ.

— Какъ же не быть сему въ государствѣ?

— Надо быть-съ.

— Я это и говорю!—воскликнулъ Донкихотъ.—И я говорю, что этому надо быть! надо быть!

— Надо быть-съ,—поддакнулъ священникъ.

— И оно... нагнитесь сюда ко мнѣ поближе.

Священникъ оперся рукой о лавку и пригнулся къ больному.

Донкихотъ обнялъ его исхудалую рукой за шею и прошепталъ:

— И оно есть-съ!

— Есть-съ; непременно есть.

— Какъ! и вы понимаете, что оно есть?

— Понимаю-съ.

— Вы понимаете, что есть три и они одно: они одно дѣлаютъ, одной странѣ служатъ, ея величіе поютъ, только одинъ въ верхнемъ регистрѣ, другой—въ среднемъ, а третій—въ низшемъ.

— Совершенно понимаю-съ.

— Хорошо,—произнесъ Донкихотъ и вдохновенно добавилъ:—дай руку, мы свои и будемъ говорить откровенно.

Они пожали другъ другу руку.

— Прежде всего повѣрка: свѣримъ силы какъ добрые союзники: откройся, какъ ты это понимаешь?

— Что это-съ?

— Трое... Кто они эти трое въ Россіи, безъ кого нельзя?

— Государь...

— Разъ! это вѣрно, продолжай.

— Второй губернаторъ..

Донкихотъ уже хотѣлъ загнуть второй палецъ съ восклицаніемъ «два», но вдругъ заикнулся и, взглянувъ съ удивленіемъ на священника, протянулъ:

— Что-о-о-о?

— Второй, губернаторъ-съ.

— Какъ, чертъ возьми, губернаторъ!.. Почему онъ второй?

— Потому что государь править всѣмъ государствомъ, а этотъ подъ нимъ губернію въ страхъ держитъ...

— Ну-у!

— Ну-съ, а третій подъ нимъ городничій — онъ одинъ городъ блюдетъ.

— Пошелъ вонъ!—нимало не медля отвѣчалъ Донкихотъ.

Священникъ удивился и, недоумѣвая, переспросилъ:

— Какъ это?

— Такъ; очень просто: твое счастье, что я боленъ и не могу дать тебѣ затренины, а бери свой треухъ и уходи поскорѣй отъ меня вонъ, потому что ты хуже всѣхъ.

И онъ ему съ значительнымъ самообладаніемъ разъяснилъ, почему онъ хуже всѣхъ.

— Всѣ,—сказалъ онъ:—меня не понимаютъ, и прямо такъ и говорятъ, что не понимаютъ, а ты вызвался понять и сказалъ мнѣ всѣхъ хуже. Прощай!

Священникъ поднялся и пошелъ къ двери.

— Однако же постой!—вернулъ его Донкихотъ. — Сними мнѣ съ колка мою куртку.

Тотъ безгнѣвно возвратился и исполнилъ требуемое.

Рогожинъ порылся въ карманахъ, досталъ изъ одного изъ нихъ обширный кожаный кошелекъ съ деньгами и, позвякавъ бывшими тамъ двумя серебряными цѣлковыми, подалъ одинъ изъ нихъ гостю.

— Возьми это и не обижайся—глупость не вина.

Тотъ принялъ и деньги, и извиненіе.

— И вотъ еще что... Истина, добро и красота... Но тебѣ и это не понять... Пожалуйста не говори, что поймешь, а то я разсержусь. Проще объясню: разумъ, воля и влеченіе, только нѣтъ... ты опять и этакъ не поймешь. Еще проще: голова, сердце и желудокъ, вотъ тройка!

И онъ поѣхалъ на этой тройкѣ, пространно объясняя, какъ тутъ каждый нуженъ другъ другу и всякому есть свое дѣло, для того, чтобы весь человѣкъ былъ здоровъ умомъ, духомъ и тѣломъ.

— Опять тройка! понять? Или лучше молчи и слушай: ты сказалъ государь... это такъ,—голова, она должна умѣть думать. Кормить все—желудокъ. Этотъ желудокъ — народъ, онъ кормитъ; а сердце кто? Сердце это просвѣщенный классъ, — это дворянинъ, вотъ кто сердце. Понимаешь ли

ты, что безъ просвѣщенія быть нельзя! Теперь иди домой и все это разбери, что тебѣ открылъ настоящій дворянинъ, котораго пополамъ перервать можно, а вывернуть нельзя. Брысь!.. Не позволю! Въ моемъ умѣ и въ душѣ одинъ Богъ воленъ.

И прочитавъ эту лекцію, дворянинъ, котораго можно перервать, но нельзя вывернуть, впалъ въ такое горячее безпамятство, что мужики должны были смѣнить выбившагося при немъ изъ силъ Зинку и учредили при Рогожинѣ бабій присмотръ, такъ какъ уходъ за больнымъ сердцу женщины ближе и естественнѣе.

Донкихоть долго пролежалъ безъ сознанія и когда пришелъ въ себя, то очень удивился.

Все окружающее его глядѣло чрезвычайно пріятно, свѣтелка его была убрана, на самомъ на немъ была чистая мужичья рубашка, у изголовья стояла на столѣ золоченая лукомъ деревянная чаша съ прозрачною, какъ хрусталь, чистою водою, а за образникомъ была заткнута вѣтвь свѣжей вербы.

Но это еще было не все, то былъ сюрпризъ для глазъ, а былъ еще сюрпризъ и для слуха. Рогожину стало сдаваться, что невдалекѣ за его теменемъ что-то рокочетъ, какъ будто кто по одному мѣсту ѣздитъ и подталкиваетъ.

«Что это?»—подумалъ Донкихоть и хотѣлъ оглянуться, но у него не оказалось къ тому никакихъ силъ.

Экое горе! Вотъ бы позвать, да никого нѣтъ въ избѣ. Котъ одинъ ходитъ прямо предъ нимъ по припечку и лапой съ горшка какую-то холщевую покрывку тянетъ. Хорошо лапкой работаетъ!

И Донкихоть, давно ничего не видавшій глазами, засмотрѣлся на кота и не замѣтилъ, какъ тотъ мало-по-малу подвигалъ горшокъ къ краю и вдругъ хлопъ... Горшокъ полетѣлъ объ полъ, а сѣрый бѣдокуръ проворными скачками ускакалъ за трубу... Но Рогожину некогда было слѣдить за проказникомъ, потому что при первомъ громѣ, произведенномъ паденіемъ разбившейся посуды, чистый, звонкій, молодой голосъ крикнулъ: «брысь!» и занимавшій нѣсколько минутъ назадъ больного рокотъ за его головою тотчасъ же прекратился, а къ печкѣ подбѣжала молодая сильная дѣвушка въ красной юбкѣ и въ бѣлой, какъ кипень, рубахѣ съ шитымъ ошлепемъ.

Она всплеснула надъ разбитымъ горшкомъ руками и, быстро присѣвъ на корточки, стала бережно подбирать въ передникъ черепья.

Во все это время она держалась къ Донкихоту спиной, и онъ только могъ любоваться на ея сильный и стройный станъ и черную, какъ смоль, косу, которая упала на полъ тяжелою плетью и какъ змѣя вилась съ каждымъ движеніемъ дѣвушки.

Рогожину показалось, что онъ никогда не видалъ такого свѣжаго и здороваго молодого женскаго тѣла, и онъ ждалъ, пока дѣвушка кончитъ уборку и обернется къ нему лицомъ. А она вотъ забрала съ полу послѣдніе черепки и обротилась... Фу, ты, Господи, да что же это за роскошь!

Вѣдь, вправду, мало сказать, что есть женщины, которыя хороши и прекрасны, а надо сознаться такъ, что есть и такія, которыя какъ на грѣхъ созданы. Вотъ эта и была изъ такихъ.

Какъ она обернулась и мимоходомъ повела глазами на Донкихота, такъ онъ и намагнетизировался. Та смотреть на него, потому что видитъ его смотрящимъ въ первый разъ послѣ долгаго безпамятства, а онъ отъ нея глазъ оторвать не можетъ. Глаза большіе, изсѣра - темные подъ черною бровью дужкою, лицо горитъ жизнью, зубы словно перль, зерно къ зерну низаны, сочныя алыя губы полуоткрыты, шея башенкой, на плечахъ—эполетъ клади, а могучая грудь какъ корабль волной перекачиваетъ.

Больной дворянинъ былъ сраженъ этой красотой, и по немощи сразу влюбился. Онъ только хотѣлъ удостовѣриться, что это не грѣза, не сонъ, что это живая дѣвушка, а что она крестьянка, а онъ дворянинъ—это ничего... законы осуждаютъ, а сердце любить.

Рогожинъ попробовалъ улыбнуться и слабо выговорилъ:

— Умница!

— Что тебѣ, баринъ? иль полегчило?—сказала дѣвушка, и сама, улыгнувшись отъ доброжелательства, все вокругъ себя какъ солнцемъ освѣтила.

Больной молчалъ.

— Что тебя, поправить, что ли?

И, не дожидаясь отвѣта, она подвела ему подъ плечи круглую упругую руку и, поправляя другою рукою его изголовье, держала во все это время его голову у своей груди.

Запахъ молодого, здороваго тѣла, смѣшанный съ запахомъ чистаго, но въ дымной избѣ выкатаннаго бѣлья, проникъ черезъ обоняніе Рогожина во всю его кровь и животворною теплою разбѣжался по нервамъ.

— Кто ты?—произнесъ Донкихотъ.

— Дѣвка.

— А какъ тебя звать?

— Аксюткой звать.

— Аксиньей... Ксенія!

Онъ произнесъ это имя и къ нему прислушался. Ему показалось, что оно очень хорошо звучитъ.

— Что ты тутъ дѣлала?

— Я-то? Тебя стерегла...

— Чего?

— Когда ты померешь.

— Помру?.. вона!

— А что жъ?

— Я теперь жить хочу, Ксенія.

— Жить?.. да что же, для чего тебѣ не жить? Хлѣбъ есть. Живи!

И она посмотрѣла въ его вперенные въ нее глаза и проговорила:

— Или тебя еще поправить?

— Поправь.

И опять это прикосновеніе руки и опять олипаетъ свѣжій ароматъ легкой смолистой задыми и молодого тѣла.

— Будетъ,—прошептала Донкихотъ:—будетъ: хорошо мнѣ. Только вотъ что...

— Что еще?

— Сядь ко мнѣ такъ, чтобъ я тебя видѣлъ.

— Гдѣ сѣсть? тутотка?.. хорошо, сяду.

И она зашла*ему за-головы и опять появилась съ допцемъ, гребнемъ и размалеванною прялкою: сѣла, утвердила гребень въ гнѣздѣ донца, поставила ногу въ черевичкѣ на привертокъ и, посунувъ колесо, пустила прялку.

Опять мѣрная музыка заиграла тѣмъ же рокотомъ, а сама чародѣйка сидитъ, работаетъ и ни слова.

— Скажи мнѣ что-нибудь,—попросилъ Донкихотъ.

— Про что тебѣ рассказать? Я ничего не знаю.

— Про что ты думаешь?

— Вонъ котъ горшокъ разбилъ!

— А что тамъ было въ горшкѣ?

— Тѣсто было... калину парили.

— На что она?

— Дѣвкамъ лизать.

Донкихоть нахмурился и спросилъ:

— Про какихъ ты дѣвокъ говоришь?

— Про нашихъ, про рогожинскихъ,—мы вѣдь на смѣну при тебѣ сидѣть ходимъ. Вотъ Танька уже бѣжить, она сейчасъ на меня заругается, что не углядѣла. Прощай, баринъ, оздоравливай.

И прежде чѣмъ Рогожинъ успѣлъ ей отвѣтить, она собрала всю свою рабочую снасть и, столкнувшись на порогѣ съ пришедшею ей на смѣну другою дѣвушкою, выбѣжала.

Пришедшая не выдерживала ни малѣйшаго сравненія съ удалявшеюся. Рогожинъ не хотѣлъ и смотрѣлъ на эту. Онъ опять спалъ и поправлялся, но Богъ его знаетъ на какихъ тройкахъ ѣздилъ онъ виросонкахъ: кажется, что онъ теперь на время позабылъ о добрѣ и истинѣ, и несъ уже дань одной красотѣ.

Но на его несчастье дѣла его шли такъ худо, что ее-то, эту чудную Ксенію, онъ никакъ болѣе и не видалъ. Какъ онъ ни проснется, все сидитъ возлѣ него женщина да не та, а спросить ему казалось неловко и совѣстно. Развѣ ее похвалить за красу? Но какъ же это могъ себѣ позволить благородный и начитанный дворянинъ?

Вѣдь онъ зналъ, что по рыцарскимъ обычаямъ и хвалить дѣвушку безъ ея согласія воспрещалось, а Ксенія не давала ему согласія ее хвалить. И еще что объ этихъ похвалахъ подумаютъ?

А хороша Ксенія, очень хороша!

Онъ рѣшился молчать.

Но вотъ приходитъ разъ мужикъ Архаръ, онъ былъ въ хугорѣ въ родѣ старосты, и говоритъ:

— Баринъ, а баринъ!

— Что тебѣ?—отвѣчала Донкихоть.

— А дѣвка-то Аксютка баяла, что ты съ нею баловалъ...

— Ну, еще что скажи!

— А по что же ты съ другими, кои ходятъ, ничего не балакаешь?

— А тебѣ что за дѣло?

— Такое дѣло, что она изъ моего двора, такъ если она тебѣ противъ другихъ больше по обычаю, такъ чего на нее смотрѣть-то! мы одну къ тебѣ посылать станемъ сидѣть: пускай она, дурища, тебѣ угождаетъ.

— Это ты про свою родную дочь такъ-то?

— Какая она мнѣ дочь!

— Ну такъ падчерица: все равно, зачѣмъ ее душой называть?

— Она мнѣ и не падчерица.

— Ну племянница, что ли... Эго все равно.

— И того совсѣмъ не было.

— Кто же она?.. такъ... чужая... приемышъ, что ли? А?.. что?.. приемышъ?

Сердце дворянина то замирало, то учащенно билось отъ необыкновеннаго предчувствія, а староста Архаръ отвѣчалъ:

— Аксютка-та?.. да она и не приемышъ, а такъ... позабытая... богданка.

— Богданка?

— Да; она не нашенская, сирота будетъ... безродная.

— Гдѣ же ты ее взялъ?

— Чего взялъ, сами родители къ намъ на село привезли. О французовой порѣ можайскіе дворянчики все черезъ наши края бѣгивали, и тутъ тоже пара ихъ бѣгла, да споткнулись оба у насъ и померли, а сиротинку бросили.

— Дворянка! Такъ какъ же ты говоришь, что она безродная! Продолжай! не останавливайся... продолжай!

— Она была тогда махонькая, и глазки у нея болѣли: рассказать ничего не умѣла!..

— Ну!

— Мы ее хотѣли къ засѣдателю, а засѣдатель отъ страсти самъ бѣжалъ. Мужики и говорятъ: «намъ, Архаръ Иванычъ, ее куда же? такую лядашенькую; а ты, братъ, промежъ насъ наибольший, ты староста—ты и бери».

— Ты и взялъ?

— Да вѣдь что съ лихомъ подѣлаешь: не въ колодець ее было сунуть: взялъ.

— И это она и есть?

— Она самая.

— Можайская дворянка?

— Да такъ у нея въ бумагахъ написано.

— Кто читаль?

— Попъ читаль, когда ее родителей хоронилъ.

— Покажи мнѣ сейчасъ эти бумаги!

Архарь отправился къ попу, а Рогожинъ, сверхъ всякаго ожиданія, въ одну минуту одѣлся и, войдя шатающимися отъ слабости ногами въ избу Архара, прямо держась рукою стѣны, пропелъ въ уголь, гдѣ сидѣла за своею прялкой его Дульцинея, и, поддержанный ея рукою, сѣлъ возлѣ нея и проговорилъ:

— Мы будемъ вмѣстѣ ждать рѣшенія нашей судьбы!

Та ничего не поняла, но Архарь принесъ бумаги, и Рогожинъ, взглянувъ въ нихъ, зардѣлся радостію и воскликнулъ:

— Ксенія Матвѣвна, вы дворянка! Вы дворянка, и предъ лицомъ земли и неба клянусь, что я васъ люблю и прошу васъ быть моею женой.

Дѣвушка смутилась и, заслонясь рукавомъ, ничего не отвѣчала. Донкихоть принялъ это за скромность и обратился къ крестьянамъ:

— Съ этихъ поръ,—сказалъ онъ:—я подъ всякимъ страхомъ запрещаю звать ее Аксюткой. Черезъ день она будетъ моя жена, а ваша госпожа Аксинія Матвѣвна.

Мужики почесались и отвѣчали:

— Ну, Аксинья, такъ и Аксинья.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Рогожинъ свертѣлъ скоропостижную свадьбу и справлялъ необыкновенный медовый мѣсяцъ. Женился по живости своей и благородству восторженной фантазіи безо всякаго обстоятельнаго освѣдомленія о характерѣ и другихъ свойствахъ своей жены, онъ даже не замѣтилъ, что не имѣлъ отъ нея опредѣленнаго отвѣта: любить ли она его, или, по крайней мѣрѣ, не любить ли кого-нибудь другого? Онъ прямо женился — исторгъ закинутую въ грубую крестьянскую семью родовую дворянку, реставрировалъ ее въ своемъ званіи и тѣмъ исполнилъ долгъ совѣсти и потребности пылавшаго въ немъ чувства къ красавицѣ. Остальное его не касалось, да и что тамъ еще могло быть остальное? Какіе-нибудь совершенные пустяки. Онъ все это исчерпалъ менѣе, чѣмъ въ одинъ свой медовый мѣсяцъ.

Весна любви Донкихота шла объ руку съ весною жизни природы, и потому въ соломенномъ дворцѣ было тепло, и свѣтло, и для двухъ просторно. Когда молодая жена Рогожина утромъ убирала жильё, онъ выходилъ на крыльцо и, сѣвъ на порогъ, читалъ одинъ изъ своихъ фоліантовъ; затѣмъ онъ самъ ставилъ ей самоваръ; самъ наливалъ для нея чай и непременно требовалъ, чтобы она сидѣла, а онъ подносилъ ей налитую чашку на широкой книгѣ, замѣнявшей ему въ этой церемоніи подносъ. Потомъ счастливые супруги вмѣстѣ варили обѣдъ и, наконецъ, выходили вдвоемъ испить блаженство мечты въ садикъ, гдѣ Рогожинъ, среди двухъ березъ и рябины, своими руками устроилъ, на низкой лужайкѣ, скамью изъ дощечекъ. Здѣсь онъ садился самъ и, усадивъ рядомъ съ собою жену, обнималъ рукой ея станъ и начиналъ ей съ восторгомъ и декламациею говорить о Богѣ, о просвѣщеніи и о святой независимости доброй совѣсти и доброй воли.

Онъ совершенно забывалъ, что жена его не знаетъ грамотѣ, что она выросла въ крестьянской избѣ и ей доступенъ изъ трехъ извѣстныхъ ему регистровъ только самый низшій, вседневный.

— Какъ я увидѣлъ тебя и какъ полюбилъ, — говорилъ онъ, держа одною рукой ея руку, а другою обвивая ея сильный, роскошнѣйшій станъ, — ты слушай, какъ я тебя увидѣлъ, въ моемъ сердцѣ сейчасъ же послышался голосъ, что я съ тобою буду счастливъ.

Та, заслышавъ эти всякій день повторявшіяся признанія, тихо зѣвала и жалась вискомъ къ плечу мужа, а онъ въ своемъ бредѣ влюбленномъ шепталъ:

— Ты послушай, послушай, что я тебѣ расскажу: ты знаешь, давно былъ герой Ярль Торгниръ?.. Нѣтъ, ты не знаешь... Ну, ничего: онъ жилъ отъ насъ за моремъ, въ странахъ скандинавскихъ... Да, и у него была жена... Прекрасная жена... Онъ ее очень любилъ, и жить безъ нея не могъ... вотъ все равно, какъ я безъ тебя. Ну, похоронивъ ее, онъ и сталъ о ней тосковать. Всякій день приходилъ онъ рыдать къ ней на могилу... Вотъ онъ разъ такъ сидитъ на могилѣ, а надъ нимъ летитъ ласточка, — вотъ точно така, какъ теперь передъ нами... Погляди, моя милая, какъ она вьется!.. Ярль Торгниръ взглянулъ на нее и со слезами послалъ птичкѣ слово: «утѣшь меня,

добрая птичка!» И ласточка крылья сложила и, надъ его головой пролетѣвъ, уронила ему русый волосъ... золотой, какъ горячій янтарь, волосокъ, а длиной въ цѣлый ростъ человѣка... Ярль Торгнирь взялъ волосъ и по тонинѣ его понялъ, что высокаго рода была та дѣвица, съ головки которой упалъ этотъ волосъ... И влюбился Ярль Торгнирь по тому волоску въ княжну Ингигерду, поѣхалъ и отыскалъ ее на Руси, какъ и я отыскалъ тебя... тоже случайно... и, въ объятіяхъ сжавъ ее, такъ же какъ я здѣсь тебя обнимаю, былъ счастливъ.

Произнося этотъ монологъ съ глазами, вперенными въ небо, Рогожинъ былъ, дѣйствительно, счастливъ и все крѣпче и крѣпче обнималъ свою подругу и, наконецъ, переводя на нее въ концѣ свой взглядъ, видѣлъ, что она сладко спитъ у него на плечѣ. Онъ сейчасъ же отворачивалъ тихо свою голову въ сторону и, скрутивъ трубочкой губы, страстно шепталъ:

— Душка! Она спитъ... Какъ она крѣпко спитъ!.. Какая совершеннѣйшая душка!

Донкихотъ не могъ взять на руки своей жены и перенести ее домой: онъ былъ еще слабъ отъ болѣзни, а она не слишкомъ портативна, но онъ зато неподвижно сидѣлъ все время, пока «душка» спала, и потомъ, при обнаруженіи ею первыхъ признаковъ пробужденія, переводилъ ее на постель, въ которой та досыпала свой первый сонъ, навѣянный бредомъ влюбленнаго мужа, а онъ все смотрѣлъ на нее, все любовался ея красотою, вѣроятно, воображая немножко самого себя Торгниромъ, а ее Ингигердой.

Однако, все это весьма естественно кончилось тѣмъ, что супруги къ исходу своего медоваго мѣсяца стали изрядно скучать, и Донкихотъ Рогожинъ велѣлъ Зинкѣ запрячь своихъ одровъ въ тарантасъ и поѣхалъ съ женою въ церковь къ обѣднѣ. Тутъ онъ налетѣлъ на извѣстный случай съ Грайвороной, когда бѣдный трубачъ, потерявъ рассудокъ, подошелъ къ иконостасу и, отлѣпивъ отъ мѣстной иконы свѣчу, началъ при свѣхъ закуривать предъ царскими вратами свою трубку.

Доримедонтъ Васильичъ видѣлъ, какъ Грайворону схватили и повлекли, и какъ сотни рукъ все стремились дать ему хоть одного пинка или затрещину. Въ общемъ, это выходило, по соображеніямъ Донкихота, для одного довольно

много, и онъ вступился. Онъ расправилъ свои руки и отбилъ Грайворону, а потомъ, крикнувъ: «Зинобей!», примчалъ отбитаго трубача въ Протозаново и снова скрылся на своихъ вихряхъ.

Жену свою онъ покинулъ въ церкви, и она возвратилась оттуда домой пѣшкомъ, вмѣстѣ съ бабами и мужиками, какъ хаживала будучи крестьянкою, и, вѣроятно, находила это отнюдь не непріятнымъ. Донкихоть же, тоже прогулявшись, хватилъ старины, отъ которой чуть не отвыкъ, обабившись: и онъ, и Зинка замѣтили, что когда они ѣхали въ церковь съ «барыней Аксюткой» (такъ ее звали крестьяне), то даже лошади шли понуро и самъ тарантасъ все бочилъ на лѣвую сторону, гдѣ сидѣла крѣпко-тѣлая Ингигерда; но когда Донкихоть, сразившись и отбивъ Грайворону, крикнулъ: «Зинобей!» — все сразу измѣнилось: одры запряли ушми и полетѣли, тарантасъ запрыгаль какъ скорлупочка по вѣтру, и сами Зинка и его баринъ вздохнули родною жизнью.

Зинка до того всѣмъ этимъ увлекся, что, опьянѣвъ отъ удовольствія на обратномъ пути, сказалъ Донкихоту:

— Эхъ, отецъ, бросимъ бабъ!

Рогожинъ отвѣчалъ ему на это пинкомъ въ спину, но не сердился. Зинка понялъ, что баринъ въ душѣ съ нимъ согласенъ и что доброе, старое кочевое время возвращается.

Бабушку въ этотъ свой первый прїѣздъ въ Протозаново нашъ чудакъ не видалъ: они, конечно, знали нѣчто другъ о другѣ по слухамъ, но свидѣться имъ не приходилось. Въ этотъ разъ бабушкѣ тоже было не до свиданія съ гостемъ, потому что княгиня занялась больнымъ и даже не имѣла времени обстоятельно вникнуть, кѣмъ онъ спасенъ и доставленъ. Но зато, похоронивъ Грайворону, она сію же минуту откомандировала Патрикѣя къ Рогожину отблагодарить его и просить къ княгинѣ погостить и хлѣба-соли откушать.

Донкихоть отвѣчалъ согласіемъ. Ему это вниманіе, какъ видно, понравилось, и онъ на другой же день крикнулъ: «Зинобей!» и явился въ Протозановѣ.

Сойдясь лицомъ къ лицу съ бабушкой, они оба, кажется, были другъ другомъ немножко поражены и долго молчали. Бабушка, однако, первая перервала эту паузу и сказала:

— Вотъ ты какой!

— Да,—отвѣчалъ Рогожинъ:—вотъ этакой, я весь тутъ.

— Не грузень, а все воуешь.

— Да, на соколѣ мяса немного, на тетерѣ его больше бываетъ.

— Это ты что же... меня, что ли, тетерей зовешь?

— Нѣтъ, я это просто такъ къ слову.

— Просто къ слову, такъ садись до обѣда и скажи мнѣ, пожалуй, что такая за притча, что я тебя ни разу не видала. Столько времени здѣсь живу и, кажется, всѣхъ у себя перевидала, а тебя не видала. Слышу ото всѣхъ, что живетъ воинъ галицкій, то тутъ, то тамъ является защитникомъ, а за меня, за вдову, ни разу и заступиться не приѣхалъ... Иль чѣмъ прогнѣвала? Такъ въ чемъ засталъ, въ томъ и суди.

— Что мнѣ судить?—коротко отвѣтилъ Рогожинъ:—дѣла не было, такъ оттого и не ѣхалъ.

— А такъ безъ дѣла развѣ нельзя, или грѣхъ по-сосѣдски повидаться?

— Да что же... по-сосѣдски... Какіе мы сосѣди? Я бѣдный дворянинъ, а вы богатая княгиня, совсѣмъ не пара, и я не зналъ, какъ вы это примете,—а я гордъ.

— Господи мой! да довольно того—сосѣдъ и дворянинъ, а ты еще съ достоинствомъ носишь свое званіе, чего же еще нужно?

— Да, я дворянинъ какъ надо, меня перервать можно, а вывернуть нельзя.

— Молодецъ!

Они подружились, и когда гость уѣзжалъ, княгиня у него освѣдомилась:

— Ты вѣдь женатъ?

— Женатъ.

— Такъ не обидься, пожалуйста, я тебя въ бричку сослала шелковый отрѣзъ на платье... Не тебя, понимаешь, а женѣ твоей... на память и въ благодарность, что пѣшкомъ шла, когда ты мнѣ трубача привезъ,—добавила княгиня, видя, что гость началъ какъ-то необыкновенно отдуваться и хлопать себя пальцемъ по лѣвой ноздрѣ.

— Гм! женѣ... Ну, пускай такъ будетъ этотъ разъ на память!—позволилъ Донкихоть:—но только... впередъ этого больше не надо.

И онъ потомъ, сдѣлавшись короткимъ и близкимъ прія-

телемъ въ домѣ княгини, никогда не принималъ себѣ отъ нея ничего, ни въ видѣ займа, ни въ видѣ подарка. Какъ съ нимъ ни хитрили, чтобъ обновить его костюмъ, или помочь упряжной сбруишкой, — не рѣшались ни къ чему приступить, потому что чувствовали, что его взаправду скорѣе перервешь, чѣмъ вывернешь. Отъ бабушки принимали пособіе всѣ, но Донкихоть никогда и ничего рѣшительно, и княгиня высоко цѣнила въ немъ эту черту.

— Тутъ уже не по грамотѣ, а на дѣлѣ дворянинъ, — говорила она своимъ близкимъ: — богатъ какъ церковная мышь, ѣсть нечего, а въ мучной амбаръ саломъ не сманишь: «перервешь, а не выворотишь».

Эти слова Рогожина въ присловье пошли, а самъ онъ тутъ свою кличку получилъ. Бабушка сказала ему:

— Какой ты Доримедонтъ Рогожинъ, ты Донкихоть Рогожинъ!

А онъ отвѣчалъ:

— Я бы счастливъ былъ, но только не въ томъ мѣстѣ родился.

Прозваніе ему, однако, нравилось.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ этой же своей поѣздки къ бабушкѣ, Донкихоть сразу махнулъ рукой на свою семейную жизнь.

— Его точно песья муха у меня укусила, — рассказывала бабушка: — такъ отъ меня и побѣжалъ на своихъ одрахъ странствовать, и подарокъ мой женѣ насилу къ Рождеству привезъ. И гдѣ онъ въ это время былъ? — ничего не извѣстно. Слышали только, что тамъ чиновникъ по дорогѣ встрѣчный обозъ въ грязь гвалъ, на него кто-то налетѣлъ, накричалъ, кнутомъ нахлесталъ и уѣхалъ... По рассказамъ соображаемъ — это нашъ Донкихоть; тамъ офицера на ярмаркѣ проучилъ; тамъ жаднаго попа прибилъ; тутъ злую помѣщицу въ мѣшкѣ въ поле вывезъ, — все Донкихоть, все онъ, нашъ соколъ безъ мяса. Къ концу года, гляжу, ко мнѣ и возвращается: «Дома, говорить, — день пробылъ и женѣ гостинецъ отдалъ, а жить мнѣ у себя нельзя: полиція ищетъ, подъ судъ берутъ».

О домѣ своемъ онъ и не имѣлъ никакихъ заботъ: всѣмъ хозяйствомъ правила «барыня Аксютка»; она продавала заѣзжимъ прасоламъ овецъ и яловицъ, пеньку, холстъ и посконъ и заливала съ ними продажныя сдѣлки чайкомъ

«съ подливочкой», и въ той пріятной жизни полиѣла и была счастлива.

Впрочемъ, о «барынѣ Аксюткѣ» знали очень мало и никогда о ней въ бабушкиномъ обществѣ не говорили и Донкихота о ней не спрашивали, за что онъ, вѣроятно, и былъ очень благодаренъ.

Бабушка находила въ Рогожинѣ очень много прекраснаго и, разумѣется, пріобщила его къ своей коллекціи, но въ обстоятельства его семейной жизни не входила. Она знала только одно, что онъ *«женатъ глумо»*, и больше ничего знать не хотѣла.

Время свое Доримедомъ Васильичъ препровождалъ самымъ страннымъ и невозможнымъ образомъ: когда ему не угрожалъ судъ, онъ исчезалъ на своихъ одахъ и гдѣ-то странствовалъ, и потомъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, являлся въ Протозаново.

Бабушка знала, что это значить, и обыкновенно всегда встрѣчала его однимъ вопросомъ:

— Что, батюшка мой, вѣрно, опять побѣдилъ какого-нибудь врага?

— Ну, такъ что жъ!—отвѣчалъ односложно Донкихоть.

— Ничего: тебѣ, добру-молодцу, исполать и ползай теперь скорѣй на полатъ да получше прятаться.

— А меня здѣсь не замѣтятъ?

— Ну, гдѣ тебя замѣтитъ, ты все равно что пось на жидовской рождѣ незамѣтень.

Рогожинъ успокаивался и жилъ во флигеляхъ у княгини, ночуя нерѣдко въ одной комнатѣ съ исправникомъ и сяди съ нимъ рядомъ за обѣденнымъ столомъ.

Времена и нравы теперь такъ переиначились, что это многимъ, вѣроятно, покажется совершенно невѣроятнымъ, но это было именно такъ, какъ я рассказываю. Въ домъ княгини Варвары Никаноровны *нельзя* было пріѣхать съ выемкой. Выборному исправнику, да и никому другому ничто подобное никогда и въ голову не могло прійти. Благодаря такому сочетанію обстоятельствъ, Донкихоть преспокойно жилъ въ Протозановѣ и въ долгіе зимніе вечера служилъ бабушкиному обществу интересною книгой. Онъ развлекалъ всѣхъ своими рассказами, имѣвшими всегда своимъ предметомъ рыцарское благородство и носившими на себѣ особый отпечатокъ его взглядовъ и сужденій. Ро-

гожинъ не любилъ ничего говорить о себѣ и, вѣроятно, считалъ себя мелочью, но онъ, напримѣръ, живообразно повѣствовалъ о честности князя Ѳедора Юрьича Ромодановскаго, какъ тотъ страшныя богатства царя Алексѣя Михайловича, о которыхъ никто не зналъ, спряталъ и потомъ, во время турецкой войны, Петру отдалъ; какъ князю Ивану Андреевичу Хованскому-Тарурую съ сыномъ головы рубили въ Воздвиженскомъ; какъ у князя Василя Голицына роскошь шла до того, что дворецъ былъ мѣдью крытъ, а червонцы и серебро въ погребахъ были ссыпаны, а потомъ родной внукъ его, Михайло Алексѣичъ, при Аннѣ Ивановнѣ шуткомъ состоялъ, за ея собакой ходилъ и за то при Бѣлгородскомъ мирѣ тремя тысячами жалованъ, и въ посмѣяніе «Квасникомъ» звался, и свадьба его съ Авдотьей-калмычкой въ Ледяномъ домѣ справлялась... Какъ Салтыковы ополячились; какъ Василій Нарышкинъ съ артиллеріею и пѣхотою богача Сибирякова домъ осадилъ и силою у него пять тысячъ рублей вымогнулъ, а потомъ въ томъ же дому у него безъ совѣсти бражничалъ. А князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій даже со столовъ при карточной игрѣ у Разумовскаго деньги воровалъ.

Всѣ гости слушали эти разсказы и словно переживали все, что излагалъ предъ ними Рогожинъ, и «страхомъ огораживались» отъ ужасавшаго ихъ захуданія рода, которое, вѣроятно, и тогда уже предвидѣлось.

По крайней мѣрѣ бабушка, по своей безбоязненности смотрѣтъ впередъ, и тогда уже объ этомъ говорила.

Все это были бесѣды безконечныя, но не безплодныя, и въ нихъ коротались дни, а когда Донкихоть вдругъ исчезалъ, эти живыя бесѣды обрывались, и тогда всѣ чувствовали живой недостатокъ въ Рогожинѣ. Возвращался онъ, и съ нимъ въ Протозаново возвращалось веселье. Приѣзжалъ ли онъ избитый и израненный, чтѣ съ нимъ случалось нерѣдко, онъ все равно нимало не измѣнялся и точно такъ же читалъ на память повѣсть чьего-нибудь славнаго дворянскаго рода и пугалъ другихъ захуданіемъ, или декламировалъ что-нибудь изъ рыцарскихъ балладъ, которыхъ много зналъ на память.

Въ то время, когда бабушка ожидала къ себѣ петербургскаго графа Функендорфа, Рогожинъ находился на лицѣ въ Протозановѣ: онъ только-что возвратился откуда-то послѣ жестокой битвы, въ которой потерялъ глазъ.

— Батюшка мой, какъ тебя обработали!—произнесла, увидавъ его, бабушка.—Ты, вѣдь, теперь кривой останешься?

— Да ничего... одинъ глазъ цѣлый остался, — отвѣчалъ Рогожинъ, и больше ничего не рассказывалъ; но люди черезъ Зинку разузнали, что было побойше страшное, что Донкихотъ гдѣ-то далеко «съ цѣлымъ народомъ дрался».

Вся исторія, сколько помню, состояла въ томъ, что гдѣ-то на дорогѣ у какой-то дамы въ каретѣ сломалось дышло; мужики за это деревцо запросили двадцать рублей и безъ того не выпускали барыню вонъ изъ деревни. Донкихотъ попалъ на эту исторію и сначала держалъ къ мужикамъ внушительную рѣчь, а потомъ, видя безсиліе словъ, вскочилъ въ свой тарантасъ и закричалъ:

— Зинобей! Зинка, бей! бей! бей! Зинобей!

Зинка подобралъ вожжи и въ свою очередь завизжалъ:

— Эхъ вы, караси! ну-ка-си! помахивай-ка-си!

И одры разлетѣлись, сдѣлали съ горы кругъ; за ними закурило и замело облако пыли, и въ этомъ облакѣ, стоя на ногахъ посреди тарантаса, явился Рогожинъ въ своей курткѣ съ развѣвающимся по вѣтру широкимъ монашескимъ плащомъ. Все это какъ воздушный корабль врѣзалось и тутъ и гикъ, и свистъ, и крикъ «бей», и хлопанье кнута и, однимъ словомъ, истребленіе народовъ!

Люди сидѣвшей въ каретѣ дамы, воспользовавшись этою сумятицею, скорѣе по лошадямъ и ускакали, а мужики вдругъ сообразили, что Донкихотъ одинъ, а ихъ много, и приняли его въ передѣлку. Обоихъ путниковъ страшно избили, и они, по показанію Зинки, три дня валялись возлѣ рѣчки на лугу за горою. Пансо былъ избитъ совершенно понапрасну: слушая призывъ «бей! Зинка, бей!» онъ все-таки никогда никого не билъ и въ этомъ дѣлѣ тоже оставался ни предъ кѣмъ неповиннымъ. Мужики этого ничего не разбирали и отъ нихъ досталось даже и конямъ Донкихота, которыхъ изувѣчили, и тарантасу, въ которомъ изломали колесо и украли изъ него желѣзный шкворень.

Несчастные Богъ вѣсть какъ собрались съ силами, вымыли у рѣчки опустѣвшую орбиту выбитаго глаза Донкихота, подвязали изорванныя мочалы упряжи и на трехъ колесахъ, при содѣйствіи деревяннаго шкворня, дотащились до Протозанова, гдѣ въ незамѣтности остались ожидать, не стануть ли ихъ разыскивать.

Мужики, съ которыми происходилъ этотъ послѣдній бой, были, однако, не изъ сутяжливыхъ: они, покончивъ дѣло своею расправой, ничего болѣе не искали, и Донкихоть, успокоясь на этотъ счетъ и поправаясь въ силахъ и здоровьи, теперь опять уже расправлялъ свои крылья и, нося руки фертромъ, водилъ во всѣ стороны носомъ по воздуху, чтобы почуять: не несетъ ли откуда-нибудь обидою, за которую ему съ кѣмъ-нибудь надо перевѣдаться.

Въ это-то самое время у бабушкинаго крыльца и застучали колеса кареты петербургскаго графа.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Княгиня обѣдала по-деревенски, довольно рано, въ два часа. Не измѣняя для архіерея своего мѣста въ церкви, она, разумѣется, не нарушала и порядковъ своего дома ни для какого гостя. Званный гость ожидался сверхъ положенія четверть часа, и если онъ въ теченіе этой четверти часа не пріѣзжалъ, то столъ начинался. Гость, опоздавшій и пріѣхавшій во время обѣда, имѣлъ неудовольствіе получать всѣ блюда сначала и видѣть какъ всѣ ради его одного сидятъ и ожидаютъ, пока онъ вступитъ въ очередь. Это было ему наказаніе за неаккуратность.

Губернатору и графу Функендорфу угрожало то же самое: въ залѣ пробило уже два часа, а они еще не жаловали. Обладавшіе аппетитомъ гости напрасно похаживали около оконъ и посматривали на открытую дорогу, на которой долженъ былъ показаться экипажъ, — однако, его не было. Проходила уже и отсроченная четверть часа, и княгиня готовилась приветать и подать руку Рогожину, который имѣлъ привилегію водить бабушку къ столу, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: «фдутъ!»

Всѣ сунулись къ окнамъ, разумѣется всѣ, кромѣ княгини: бабушка, конечно, не тронулась; она сидѣла въ углу дивана за круглымъ столомъ и удержала при себѣ Марью Николаевну. Любопытство княгини ограничивалось только тѣмъ, что она со своего мѣста спросила глядѣвшихъ въ окно:

— Какъ они?

Ей отвѣчали:

— Въ четверомѣстной каретѣ, ваше сіятельство.

— Гм!.. въ четверомѣстной?

— Да-съ, четверомѣстной, ваше сіятельство.

— Гм!.. Патрикѣй, слышишь! сообрази сервизъ.

Патрикѣй поклонился и вышелъ прибавить сервиза; а въ это время съ наблюдательнаго поста, откуда видно было, какъ прїѣзжіе высаживались, поданъ голосъ, что прїѣзжихъ только трое, а не четверо, и всѣ мужчины.

— Кто же третій?.. молодой кто-нибудь?.. Вѣрно, секретарекъ при немъ?

— Нѣтъ-съ, не секретарекъ, а это... это Иванъ Петровичъ Павлыганьевъ.

Бабушка наморщила лобъ и переспросила:

— Кто-о?

— Павлыганьевъ!.. предводитель Павлыганьевъ!..

— Быть этого не можетъ!

— Онъ-съ.

— Кто же у нихъ на передней лавкѣ сидѣлъ?

— Да онъ и сидѣлъ,—отвѣчалъ Донкихотъ.

— Что ты, батюшка, вздоръ говоришь.

— Нѣтъ-съ, не вздоръ, я самъ видѣлъ, какъ карету открыли!

И Рогожинъ круто повернулся на каблукъ и, сдѣлавъ княгинѣ гримасу и угоризненный жестъ рукою, прошипѣлъ съ пѣной у рта:

— А это все вы-съ!

— Ну, оставь это покамѣстъ,—отвѣчала бабушка, но Донкихотъ былъ не въ расположеніи оставлять и настойчиво продолжалъ:

— Вы его совѣтовали выбрать!

— Доримедонтъ Васильичъ, умилосердись же ради Бога! оставь! Я, такъ и я: вѣдь не прежде холмовъ я создана и могу ошибаться, но не время теперь объ этомъ говорить, когда люди входятъ.

Они, дѣйствительно, входили. Въ залъ уже слышались шаги и сухой, немножко недовольный кашель, очевидно исходившій отъ лица, которому желалось бы, чтобъ его встрѣтили.

Дьяконица Марья Николаевна уже начала присѣдать и подпрыгивать, а бабушка съ Донкихотомъ перекинулись послѣдними летучими фразами.

Она шептала:

— Бога ради, оставь!

А онъ отвѣчалъ:

— Ну, ужъ это извините-съ: не покорюсь!

— Пропшу тебя, Доримедонтъ Васильичъ!—и бабушка, не докончивъ послѣдней фразы, перевела глаза съ Донкихота на двери, въ которыя входили гусемъ: губернаторъ, за нимъ высокій, плотно выбритый бѣло-розовый графъ, съ орденскою звѣздой на фракѣ, и за нимъ опять послѣднимъ Павлыганьевъ.

При появленіи этой добродушной толстой фигуры Донкихотъ громко щелкнулъ каблуками и повернулся къ нему спиной... Бабушка теперь уже не могла усмирять расходившагося дворянина: она выслушивала, какъ губернаторъ презентовалъ ей заѣзжаго гостя, и потомъ какъ самъ гость, на особомъ французскомъ нарѣчьи, на которомъ говорятъ нѣмцы, сказалъ княгинѣ очень хитро обдуманное привѣтствіе съ комплиментами ея уму, сердцу и значенію.

Все это было не въ ея вкусѣ, но она смолчала и пригласила гостей присѣсть на минуту, а потомъ сейчасъ же почти встала и, подавъ руку графу, отправилась къ столу.

Въ этой спѣшности проминули всѣ опасности со стороны Марьи Николаевны, которая по этому случаю была очень счастлива и, подхвативъ подъ руку Донкихота, просила его:

— Батюшка, Доримедонтъ Васильичъ, усади ты меня, голубчикъ, такъ, чтобы меня не видно было, если онъ по-французски заговорить... А то я, ей-Богу, со страху «вуй» отвѣчу.

— Не бойтесь!—отвѣчалъ Рогожинъ, становясь съ Марьей Николаевной въ самую послѣднюю пару, и, усадивъ ее за столомъ ниже большой соли и заслонивъ своимъ локтемъ, добавилъ ей:

— Но если непременно захотите по-французски отвѣчать, то не забудьте, что надо сказать не просто «вуй», а «вуй, мусье».

— Это я выговорю,—отвѣтила, успокоясь, Марья Николаевна; но только оказалось, что все ея безпокойство было совсѣмъ напрасно: графъ былъ сильно занятъ разговоромъ съ княгинею, которая его слушала съ очевиднымъ вниманіемъ и, повидимому, не обращала ни на что болѣе вниманія. Но это только такъ казалось, потому что когда Рогожинъ спросилъ предводителя: не было ли ему безпокойно

ѣхать въ каретѣ на передней лавочкѣ, а тотъ ему отвѣтилъ, что это случилось по необходимости, потому что его экипажъ дорогою сломался, то княгиня послала Донкихоту взгляды, который тотъ долженъ былъ понять какъ укоризну за свое скорое сужденіе.

Обѣдъ кончился благополучно: гость былъ разговорчивъ; бабушка внимательно его слушала. Въ словахъ его для княгини было много любопытнаго, она опознавала по нимъ знаменія времени и духа общества въ столицѣ, въ которую снаряжалась. Вопросами дня тогда былъ чугуевскій бунтъ: казаки не хотѣли быть уланами и на всѣ дѣлаемые имъ убѣжденія отвѣчали, что они «воль правительства подчиняются, но своего желанія не имѣютъ». Изъ этого былъ сдѣланъ бунтъ. Газетъ тогда по деревнямъ мало получали, но о чугуевскомъ дѣлѣ въ Протозановѣ знали по слухамъ, и когда были новые слухи, ими особенно интересовались. Графъ же былъ близокъ къ источникамъ всѣхъ новостей и рассказалъ объ ужасахъ усмиренія, но не такъ подробно, какъ зналъ объ этомъ Рогожинъ и какъ онъ рассказалъ уже ранѣе. Бабушка это замѣтила и, почесавъ своимъ бѣлымъ пальцемъ лѣвую бровь, молвила:

— Мы какъ-то немножко иначе про это слышали.

— А какъ же вы слышали?

Княгиня посмотрѣла изъ-подъ руки на Донкихота и мягко проговорила:

— Говорятъ, Аракчеевъ съ Клейнмихелемъ изъ Харькова совсѣмъ безъ сердецъ прикатили...

— Знаете, ваше сіятельство... здѣсь нельзя было спрашивать сердце!

— Спрашивать сердце всегда и вездѣ должно.

— Это какъ судить...

— Какъ судить?... помилуйте: сорокъ гробовъ передъ экзекуціею на площади было поставлено... Развѣ это въ христіанской землѣ такъ можно?

Графъ молчалъ.

— А скажите: правда-ли, будто одна казачка, у которой двухъ сыновей на смерть засѣкли...

— Подвела внучатъ?

— Да, будто она еще подвела внучатъ?

— Правда: ужасное упорство!

— И такъ имъ и сказала: «учитесь, хлопцы, умирать какъ ваши батьки?»

— Этими самыми словами.

— И ее взяли? .

— Вѣроятно.

— А что съ нею сдѣлали?

— Этого, право, не знаю.

Бубушка задумалась и потомъ вздохнула и, во всю грудь положивъ на себя широкій крестъ, произнесла:

— Упокой Господи бѣдныхъ рабовъ твоихъ, а намъ прости какъ мы это сносимъ.

Графъ, повидимому, удивлялся: молитвенное воззваніе княгини его смущало: онъ, очевидно, недоумѣвалъ, коего духа эта странная вдова, а она продолжала:

— Грустно это, графъ... Безбожное дѣло сдѣлалось! люди были вѣрные, семь лѣтъ назадъ всѣ на видную смерть шли. Не избыть срама тѣмъ, кѣмъ не по истинѣ это дѣло государю представлено.

— Самъ графъ представлялъ.

— Аракчеева не сужу, но опасаясь, что чрезъ это неблагодарностью родину клепать стануть, а чрезъ то вѣрныхъ родъ ослабѣтъ, а лицемѣрные искательства возвысятся. Хотѣлось бы хвалить тѣхъ, кто у престола стоя правду говорить не разучился.

Графу это показалось положительно грубымъ и неумѣстнымъ, и онъ, отведя княгиню изъ-за стола на ея обычное мѣсто въ гостиной, хотѣлъ дать этому разговору другое направленіе. Онъ указалъ, что истинной вѣрности, какъ хочеть княгиня, можно ждать только отъ родовой аристократіи.

Бабушку это кольнуло: она терпѣть не могла этого новомоднаго тогда у насъ слова, подъ которымъ, по ея своеобразнымъ понятіемъ, пробирался въ русское общество самый пустой и вредный вздоръ, въ цѣляхъ достиженія котораго затѣвали маіораты.

— Что это за аристократія? Гдѣ эта аристократія? Никакой этой пустой затѣи у насъ въ Россіи не было и нѣтъ, да и быть не должно.

— Почему же вы такъ говорите?—спросилъ нѣсколько сконфуженный графъ.

— Говорю такъ потому, что такъ думаю, а думаю такъ,

потому что на свою русскую природу надѣюсь, ибо доброю ее почитаю и знаю, что русскій человекъ никогда того не захочетъ, чтобы всѣхъ дѣтей для одного задѣлать. Петръ Первый этого желалъ и не достигъ—будто какъ самъ Богъ этому противился: кто заведетъ маіоратъ, глядишь и родъ вымираетъ; ясно Господь глаголетъ: сіе Ему неугодное и намъ не нужно. У насъ есть *знать*, именитые роды отъ знатныхъ дѣл и услугъ предковъ государству прославившіеся; вотъ это помнить надо, а у насъ родовое-то все съ Петра раскрадено да въ посмѣхъ дано. Дворянство черезъ то страдаетъ, что прибыльщики да компанейщики не за заслуги въ дворяне попадать стали, а за прислужничество; старая же *знать*, мало честь соблюдая, съ ними мѣшалась. Толстой да Меншиковъ, да Шафировъ, всѣмъ путь показали къ барышничеству. Меншикову да Шафирову это не диво—оба выскочки, а Толстому стыдь. Да и самъ Таврическій черезъ подставныхъ людей въ откупахъ участвовалъ, а Соловой уже прямо и открыто въ это дѣло сунулся, да за собой повелъ и Юрія Долгорукаго и Гагарина съ Куракинымъ. Не погнушались заодно идти съ Походяшевыми, Хлюстиными, Ворожейкиными да Кондолинцевыми. И довели дѣло до такой наглости, что черезъ нихъ купецъ Курчаниновъ дерзнулъ правительству предложеніе сдѣлать пятьдесятъ милліоновъ прирастить, чтобъ ему бороды на откупъ дали. Позже брильянтикъ всѣмъ, кто къ нему цугомъ прѣзжалъ, отказывалъ, потому что брали да и не платили; а Иванъ Васильичъ князь Одоевскій, тайный совѣтникъ былъ и вотчинной коллегіи президентъ, а до того замотался, что всѣхъ крестьянъ продалъ: крѣпостныхъ музыкантовъ играть по дворамъ посылалъ и тѣмъ жилъ, а потомъ и этихъ своихъ кормильцевъ продалъ да сталъ съ карточныхъ столовъ деньги красть... Не разъ бить... Рюриковъ-то потомокъ: помилуйте, какую отсель теперь аристократію выводить! Нѣтъ, намъ эта багатель не къ прибыли: намъ надо помнить, что горе тому, у кого имя важнѣе дѣла его...

— Во всякомъ случаѣ,—замѣтилъ графъ:—какъ ни плохи инья отдѣльные лица, а помѣстное дворянство все-таки вѣчная сила...

— Нѣтъ, не вѣчная,—отвѣчала княгиня.—Что тутъ вѣчнаго: зрячій да слабый на слѣпого да сильного съль да и ѣдетъ. Наше крѣпостное владѣніе—это слѣпой безногаго

возить. Это не вѣчно такъ будетъ: слѣпой прозрѣть, а зрячій совсѣмъ разслабнетъ, если раньше на своихъ ногахъ идти не научится... Говорятъ, будто правнукъ Головина хочетъ свое имѣніе Воротынецъ въ лотерею разыгрывать?

— Это вѣрно.

— Господи, Боже мой!.. Этакого срама на Руси еще не было... Пять тысячъ живыхъ людей въ лотерею пустить!

Графъ уже глядѣлъ на пессимистку скучнымъ и утомленнымъ взглядомъ и, не зная куда съ ней далѣе повернуть, молвилъ:

— Вы мнительны, княгиня: въ Россіи есть прекрасныя дворяне!

— Есть,—отвѣчала бабушка:— и я сама имѣю счастье многихъ знать съ духомъ и съ благороднымъ сердцемъ, но только всѣ они врозьсыпъ приходятъ... Склейки нѣтъ, безъ призванія къ дѣлу наша дворянская сила въ пустоцвѣтъ идетъ, а заботливые люди чудаками кажутся. Вонъ у меня человѣка видите... вонъ тотъ, что у окна съ предводителемъ стоитъ разговариваетъ... Рогожинъ, бѣдный дворянинъ, весьма замѣчательный.

— Это вонъ тотъ... рыжій, кривой, въ куртки?

— Да; это у него костюмъ такой... Онъ весь оригинальный: самъ золотой, а глаза были изумрудные, — теперь одинъ остался, но онъ очень благороденъ и въ чудака обратился.

— Какъ онъ худъ, точно meurt de faim.

— Да, все съ нимъ бываетъ,—отвѣчала бабушка:—онъ и голодаетъ подчасъ, и въ горахъ, вертемахъ и въ пропастяхъ скрывается, а все въ себѣ настоящій благородный духъ бережетъ. Это что я вамъ о захудавшей нашей знати сказала, я себѣ не приписываю: это я все отъ него знаю. Это онъ все намъ всѣ эти сказанія проповѣдуетъ... Стыдить насъ.

— Съ какою же цѣлію онъ все это рассказываетъ?

— Все заботится, чтобы «духъ благородства поддержать отъ захуданія». Надѣется видно! Я вѣдь вамъ самую малую часть его словъ привела, а онъ ужасно много знаетъ. Я его такъ и называю *свитокъ*. Онъ скрученъ весь, а если его раскатать, то я и не знаю, какъ онъ обширенъ будетъ! Мнѣ кажется, одинъ своимъ благородствомъ удивить свѣтъ можетъ. Все въ немъ писано: и великія дѣла для возбужде-

ня духа, и позорное слово для угроженія, и мои беззаконія тоже въ немъ заключаются.

— Ваши беззаконія?—произнесъ съ улыбкой графъ.— Это интересно: я думаю, это бѣлая строка въ свиткѣ.

— Не скажите. Вѣдь я его постоянно прячу и отъ властей скрываю... это беззаконіе.

Графъ полюбозытствовалъ, какъ и отчего княгиня укрываетъ Донкихота, а бабушка ему все это рассказала и тѣмъ до того оживила бесѣду, что графъ началъ смѣяться и шутить, и повторять Рогожинское присловіе: «перервать можно, а вывернуть нельзя».

— Да вамъ не угодно ли съ нимъ немножко сблизиться и поговорить? Онъ очень интересенъ,—проговорила княгиня, и, получивъ отъ графа звукъ въ родѣ и да, и нѣтъ, возвысила голосъ и позвала:

— Доримедонтъ Васильичъ! смѣю тебя побеспокоить на минутку?

Рогожинъ бросилъ предводителя и, подойдя къ княгинѣ, щелкнулъ, по своему обычаю, каблукомъ и оставилъ на нее свой изумрудный глазъ.

— Вотъ, другъ мой, графъ желаетъ съ вами познакомиться,—и, обратясь затѣмъ къ графу, она добавила:—имѣю честь представить вашему сіятельству, Доримедонтъ Васильичъ Рогожинъ, и добрый, и честный дворянинъ, какихъ...

Но, не договоривъ этого слова, княгиня вдругъ поблѣднѣла и сдвинула брови, замѣтивъ, что графъ подалъ Рогожину два пальца?

Она была обижена за Рогожина и боялась, что тотъ вспылитъ; но Рогожинъ ее успокоилъ:

— Не обижайтесь, княгиня,—сказалъ онъ:—я бѣдный человѣкъ, мнѣ его ни одного пальца не нужно. Пусть Павлыганеву цѣлую руку дать, тотъ его въ собраніе на обѣдъ позоветъ. Поѣзжайте, графъ, меня тамъ не будетъ.

Этой непредвидѣнной сцены никто не умѣлъ передать во всѣхъ подробностяхъ, и я передаю ее вкратцѣ. Знаю только, что все это случилось такъ, какъ никто не хотѣлъ и не думалъ. Графъ, дѣйствительно, ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы прослѣдить тропу къ бабушкиному сердцу и состоянію; чутье княгини не ошибалось: онъ хотѣлъ искать ея руки; конечно, желалъ быть вѣжливымъ, но межъ тѣмъ неожиданно

обидѣлъ Рогожина и самъ обидѣлся. Княгиня, считая графа случайнымъ посѣтителемъ, всемирно рѣшилась при немъ себя сдерживать, чтобы не нажить врага для своей мѣстности, и между тѣмъ не сдержалась; Рогожинъ тоже сдѣлалъ то, чего совсѣмъ не ожидалъ: онъ хотѣлъ терзать предводителя и, отозванный бабушкой отъ этой работы, сорвалъ все зло на графѣ.

Словомъ, тутъ надо всѣмъ было какое-то одержаніе: точно какой-то духъ бурень слетѣлъ и все возмутилъ и все перепуталъ, такъ что никто въ своемъ поведеніи не узнавалъ своихъ плановъ и намѣреній. Все до того перебуровилось, что предводитель, для котораго былъ поданъ особый дормезъ, бросилъ туда одну шинель, а самъ опять сѣлъ на передней лавочкѣ, и когда графъ говорилъ: «Это нельзя: это невозможная женщина!» то предводитель съ губернаторомъ наперерывъ отвѣчали:

— Мы очень рады, что вы сами ее изволили видѣть.

Графъ тѣмъ развлекъ тяжесть мыслей, что сталъ выспрашивать губернатора насчетъ этого «бродяги съ зеленымъ глазомъ», который такъ дерзко съ нимъ обошелся. Чтò касается княгини, то за нее графъ еще не зналъ, какъ взяться. Онъ имѣлъ на нее планы, при которыхъ вредить ей не было для него выгодно: довольно было дать ей почувствовать, что сила не на ея сторонѣ, но это гораздо благонадежнѣе было сдѣлать не здѣсь, гдѣ она вокругъ обросла на родныхъ пажитяхъ, а тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ за ней стать будетъ некому.

И онъ не ошибался въ расчетѣ и еще разъ сумѣлъ подхвалить себя за сдержанность, когда, въ день обѣда, назначеннаго въ его честь въ дворянскомъ собраніи, туда явились только одни чиновники и самая незначительная часть дворянъ.

Графъ слышалъ, какъ смущенный губернаторъ подлетѣлъ къ предводителю съ вопросомъ:

— Гдѣ же остальные?

А предводитель ему отвѣчалъ:

— У Варвары Никаноровны на прощальномъ обѣдѣ.

Послѣ этого губернаторъ напрасно тщился попасть въ тонъ къ графу. Но графъ счелъ себя положительно обиженнымъ и уѣхалъ, не выдавшись ни съ кѣмъ изъ ухаживавшихъ за нимъ сановниковъ. Онъ ихъ считалъ достойными

большаго наказанія, чѣмъ самоё княгиню, которая ему стала даже серьёзно нравиться, какъ Паральду презиравшая его русская дѣва.

Онъ рассчитывалъ стрѣлять по княгинѣ изъ-за большой башни; а если ему и оттолѣ не удастся ее одолѣть, то все-таки не отступить отъ намѣренія—соединить Протозановскія межи со своими по другому способу.

Между тѣмъ всѣ эти послѣднія исторіи продолжали быть обдержаніями или напастями невольными: такъ, прощальный обѣдъ, которымъ княгиня отвлекла почти всѣхъ дворянъ отъ обѣда, даннаго въ пустой залѣ собранія графу, вовсе не былъ ею рассчитанъ на какую-нибудь обиду, а совпалъ съ этимъ обстоятельствомъ совершенно случайно, или уже послѣ того, дѣйствительно, нѣтъ на свѣтѣ никакихъ случаевъ, а есть на все только одна неисповѣдимая воля, безъ которой не падаетъ ни волосъ съ головы, ни воробей съ кровли.

Бабушка, по крайней мѣрѣ, вѣрила такъ, и во всѣхъ случайностяхъ видѣла не то напоминанія, не то предуготовленія къ чему-то большему. Совершая путь свой въ Петербургъ, она часто повторяла въ мысляхъ:

— «Готово сердце мое, Боже, готово!»

Княгиня ѣхала въ Петербургъ съ маленькими дѣтьми, съ Ольгою Ѳедотовною и съ Патрикѣемъ. Дѣти и Ольга помѣщались вмѣстѣ съ бабушкою въ каретѣ, а Патрикѣи въ устроенной сзади откидной коляскѣ, гдѣ ему было очень покойно и откуда онъ съ высоты могъ далеко впередъ видѣть дорогу и наблюдать за форейторомъ и за кучеромъ. Они пріѣхали такъ скоро, какъ только тогда было можно. Въ Протозаново отъ нихъ никакихъ вѣстей еще не приходило.

Рогожицъ, по отѣздѣ бабушки, заѣхалъ домой и сидѣлъ однажды у себя въ сѣнномъ чуланѣ и въ одно и то же время читалъ какую-то книгу, ѣлъ квасъ со свеклою и билъ ложкою по лбамъ налѣзавшихъ на него со всѣхъ сторонъ ребятъ. Въ это самое время предъ открытыми дверями его сѣней остановилась вскачь прибѣжавшая лошадь и съ нею прыгнувъ посоль изъ Протозанова.

Рогожицъ узналъ извѣстнаго ему верхового мальчика и вскричалъ:

— Пхэ! Чтò у вась, мальчуганъ?

— У нась ничего-сь, а у вась худо,—отвѣчала бойкій мальчикъ.

— Ну!

Мальчишка, комкая шапку, подошелъ къ самому плечу Донкихота и, оглянувшись, вдругъ прошепталъ:

— Господа прѣѣхали...

— Какіе господа?

— Лихо ихъ знаетъ..., чиновники...

— Ну, ты, дуракъ, впередъ знай, что чиновники не господа, а что дальше—сказывай.

— Вась ищутъ... Управитель шибко скакать велѣлъ.

Донкихотъ стоялъ и соображалъ: этого еще никогда не было, чтобъ его смѣли искать въ княгининомъ домѣ... Онъ видѣлъ въ этомъ новость, въ которой обсуждалъ не свое положеніе, а то, какое значеніе имѣетъ это по отношенію къ Варварѣ Никаноровнѣ. Пользуются ли тѣмъ, что ея дома нѣтъ, или уже отнынѣ и ея не боятся и не уважаютъ по-прежнему? Откуда это?.. Конечно, не отъ здѣшнихъ: у нихъ на это еще не хватило бы смѣлости... Нѣтъ; это оттуда, гдѣ она сама теперь... одна...

Рогожинъ, въ половинѣ этого размышленія, завелъ палецъ въ ротъ и, все туже и туже натягивая имъ свою щеку, при послѣдней мысли вдругъ хлопнулъ на воздухъ и въ ту же минуту заоралъ:

— Эй! Зинопей!

Двужильные одры въ лыкъ и мочалѣ, и Зинка въ конопляномъ шлыкѣ выросли, какъ по мановенію.

Донкихотъ вскочилъ въ экипажъ и скомандовалъ:

— Въ Петербургъ!

Зинка, хотя не зналъ этой дороги, но задергалъ и завизжалъ:

— Ну, караси! подергивай-ка-си!

Черезъ три недѣли одры стояли у Московской заставы въ Петербургѣ, а Донкихотъ, высунувшись изъ кибитки, одною рукой заслонялъ какую-то пыльную кутафью, а другою, опираясь на Зинку, громко оралъ:

— Солдатъ, а солдатъ! гдѣ здѣсь Мойка?

Проходившій солдатъ рассказалъ ему, гдѣ Мойка, и Зинка опять запрялъ вожжами.

Одры неслись тѣмъ же аллюромъ, точно же они сдѣлали въ эти дни цѣлыя полторы тысячи верстъ.

Черезъ часъ они проскакали мимо коменныхъ львовъ въ ворота Протозановскаго дома и остановились у широкаго, выпуклаго полукруглаго подѣзда.

Донкихотъ выскочилъ и потащилъ за собою пыльную кутафью, въ которой теперь не трудно было узнать дьяконницу Марью Николаевну.

Въ минуты пріѣзда неожиданныхъ гостей, княгиня только что вернулась изъ института, гдѣ на другой день назначенъ былъ выпускъ, и находилась въ неприятномъ волненіи. Она встрѣтила друзей съ изумленіемъ и ея первымъ къ нимъ словомъ былъ вопросъ:

— Что съ вами? Или вы погорѣли?

— Нѣтъ, — отвѣчала Марья Николаевна: — ничего... — И она, показавъ на Рогожина, закончила: — онъ прискакалъ... ночью... на огородъ вызвалъ... говорить: «Княгинѣ не безпечно: поѣдемъ». Я и поѣхала.

Донкихотъ даже и этого не говорилъ. Онъ ничего не объяснялъ; весь сѣрый подъ густымъ слоемъ насѣвшей на него пыли, онъ въ подозрительномъ молчаніи обходилъ залу и засматривалъ по всѣмъ угламъ и заглядывалъ за двери, точно искалъ вездѣ скрытыхъ злодѣевъ.

Бабушка посмотрѣла на него и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, довольно тебѣ: перестань основу сновать: тутъ и такъ все вокругъ ходитъ. Патрикѣй! ступай съ нимъ сейчасъ въ баню, да вели, пожалуйста, чтобъ ему усы расчесали и уши хорошенько мыломъ вымыли. Да поди-ка сюда на минутку ко мнѣ.

Вызвавъ Патрикѣя въ другую комнату, княгиня добавила свое приказаніе:

— Сейчасъ купи ему платье, чтобы хорошее, но въ его вкусъ, а это вели у него въ банѣ украть.

Патрикѣй все это аккуратно сдѣлалъ, и черезъ часъ Донкихотъ возвратился чисто вымытый и переодѣтый въ бархатный колетъ съ прочими соответственными деталями и въ щегольскихъ сапогахъ съ раструбами.

— Вотъ какъ тебя здѣсь сразу выворотили! — похвалила его княгиня.

— Престранный случай! — отвѣчалъ Донкихотъ: — меня обокрали!

— Тутъ это вдругъ! впрочемъ, и это платье въ твоёмъ вкусѣ.

— Да; оно ничего,—отвѣчалъ Донкихотъ.

И, ставъ передъ цѣльнымъ зеркаломъ посреди комнаты, онъ началъ поворачиваться въ своемъ новомъ костюмѣ, любуясь собою самъ и заставляя любоваться, исподтишка улыбавшихся надъ нимъ, княгиню, дьяконицу, Ольгу Федотовну и Патрикѣя...

Это была живая картина къ той сказкѣ и присказкѣ: полусумасшедшій, кривой дворянинъ, важно позирующий въ пышномъ уборѣ изъ костюмерной лавки, а вокругъ его умная, но своенравная княгиня, да два смертно ей преданные вѣрные слуги и другъ съ сельской поповки. Это собралась на чужинѣ она, отходящая, самодумная Русь; а тамъ, за стѣнами дома, катилась и гремѣла другая жизнь, новая, оторванная отъ домашнихъ преданій: люди иные, на которыхъ страна смотрѣла еще, какъ удивленная курица смотреть на выведенныхъ ею утятъ.

СТАРОЕ СТАРИТСЯ—МОЛОДОЕ РАСТЕТЪ,

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ моей хроникѣ, къ сожалѣнію, неизбѣжны нѣкоторые пробѣлы, особенно въ томъ ея періодѣ, къ которому я приступаю. Въ объясненіе причины многихъ происшествій этой поры я не имѣю точныхъ указаній и могу судить о нихъ только по соображеніямъ и догадкамъ. Впрочемъ, я такъ близко знаю тѣхъ, о комъ говорю, что не могу сдѣлать грубыхъ промаховъ въ моемъ разсказѣ, который буду продолжать съ того, какъ повела себя княгиня Варвара Никанорова въ Петербургѣ, гдѣ мы ее оставили, въ концѣ первой части моей хроники, любующеюся преобразованнымъ, по ея мысли, Донкихотомъ Рогожинымъ.

Напомню опять, что это было наканунѣ дня, когда бабушка должна была принять изъ рукъ институтскихъ воспитателей свою дочь, княжну Анастасію, съ которою, какъ я уже прежде рассказала, взаимныя отношенія ихъ были нѣсколько расхоложены сначала взаимнымъ отчужденіемъ и отвычкою, а потомъ пренебрежительнымъ обхожденіемъ княжны съ людьми, которыхъ посылала къ ней мать.

Княгиня переживала въ это время самыя тяжелыя ощущенія: горячая душа ея не могла не мучиться отъ сознанія, что она мало любитъ дочь, или, по крайней мѣрѣ, не любитъ ее сколько бы хотѣла. Но любовь, какъ извѣстно, дается и пріемлется туне, и если ея нѣтъ, то ее взять негдѣ. Впрочемъ, я увѣрена, что скорѣе эта была напрасна: бабушка себѣ сочиняла, что она мало любитъ свою дочь,

а на самомъ дѣлѣ было иначе. Но какъ бы это ни было, ожидая дочь, княгиня постоянно находилась въ мукахъ недовольства собою и во все это время была мрачна и, противъ своего обыкновенія, даже настолько непривѣтлива, что не обратила на дьяконицу и Донкихота того вниманія, какимъ эти люди у нея всегда пользовались и на которое они, какъ надо бы думать, получили еще болѣе права послѣ новаго оригинальнаго доказательства своей безграничной ей преданности. Варвара Никаноровна умѣла цѣнить эти вещи, но на сей разъ не оцѣнила: недовольная самою собою княгиня ограничивалась тѣмъ, что, полюбовавшись преобразованнымъ Донкихотомъ, отослала гостей отдыхать въ назначенныя имъ комнаты, а сама опять предалась заботамъ о приготовленіи дома ко встрѣчѣ княжны. Эти хлопоты начались давно, но имъ не было конца и къ самому послѣднему дню; княгинѣ безпрестанно мерещилось, что она *мало любитъ дочь*, и, мучимая этимъ призракомъ своего воображенія, она всячески старалась замѣнить укоряющій ее недостатокъ любви заботливостью о благѣ и внѣшнемъ счастіи дочери. Она хотѣла окружить княжну самою нѣжною заботливостью и внѣшними ласками. Ольга Ѳедотовна говорила, что бабушка цѣлые дни была на ногахъ, а если садилась на минутку, то сейчасъ же задумывалась и потомъ тревожно спрашивала:

— Ольга!.. хорошо ли?.. ты смотри, чтобъ ей не показалось, что мы ее мало любимъ...

И княгиня опять стояла у всякаго обойнаго пинюра, у каждаго гвоздика, и все примѣняла на свой глазъ, все пробовала своею рукой. Въ старинномъ домѣ, полномъ богатой утвари Екатерининскаго времени, нѣсколько комнатъ было отдѣлано заново: покои, назначенные для княжны, были убраны скромно, какъ княгиня находила приличнымъ для молодой дѣвушки, но все это было сдѣлано изящно и въ тогдашнемъ новомъ вкусѣ: свѣтлый дѣвственный, собранный въ буфы, ситецъ замѣнилъ здѣсь прежній тяжелый штофъ, который сняли и снесли въ кладовыя; масляныя картины извѣстныхъ старинныхъ мастеровъ, но нѣсколько пластическихъ сюжетовъ, тоже были убраны и замѣнены дорогими гравюрами и акватинтами въ легкихъ рамахъ чернаго дерева съ французскою бронзой; старинные тяжелые золоченые кронштейны уступили свое мѣсто другимъ,

легкимъ и веселымъ, изъ севрскаго фарфора; вмѣсто золоченаго обруча съ купидонами, который спускался съ потолка и въ который вставлялись свѣчи, повѣсили дорогую саксонскую люстру съ прекрасно выполненными изъ фарфора гирляндами пестрыхъ цвѣтовъ. Словомъ, все обновили, даже массивный кюль съ дорогими отеческими иконами былъ перенесенъ въ собственные бабушкины покои и замѣненъ простымъ, хотя очень дорогимъ Распятиемъ изъ чернаго дерева и слоновой кости. Оно было повѣшено въ слегка драпированной нишѣ и, освѣщенное блѣднозеленою лампадой, напоминало о себѣ слегка и не сразу. Словомъ, все было приготовлено такъ, какъ наиболѣе могло нравиться дѣвушкѣ, получившей совсѣмъ новое воспитаніе и усвоившей вкусъ и привычки совсѣмъ не тѣ, какія имѣла ея мать. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы княгиню не томила мысль, что она мало любитъ дочь, то она встрѣтила бы княжну гораздо проще и не заботилась бы такъ много о всѣхъ мелочахъ, которыя не имѣютъ особой цѣны при большомъ благѣ, даруемомъ любовью. Но и этого мало: не зная, чѣмъ себя успокоить, княгиня готова была для дочери и на жертвы, она старалась подавить въ себѣ многія свои привычки и, даже преодолевъ все свое отвращеніе отъ столичной жизни, рѣшилась не уѣзжать въ Протозаново, а жить въ Петербургѣ. Кто помнитъ, какъ сильна была въ ней привычка къ деревнѣ, тотъ долженъ сознаться, что эта женщина умѣла себя переламывать. Но это даже была не ломка, а что-то гораздо большее: на участливый вопросъ дьяконицы, гдѣ думаетъ княгиня жить и когда возвратится въ Протозаново, бабушка отвѣчала:

— Богъ вѣсть, я ничего не знаю... Это все будетъ, какъ Настенька захочетъ.

Изъ этого отвѣта можно было заключить, что княгиня какъ бы находила удовольствіе подчинять обстоятельства желаніямъ дочери. Вечеромъ, наканунѣ пріѣзда дочери, княгиня даже обратилась за столомъ къ Патрикью, чтобъ онъ простилъ княжнѣ Анастасіи, что она была къ нему когда-то невѣжлива.

Старый слуга сконфузился и сквозь слезы отвѣтилъ:

— Матушка, ваше сіятельство, помилуйте!..

— То-то: она тогда была молода...

И затѣмъ было въ этомъ же родѣ слово къ Рогожину:

— Благодарю тебя, Доримедонтъ Васильичъ, что ты не утерпѣлъ и прилетѣлъ сюда навѣстить меня вдалекѣ отъ гнѣзда, но здѣсь, сдѣлай милость... Завтра моя дочь придетъ: она, можетъ-быть, и не такъ проста, какъ мы съ тобой, ты не ставь ей всякое лычко въ строчку...

— Понимаю,—отвѣчалъ Рогожинъ.

— Если тебѣ что въ моей дочери не понравится, сдѣлай милость, снеси, или прежде мнѣ скажи.

— Да и говорить не стану, я и такъ снесу, — отвѣчалъ Рогожинъ.

— Благодарю тебя, ей надо снисходить, — вѣдь она мало людей видѣла.

— Ну, да, разумѣется; вы не безпокойтесь, я не обижусь.

Только Ольгѣ да Марѣ Николаевнѣ не было никакихъ предупрежденій, — на нихъ, вѣрно, и безъ того полагались.

И вотъ послѣ всѣхъ этихъ предуготовленій и предувдомленій совершился входъ княжны Анастаси въ родительскій домъ, гдѣ ее ожидала такая заботливая нѣжность и стараніе забыть прошлое и любить ее какъ можно болѣе. Ольга Федотовна никогда не хотѣла распространяться о томъ, какъ это было.

— Привезли, — говорила она: — какъ должно княжну въ каретѣ, на крыльцѣ ее свои люди встрѣтили, а въ залѣ ихъ обѣихъ священникъ благословилъ, и только тѣмъ княжна немножко въ этотъ день себя сконфузила, что спросила Доримедонта Васильича, какія онъ штуки умѣетъ представлять? Однако, и это обошлось хорошо: онъ свое слово княгинѣ сдержалъ и не обидѣлся, а взялъ да ей на картахъ два фокуса показалъ, а потомъ кольцо съ завязаннаго шнурка спустилъ, а послѣ ей княгиня рассказала, что это, говорить, мой другъ, дворянинъ и очень благородный, а совсѣмъ не фокусникъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣшаясь не увозить только-что взятую изъ института дочь въ деревню, княгиня должна была сдѣлать съ княжною нѣсколько визитовъ двоюроднымъ сестрамъ своего покойнаго мужа и нѣкоторымъ его старымъ свѣтскимъ пріятелямъ, — тѣ, въ свою очередь, разумѣется, отдали бабушкѣ

эти визиты, и реставрированные, такимъ образомъ, знакомства въ самое короткое время поставили ея домъ на полуоткрытую ногу. Вначалѣ кругъ этотъ былъ довольно ограниченъ, но одно обстоятельство его скоро раздвинуло далеко за тѣ предѣлы, которыхъ предпочитала держаться княгиня Варвара Никаноровна.

На институтокъ тогда существовалъ взглядъ далеко не похожій на нынѣшній: ихъ считали дѣвицами, блестяще образованными, и носились съ ними какъ ни вѣсть съ какими знаменитостями. Вслѣдствіе этого явилась затѣя списать съ нѣкоторыхъ дѣвицъ того выпуска, къ которому принадлежала княжна, большіе портреты масляными красками. Это предположено было исполнить очень пышно и затѣйливо: портреты должны были служить вмѣсто картинъ, которыми предполагалось украсить одну изъ залъ покровительницы заведенія. Портреты было поручено сдѣлать извѣстному автору *Маріулы*, изящному Кипренскому. Этотъ превосходный художникъ тогда былъ въ большой модѣ и горячѣе чѣмъ когда-нибудь преслѣдовалъ свою мысль для полнаго выраженія жизни въ портретахъ писать ихъ съ такою законченностью, чтобы въ тщательной отдѣлкѣ совсѣмъ скрывать движенія кисти и сливать колера красокъ въ неуловимые переходы. Молодые лица дѣвицъ какъ пельзя болѣе отвѣчали этой задачѣ, и художникъ взялся за эту работу со всею отличавшею его страстностью. Прежде чѣмъ начались сеансы, Кипренскому предстояло обдумать планъ, какъ выгоднѣе размѣстить изображенія дѣвицъ на нѣсколькихъ полотнахъ. Это надо было расположить сообразно ихъ наружности и условіямъ искусства. Нѣкоторыхъ дѣвицъ предполагалось изобразить по одной, каждую порознь, а другихъ, для приданія картинамъ большаго разнообразія, нарисовать въ группахъ. Для того, чтобы художникъ могъ удобнѣе сообразить, какъ ему распорядиться, дѣвицъ свозили вмѣстѣ въ одинъ изъ большихъ домовъ, гдѣ имъ были, такъ сказать, художественныя смотрни, обратившіяся въ своего рода довольно изящное торжество. Дѣвицы сѣзжались въ сопровожденіи своихъ матерей, изъ которыхъ многія и сами тогда еще были довольно молоды и всѣ принадлежали къ тогдашнему большому свѣту. Два поколѣнія женщинъ, изъ которыхъ однѣ еще не отжили, а другія только начинали жить; роскош-

ные туалеты первых и легкіе дѣвственныя уборы вторыхъ; богатый залъ и таинственные боковыя покои, гдѣ нарочно на этотъ случай привезенныя гардеробныя служанки производили, по требованіямъ художника, необходимыя перемѣны въ нарядахъ молодыхъ красавиць, — все это придавало собранію самый живой и интересный характеръ. Подрумяненный, въ пышной куафюрѣ, Кипренскій распоряжался всѣмъ не безъ аффектаціи, и многія сановныя и важныя лица въ лентахъ и звѣздахъ искали у него чести попасть на эти смотрины. Кипренскій былъ скупъ на раздачу этихъ дозволеній, но графъ Функендорфъ, знавшій еще отца портретиста, крѣпостного человѣка Адама Швальбе, находился здѣсь въ числѣ избранныхъ.

Бабушка, разумѣется, тоже была на этихъ собраніяхъ съ дочерью и съ Ольгою Федотовной, которая находилась въ гардеробныхъ комнатахъ. Результатомъ перваго же изъ этихъ сѣздовъ было то, что княгиня совсѣмъ противъ желанія попала въ очень большой кругъ знакомствъ, имѣвшихъ то необыкновенное начало, что здѣсь не родители знакомили дѣтей, а дѣти сводили и сближали своихъ родителей.

Благодаря всему этому, княгиня Варвара Никаноровна не успѣла оглянуться, какъ опять очутилась *въ свѣтъ*. Свѣтъ, однако, какъ и можно было ожидать, бабушкѣ не показался: съ тѣхъ поръ какъ она его оставила, свѣтъ успѣлъ нѣсколько измѣниться и, вѣроятно, не совсѣмъ къ лучшему. По крайней мѣрѣ такъ казалось Варварѣ Никаноровнѣ. Княгинѣ, разумѣется, прежде всего не нравилось, что люди изъ общества ревниво особились отъ всего остального міра и старались какъ можно менѣе походить на русскихъ.

— Это дѣло самое глупое, — говорила княгиня: — черезъ этокое легкомысліе Нащокинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ самъ своего сына съ толку сбилъ и Салтыковыхъ дѣти ополячились. Надо свой обычай уважать и подражать не всему, а только хорошему.

Не нравились княгинѣ и тогдашняя воинственная заносчивость, рядомъ съ которой и даже неразлучно съ нею шло раболѣпство предъ Аракчеевымъ, не нравились ей и узкіе патріоты, и тогдашніе космополиты.

Не могли не занимать княгиню и явленія религіознаго

свойства, которыхъ тогда было не мало. Тогдашнее высшее русское общество не равнодуствовало къ религіознымъ вопросамъ и они подвергались разбору по большей части или подѣ вліяніемъ французскаго вольтеріанизма, или подѣ вліяніемъ мистическихъ теорій и масонства. Обсужденіемъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, требовавшихъ глубины христіанскаго настроенія и преданности дѣлу, занимались люди самаго легкаго свѣтскаго воспитанія, и оттого неудивительно, что въ результатѣ изъ школы поклонниковъ Фернейскаго пустынника распространялся матеріализмъ, щеголявшій однѣми фразами, а наши франкъ-масоны во всемъ своемъ ученіи не видали ничего, кромѣ обрядовъ, изъ которыхъ устраивали свою «высшую религію», на что, какъ извѣстно, настоящее масонство вовсе не претендовало. Иныхъ отношеній къ религіи не понимали.

О вольтеріанцахъ бабушка не полагала никакого своего мнѣнія, потому что невѣрующіе, по ея понятіямъ, были люди, «у которыхъ смыслъ жизни потерянь», но и масоновъ она не жаловала, съ той точки зрѣнія, чего-де они все секретничаютъ? Если они любовь къ ближнему имѣютъ, такъ это дѣло не запретное: вынь изъ кармана, подай да иди съ Богомъ своею дорогой, — вотъ было ея нехитрое правило.

Но всего болѣе не нравилось княгинѣ любопытство, съ которымъ мистики старались засматривать за завѣсы великихъ тайнъ: бабушка и не вѣрила, что они тамъ что-нибудь видятъ, и сердилась.

— Можно ли-де объ этомъ говорить? Чтò тамъ отъ нашихъ глазъ спрятано, того не увидишь, да и не нужно: пока я въ этомъ мірѣ человѣкомъ живу, мнѣ дана заповѣдь какъ жить, а чтò послѣ будетъ, то никому неизвѣстно. Одно полагаю, кто, человѣкомъ бывши, своего достоинства не сбережетъ, того хоть и ангеломъ сдѣлай, ошъ и ангельское потеряетъ.

Былъ въ то время въ Петербургѣ еще одинъ кружокъ съ религіознымъ же настроеніемъ въ самомъ узкомъ смыслѣ: люди этого кружка не имѣли радѣній и не обнаруживали прозелитизма, а имѣли у себя «благодѣтельница», къ которой ревновали всѣхъ. Благодѣтельница эта была старая дѣвица, графиня Антониды Петровна Хотѣтова, она доводилась Протозановымъ сродни, и бабушка ее знала и не

любила. Хотѣтова, набожность которой развилась подъ вліаніемъ одного тяжелаго семейнаго воспоминанія, любила казаться отчужденною отъ всѣхъ дѣлъ міра, въ которыхъ она, какъ говорили, ничего не понимаетъ. Она только ѣздила по монастырямъ, на которые и тратила свое, почти можно сказать, несмѣтное богатство. Ею было восстановлено множество обѣднѣвшихъ обитателей; много мощей ея средствами были переложены изъ скромныхъ деревянныхъ гробницъ въ дорогія серебряныя раки и въ этомъ, кажется, и заключалась вся ея христіанская добродѣтель. Живому, дѣятельному христіанскому духу бабушки этотъ способъ благотворенія не казался наилучшимъ, тѣмъ болѣе, что, будучи сосѣдкою по имѣніямъ съ Хотѣтовою, княгиня знала, что хотѣтовскіе крестьяне находятся въ большемъ разореніи.

Бабушка находила, что «это ни съ чѣмъ не сообразно», и избѣгала встрѣчи съ этою своею родственницею.

— Богъ съ ней, — разсуждала она:—она, говорятъ, святая, а я сама знаю, что я грѣшная и нетерпѣливая, встрѣчусь, чего добраго, не вытерплю и про крестьянъ заговорю, потому что гробы серебрить, а живыхъ морить, — это безбожно.

Но графиня Антоида, долго ждавъ бабушкинаго визита, вдругъ возымѣла побужденіе смирить себя предъ невѣжливою родственницею до униженія. Она прислала къ бабушкѣ одну изъ своихъ адъютантъ въ каретѣ съ просьбою отпустить къ ней для свиданія княжну Анастасію, или, если ей въ этомъ будетъ отказано, то назначить ей время, когда она сама можетъ пріѣхать повидаться съ племянницею.

Бабушка поняла соль этой выходки, въ которой, подъ видомъ смиренія, ей преподавался урокъ вѣжливости, она отослала карету назадъ и приказала сказать графинѣ, что сама привезетъ къ ней дочь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день это было исполнено: княжна съ матерью была у Хотѣтовой и визитъ обошелся благополучно, если не считать, что на ежечасныя повторенія Хотѣтовой княжнѣ совѣта «помнить Бога и молиться Ему», бабушка добавляла свои совѣты любить ближняго, быть готовымъ на помощь всякому требующему помощи, не гордиться, не чваниться,

не превозноситься въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и не падать духомъ въ противныхъ.

— Безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуется.

— Мы здѣсь на землѣ путешественники,—внушала графиня:—и живемъ не для наслажденій, надо себя умѣть сдерживать, поститься.

— Да, — поддерживала бабушка: — умѣренность большое дѣло: всего и счастливъ только одинъ умѣренный, но надо не отъ мяса одного удерживаться. Это постъ для глазъ человѣческихъ, а души онъ не пользуется: лошади никогда мяса не ѣдятъ, а все какъ они скоты, то скотами и остаются; а надо во всемъ быть умѣренною и свою нетерпѣливость и другія страсти на сердцѣ своемъ приносить во всесожженіе Богу; а притомъ самое главное о другихъ помнить.

— О храмѣ Божиємъ... чтобы благолѣшіе духъ возбуждало; а то мужикъ, въ своей курной избѣ, онъ весь въ грязи тонетъ. Надо его хоть на одинъ часъ въ недѣлю отъ этого оторвать. Это наша обязанность.

— О людяхъ нуждающихся... да; это даже наша первая обязанность; Христось обѣщаль не забыть чашу студеной воды, которую подадимъ, кому надо уста промочить. А Дмитрій Ростовскій на Жень Мироносицъ всѣмъ вельможамъ прямо въ глаза сказалъ, что у насъ въ знатныхъ людяхъ не найти Христа, а бѣдному, за нуждою тяжкою, про Него совсѣмъ и вспомнить некогда. Надо бѣднымъ тяготы посбавить, а не гробы золотить, и не башни строить, тогда скорѣе начнется Христово царствіе.

— А нынче что же?—тихо и сухо замѣтила Хотѣтова.

— Нынче... что меня искушаешь?—проговорила бабушка, и, вдругъ махнувъ рукою, окончила:

— Намъ пора домой, Настя!

Графиня посмотрѣла на бабушку и замолчала.

Черезъ день Хотѣтова сама пріѣхала отдать Варварѣ Никаноровнѣ визитъ и попросила ее отпустить съ нею княжну къ какому-то схимнику.

Бабушка этому воспротивилась: она уважала людей съ высшимъ призваніемъ и сама ѣздила въ Оптину пустынь къ Макарію, котораго считала прозорливымъ, но для молодой дѣвушки она, вѣроятно, считала это рановременнымъ.

— Всему и всякой вещи есть свое время подъ солн-

цемъ,—сказала она:—благочестиво должно жить во всякой порѣ, но въ молодомъ вѣкѣ человѣку не все понятно, что искушенная жизнью опытность знаетъ, а потому съ этими вещами надо осторожно, да не горшее что прилучится отъ неразумія.

По этому поводу произошелъ разговоръ, послѣ котораго Хотѣтова стала повсюду порицать бабушку за невѣріе. Предоставляю всякому судить, сколько справедливаго заключало въ себѣ это порицаніе, но оно было отнюдь не несправедливѣе другихъ порицаній, которымъ бабушка подверглась со стороны своихъ религіозныхъ воззрѣній: ея знакомые вольтерьянцы называли ее «попадѣей» и «московскою просвирней», а ханжи съ ужасомъ шептали, что даже сомнительно: «вѣрить ли она въ Бога».

И среди такихъ-то толковъ о самой княгинѣ возникалъ вопросъ: каково съ нею жить ея бѣдной дочери, молодой дѣвушкѣ, еще почти ребенку, воспитанному совсѣмъ въ иныхъ понятіяхъ?

Болѣе всѣхъ этимъ занималась Хотѣтова: ея это ближе всѣхъ касалось какъ родственницы и какъ истинной христіанки; она безпрестанно твердила:

— Я ничего не могу представить ужасѣе положенія ребенка, котораго прямо изъ пріюта, полнаго страха Божія, отдають ужаснымъ матерямъ въ родѣ княгини Варвары Никаноровны, у которой ни Бога, ни религіи и никакихъ правилъ... Я не знаю, какъ правительство на все это смотритъ, а по-моему, я бы не отпустила дочь жить съ княгинею Протозановою.

Противъ этого никто не возражалъ.

На княжну Анастасію начали смотрѣть съ сожалѣніемъ и выражать ей нѣжнѣйшую участливость, которая должна бы казаться ей обидною, если бъ она понимала ея смыслъ и значеніе.

Княжицѣ старались внушить, что она несчастна, и княжна наконецъ это поняла; но она никому не жаловалась на мать: она только нѣжилась, когда о ней соболѣзновали.

Бабушка, при всей своей проницательности, этого не замѣчала: она была такъ честна, что не могла подумать, чтобы кому-нибудь могла придти въ голову сатанинская мысль вооружать дитя противъ матери. И изъ-за чего, и для чего все это дѣбалось? Кажется, единственно изъ-за того, что

въ нашемъ обществѣ всѣмъ тяжело переносить присутствіе лица съ умомъ яснымъ и съ характеромъ твердымъ и открытымъ.

Между тѣмъ громадная разница въ воспитаніи и взглядахъ матери и дочери сказывалась на каждомъ шагѣ: княжна, по самой молодости своихъ лѣтъ, оставалась совершенно безучастною ко всему, что занимало ея мать, и вовсе ее не понимала. Даже болѣе: поскольку княжна сознавала разницу между своею матерью и матерями другихъ своихъ сверстницъ и подругъ, то всѣ эти сравненія выходили не въ пользу княгини. До строгости чинный домъ бабушки, ея всегда умная и обстоятельная рѣчь, ея всегдашняя требовательность отъ человѣка отвѣтственности за всѣ слова и поступки и готовность къ отвѣту за всякое свое дѣйствіе, дѣлали общество матери для княжны тяжелымъ и скучнымъ.

Начавъ замѣчать, что точно такъ же всѣмъ этимъ тяготятся и другіе, молоденькая княжна мало-по-малу утверждалась въ мысли, что она права, потому что ея мнѣніе о матери находится въ согласіи со всеобщимъ мнѣніемъ о княгинѣ.

Въ свѣтѣ, однако, знакомствомъ бабушки дорожили: извѣстно, что свѣтъ въ этомъ отношеніи похожъ на суетную женщину, которую чѣмъ меньше любятъ, тѣмъ легче ей нравятся. Въ свѣтѣ знали, что княгиня ни у кого ничего не искала и потому тамъ ее искали и собирались ѣсть за ея столами и потомъ сплетничать о ней, какъ о чудакаѣ, о женщинѣ рѣзкой, безпокойной, и, пожалуй, даже немножко опасной. Несправедливо было бы сказать, что всѣ эти толки не имѣли никакого основанія: княгиня въ Петербургѣ была все та же,—она продолжала и здѣсь имѣть свои мнѣнія, далеко не согласныя съ мнѣніями большинства, не по однимъ вопросамъ религіознаго свойства. Бабушка, какъ я сказала еще въ самомъ началѣ моей хроники, очень уважала свободу сужденій, ибо находила, что «въ затини деревья слабокоренны».

— Цельзя-де, чтобы всѣмъ одинъ порядокъ нравился: черезъ многіе умы свѣтъ идетъ,—говорила она.

Но, любя во всемъ основательность, княгиня не уважала мечтательныхъ утопій и не могла оставлять безъ возраженій легкомысленности, съ какою многіе тогда судили объ

устройствѣ общества подъ вліяніемъ взглядовъ, вычитанныхъ изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ. Она, когда доводилось, слушала ихъ, но неохотно, и обыкновенно спѣшила ставить вопросъ на практическую почву.

— Что-де вы подъ симъ заглавіемъ прописать желаете? сладкаго медку на остромъ ножѣ, либо еще что особое?

И когда ей разясняли идеи политическихъ комбинацій, она качала головою и отвѣчала, что, по ея мысли, все это «на kota широко, а на собаку узко».

— Мой згадъ,—говорила она,—намъ прежде всего надо себя поочистить, умы просвѣтить знаніемъ, а сердца смягчать милосердіемъ: надо народъ освободить отъ ранъ и поношенія; иначе онъ будетъ не съ вами, а вы безъ него всѣ, что трости вѣтромъ колеблемы, къ землѣ падете.

И широкіе планы народниковъ она тоже не ласкала.

— Все не то, все не то,—говорила она:—не мавите добрый народъ медомъ на остромъ ножѣ, — ему комплименты лишнее. Проще все надо: дайте ему наѣсться, въ банѣ попариться да не голому на морозъ выйти. О костяхъ, да о кожѣ его позаботитесь, а тогда онъ самъ за умъ возьметъся.

Такія рѣчи княгини, разумѣется, не нравились тогдашнимъ любителямъ; но не болѣе имѣла она согласія и съ тогдашними консерваторами: въ этихъ кружкахъ тогда было большое киченіе дворянскими заслугами отечеству во время Наполеонова нашествія. Бабушка же находила, что дворянамъ этимъ никакъ не пристало кичиться.

— Свое-де дѣло сдѣлали и больше ничего; тогда, вѣдь, *все* жертвовали—одни купцы наживались, а мужики больше всѣхъ пострадали.

Многихъ тогда щекотало чрезмѣрное увеличеніе дворянства, которое легко прибрѣталось самыми небольшими чинами.

— Разночинецъ въ гору лѣзетъ,—говорили старые дворяне, указывая на нѣкоторыхъ людей новаго дворянства, прибрѣвшихъ въ это время силу и значеніе.

— Что же дѣлать,—отвѣчала княгиня:—въ этомъ вы сами виноваты: плохо учите своихъ дѣтей. Хорошенько учите, чтобъ они не родомъ славились, а сами родъ прославляли, такъ разночинецъ васъ не одолѣетъ, а не то одолѣетъ.

И при этомъ, зная, что у всѣхъ, такимъ образомъ раз-

суждавшихъ на умѣ быть павній Сперанскій, смѣло до-
бавляла:

— А вѣдь, и различинцы не всѣ плохи: я напримѣръ
Михайлѣ Михайловичу Сперанскому, хоть онъ изъ семина-
ристовъ и теперь не въ милости, кланяюсь, потому что онъ
того достоинъ.

У Сперанскаго тогда было много враговъ и упоминаніе
его имени съ такимъ почтеніемъ не только не могло быть
пріятно, но было и не безвредно для того, кто его такъ
понималъ; но для бабушки это было все равно: она при-
выкла къ независимости своего положенія и своихъ сужде-
ній. Уважая родъ какъ преемство извѣстныхъ добрыхъ пре-
даній, которыя, по ея мнѣнію, должны были служить для
потомковъ побужденіемъ беречь и по мѣрѣ силъ увеличи-
вать добрую славу предковъ, княгиня отнюдь не была по-
читательницею породы и даже довольно вульгарно выража-
лась, что «плохого князя и телята лижутъ; горе тому, у
кого имя важнѣе дѣлъ его».

Въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ спесивыхъ кружкахъ были
возмущены неровнымъ бракомъ графа Николая Петровича
Шереметева и весьма часто позволяли себѣ злословить гра-
финю Прасковью Ивановну, которую бабушка знала съ от-
личной стороны и любила со всею горячностію своей благо-
родной натуры.

Дѣло заключалось въ томъ, что графъ Николай Петро-
вичъ Шереметевъ, въ 1801 году, женился на своей крѣ-
постной дѣвушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Кузнецовой, про-
звище которой передѣляли въ «Ковалевскую», и говорили,
будто она происходила изъ польской шляхты и была запи-
сана въ крѣпость Шереметевыхъ незаконно. Къ этому об-
стоятельству отъ нечего дѣлать не переставали возвращаться
при каждомъ удобномъ случаѣ и достойную уваженія гра-
финю въ глаза чествовали, а за глаза звали «Парашкою».

Бабушка этого рѣшительно не могла переносить.

— Да,—говорила она:—что графиня Прасковья Иванов-
на польская шляхтянка и незаконно будто была въ крѣ-
пость Шереметевыхъ записана, это неправда. Это вотъ съ
женою Доримедонта Рогожина такъ было, а Прасковья Ива-
новна была настоящая крестьянка и про нее и пѣсенка
сложена: «вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала»,
а что графиня Прасковья, помимо своей неоцѣненной кра-

соты, ума, добра и благородна душою, а черезъ то всякаго уваженія достойна — это правда. По ея мысли графомъ страннопріимный домъ въ Москвѣ выстроился и добра людямъ много дѣлается. Это, воли ваша, лучше, чѣмъ породой кличутся, да joli — мордятся и все время съ визитами ѣздить... Нѣтъ, дай Богъ намъ побольше жепцинь съ такимъ сердцемъ, какъ Прасковья Ивановна, «изъ лѣсочка».

Княгиня умѣла держаться скромно и благородно даже по отношенію къ надшимъ врагамъ своего рода: въ то же самое время, когда въ Петербургѣ злословили графиню Прасковью Ивановну Шереметеву, бывший французскій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ Нельи, описаль за границую князя Платона Зубова, къ которому свекоръ княгини, князь Яковъ Протозановъ, «въ домъ не ѣздилъ, а кланялся только для *courtoisie*». Графъ Нельи поносилъ Зубова и прямо писалъ о немъ, что «онъ богатъ какъ Крезъ, а надмененъ какъ индѣйскій иштухъ, но не стыдился жить во дворцѣ на всемъ на готовомъ и такъ прессычался, что стоить его, да Салтыкова съ Браицкимъ, обходился казнѣ въ день четьреста рублей», что, по тогдашней цѣнѣ денегъ, разумѣется, была сумма огромная.

Бабушка, не вынесшая изъ всѣхъ преданій своей семьи никакого особаго уваженія къ князю Платону, гнушалась, однако, вторить этому памфлету, а когда къ ней съ нимъ приставали, то она лѣниво, какъ бы нехотя, отвѣчала:

— Ну да; я знаю... Какъ же... Князь Платонъ... въ большой силѣ былъ... Знаю: онъ былъ женатъ на Феклѣ Игнатьевнѣ, только у нихъ дѣтей не было: одна дѣвчоночка было родилась, да поганенькая какая-то была и умерла во младенчествѣ; а больше такъ и не было... А Нельи... я про него тоже слышала: ужасный былъ подлиза и предъ Платономъ пресмыкался. Я его книги читать не хочу: все врать, чай... изъ зависти, что тотъ вкусно ѣлъ.

Такъ противны были ея благородному характеру всякія заглазныя злорѣчія о людяхъ, которыхъ когда-то боялись и пресмыкались предъ ними тѣ самые, что теперь надъ ними издѣвались, подпльсывая подъ дудку развязнаго иностранца.

Понятно, что во всѣхъ такихъ рѣчахъ и мишьяхъ княгини было много неприятнаго для общества, которое считало всякое несогласное съ нимъ мишье за дерзость.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Говоря объ отношеніяхъ моей бабушки къ обществу, я должна упомянуть еще объ одномъ свѣтскомъ кружкѣ, едва ли не самомъ обширномъ и самомъ для нея непріятномъ: это были проживавшіе въ столицѣ праздные люди, не имѣвшіе никакихъ другихъ задачъ, кромѣ того, чтобы принадлежать къ свѣту. Эти люди принадлежали къ новому, а иногда и къ старому дворянству, но не къ *знати*: знать имъ въ прежнее время покровительствовала, зато на равную съ собою ногу не ставила. Теперь это начало мѣшаться: въ обществѣ помимо знати первой руки образовалось новое сословіе, появленію и чрезвычайно быстрому размноженію котораго способствовали двѣ причины: открытіе кредитныхъ учрежденій, гдѣ дворяне получили возможность закладывать свои имѣнія, и сокращеніе сроковъ на ассесорскій чинъ, дававшій право на дворянство. Призавявъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ деньги подъ залогъ своихъ деревень и пріѣхавъ на зиму въ городъ, эти «аристократы» второй руки сами, впрочемъ, чувствовали, что они что-то не настоящее, и увивались предъ остатками *старой знати*. Старая же знать ихъ, разумѣется, не уважала и потихоньку отталкивала, но именно такъ потихоньку, чтобы тѣ все-таки дѣляли: это было нужно для чванства. Съ тѣмъ, какъ, по замѣчанію писавшаго объ укладѣ правовъ въ Россіи князя Щербатова, «у вельможъ отъялась смѣлость изъяснить свои мысли, они учинялись не совѣтниками государевыми, а *окальщиками* любимцевъ». Эти люди, «имена которыхъ были славиѣ ихъ дѣлъ», любили уже и сами *окальщикова* и охотно окружали себя *людьми некательными*.

Это теперь совсѣмъ почти позабытое слово тогда было въ больномъ ходу: «искательность», доходившая до самаго униженнаго пресмыкательства, ставилась въ заслугу чловѣку и нерѣдко открывала ему дорогу къ почестямъ. Новал аристократія въ этомъ преусиѣвала, старая знать принимала эти знаки раболѣнства. Тѣмъ и другимъ много нечего было желать: ратнаго поля не было, а дома уже не сидѣлось. Въ деревняхъ оставались отслужившіе израненные воины двѣнадцатаго года или такъ-называвшіеся тогда «грузинскіе ассесоры», то-есть новые дворяне, получавшіе

въ Грузіи ассессорскіе чины по сокращенному сроку и приобритавшіе затѣмъ мелкопомѣстныя имѣнія. Новыхъ большихъ дворянскихъ маестностей не возникало. Жалованье населенными имѣніями прекратилось еще въ 1801 году. Екатерининою было уже почти все роздано и ея внуку нечего было раздавать со щедростью своей бабки. Помѣщики средней руки охотно должны и жили не по средствамъ. Непривычныя къ раскатамъ, эти новые *аристократы*, которыхъ тогда за глаза называли «должниками», брали займы, мало думая, или, лучше сказать, совсѣмъ не думая объ отдачѣ. На первый взглядъ это казалось очень льготно, и число дворянъ, получившихъ такимъ образомъ средства жить болѣе или менѣе открыто, быстро увеличилось, но это была состоятельность самая обманчивая. Вслѣдъ за симъ, непременно можно было предвидѣть близкія разоренія: такъ оно и пошло, обѣднявшіе дворяне шли въ приказные; состоятельные приказные опять поднимались въ дворяне: богатые сыновья прасоловъ и откупщиковъ ѣздили куролесить въ Грузію, гдѣ дебоширили во всю ширину русской натуры и вывозили себѣ оттуда ассессорство, дававшее право на дворянство. Россійское дворянство въ одно и то же время и росло, и цвѣло, собиралось колоситься и... уже вяло. Столы и вечера утрачивали свой прежній нѣсколько окаменѣлый, тяжелый характеръ; собранія становились оживленнѣе, но едва ли достойнѣе: завелось «подшучиваніе», котораго любимыми жертвами были нѣкоторые изъ попавшихъ въ аристократію прибыльчиковъ. Понстинѣ трудно вѣрить тому, что эти люди иногда переносили единственно за то, чтобы ихъ пускали въ дома *знати*.

Тогда въ свѣтѣ жили не по-нынѣшнему: появившіеся впоследствии времени *козеры* тогда или вовсе не были извѣстны, или ихъ попросту называли «болтунами» и держали въ презрѣніи въ родѣ извѣстнаго героя Грибоѣдовской комедіи Загорѣцаго. Тогда, собравшись въ домъ или танцевали до упаду, или занимались такъ-называемыми «играми», изъ которыхъ многія требовали отъ участниковъ и ума, и нѣкоторой образованности.

Прибыльчики обыкновенно были злополучными жертвами этихъ игръ: одинъ изъ нихъ, наиримѣрь, никакъ не могъ сказать «три правды и три неправды»; другой, обязанный угадать три вещи царства растительнаго и три царства

животнаго, относить къ царству *растительному* свои волосы, потому что они растутъ и т. п.

Надъ ними хохотали, но они обнаруживали большую терпѣливость и переносили все, лишь бы только имѣть право хвастать, что принадлежать къ свѣту. Я слышала отъ бабушки бездну анекдотовъ этого рода, въ которыхъ съ обстоятельностью упоминались имена «прибыльщиковъ», вытѣзанныхъ въ дворяне, благодаря «компанейству» князей Куракина, Юрія Долгорукаго, Сергѣя Гагарина.

Такъ, бабушка сказывала мнѣ, что нѣкто изъ семьи, кажется, Походисневыхъ, стыдясь своего происхожденія, упрямилъ одного шалуна (которому давалъ займы деньги) сочинить ему исторію о его будто бы коренномъ дворянскомъ происхожденіи. Тотъ взялся за это дѣло и научилъ прибыльщика приписывать своей роднѣ извѣстное «жалованье» Дмитрія Тимоѣевича Трубецкого отъ царя Михаила «за многія службы и за радѣнія, и за промыслъ, и за правду, и за кровь». Прибыльщику это поправилось, но показалось мало, и онъ самъ присочинилъ себѣ еще, что будто царевна Софія отрубилла его предку голову за вѣрность Петру Великому, и что казненный взялъ будто свою отрубленную голову, поцѣловалъ ее и сказалъ: «отнесите ее моему законному государю».

Одинъ изъ такихъ, по фамилии Кандолинцевъ, не пропускалъ ни одного случая втираться въ свѣтскіе дома и рѣшился для этого, какъ говорили, «на героическія подлости». Благодаря своимъ компанейщикамъ, онъ однажды цѣною немалыхъ жертвъ добился того, что его пригласили участвовать въ любительскомъ спектаклѣ съ настоящими свѣтскими людьми; но въ самомъ этомъ великодуніи крылась новая обида: Кандолинцеву дали самую ничтожную, выходную роль, лакея безъ словъ.

Это, конечно, было не очень деликатно, однако, искательный свѣтскій неопитъ отъ своей роли не уклонился и показывалъ, что онъ этимъ не обижается. Онъ только со всѣми зашучивалъ, говоря, что онъ не знаетъ, какъ ему держать себя, чтобы болѣе походить на лакея?

— Ахъ, вы всего менѣе затрудняйтесь этимъ, — отвѣчалъ ему кто-то, кому онъ надоѣлъ съ своею игривостью: — держитесь какъ вы есть и вы будете совершенно то, что должны представить.

Прибыльщикъ обидѣлся и отказался отъ пьесы. Тогда кто-то предложилъ ему роль въ пьесѣ, которая шла въ тотъ же спектакль на французскомъ языкѣ.

— Нѣтъ;—отвѣчалъ обиженный:—я не хочу: я по-французски очень хорошо знаю, но только эти *ле, ли, ли* предъ словами не люблю.

Съ тѣхъ поръ онъ такъ и прозывался «Капдолинцевъ *ле, ли, ли*».

Но забавнѣе всѣхъ я помню рассказы про какого-то Хлопова: это былъ человѣкъ надменный, сухой, очень недалекий, но нахватавшаго вершковъ. Гордый своими удачами, прибыльщикъ этотъ ничего не относилъ къ счастью, а все приписывалъ своимъ знаніямъ и сообразительности, которыми щеголялъ до того, что почти ни на одинъ вопросъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, не отвѣчалъ сразу, а говорилъ:

«Тутъ надо взяться за карандашъ», и сейчасъ же, вытащивъ бумажникъ и карандашъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ садился что-то соображать и высчитывать. Шалуны подмѣтили эту слабость Хлопова и принялись надъ нимъ подшучивать. Для него за играми нарочно сочинили такіе вопросы: «если судно, имѣя такую-то длину и вмѣщая столько-то тоннъ, сидитъ на такой-то глубинѣ, то сколько лѣтъ долженъ имѣть его капитанъ?» Хлоповъ восклицалъ: «тутъ надо взяться за карандашъ» и бѣжалъ въ уголъ дѣлать свои вычисления. Въ другой разъ, подсунувъ ему фантъ, спрашивали его: «если лошадь подкована на столько-то подковъ, по столько-то гвоздей въ каждой, то сколько этой лошади лѣтъ?» и опять повторялась та же исторія. Доходило до того, что когда его разъ спросили: если комедіантъ проглотитъ горящую свѣчу—съ огнемъ, или безъ огня, она дойдетъ до его желудка? то Хлоповъ и въ этомъ случаѣ обратился къ своему карандашу.

Человѣкъ этотъ былъ типъ тогдашняго честолюбиваго прибыльщика, пробивавшаго себѣ ходъ въ *люди*; онъ былъ смѣлъ до дерзости и не пасовалъ ни предъ чѣмъ, но зато и получалъ щелчки ужасные.

Въ то время, когда къ нему уже кое-кто ѣздилъ (больше затѣмъ, чтобы занимать деньги) и его кое-гдѣ принимали, одинъ шалунъ, участвуя въ игрѣ, условіями которой требовалось давать утвердительный отвѣтъ на всякій вопросъ, былъ спрошенъ: знаетъ ли онъ, *идь конецъ свѣта?*

— Знаю,—отвѣчалъ тотъ:—это у хлоповскаго порога.

Надъ Хлоповымъ шутила даже сама судьба, сыгравшая съ нимъ одну очень злую шутку въ передней извѣстнаго «послѣдняго могиканина» старой дворянской Москвы, князя Г—цына.

Князь Г—цынъ, при отличавшей его прелестной добротѣ, не легко открывалъ двери своего дома для кого попало и, ни въ комъ не нуждаясь, сторонился не только отъ «прибыльщиковъ», но даже и отъ ихъ «компанейщиковъ». Проводивъ много изъ иныхъ Рюриковичей, онъ съ неизмѣнявшею ему серьезною важностію иногда хлопалъ три раза своими маленькими бѣлыми ладошками и приказывалъ явившемуся на этотъ зовъ слугѣ «покурить въ комнатахъ».

— Чортъ знаетъ,—обращался онъ съ гримасою къ кому-нибудь по-французски:—у меня прегадкѣй носъ, — все ему кажется, будто взятками пахнетъ.

Однимъ словомъ, попасть къ этому человѣку было не легко; но чѣмъ труднѣе Хлопову было проникнуть въ домъ князя, тѣмъ онъ упорнѣе этого добивался, и, наконецъ, схватился за одинъ случай, который ему показался благопріятнымъ. Князь былъ очень озабоченъ какимъ-то общественнымъ дѣломъ, представлявшимъ почему-то неодолимую трудность. Хлоповъ нашелъ средство принести этому дѣлу пользу и, встрѣтивъ гдѣ-то князя Г., сообщилъ ему свой планъ и просилъ позволенія прѣхать къ нему въ домъ, съ тѣмъ, чтобы развить ему свою мысль подробнѣе.

Въ планѣ этомъ, вѣроятно, заключалось что-нибудь дѣльное (такъ какъ Хлоповъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ былъ дальновиднѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ), и князь, поблагодаривъ его, назначилъ ему время, когда готовъ былъ его принять, но, возвратясь домой, по своей анекдотической разсѣянности, позабылъ сказать объ этомъ своему камердинеру, а тотъ въ свою очередь не отдалъ нужныхъ распоряженій нижней прислугѣ.

И вотъ, когда Хлоповъ въ урочный часъ прѣхалъ къ князю съ полною увѣренностію, что его сейчасъ примутъ, швейцарь объявилъ ему, что князь хотя и дома, но никого не велѣлъ принимать.

Хлоповъ счелъ это за хорошій знакъ; ему показалось, что князь именно потому и велѣлъ не принимать другихъ, что хочетъ на свободѣ поговорить съ нимъ.

— Такъ, братецъ, такъ,—заговорилъ онъ:—прекрасно: я

такъ и зналъ, что князь меня ждетъ. Доложи же, любезный, скорѣе его сѣятельству, что прѣѣхаль Хлоповъ... Понимаешь: Хло-по-о-въ... Дмитрій Ивановичъ Хлопо-овъ!

Но швейцарь отказался, сказавъ, что ему теперь рѣшительно ни о комъ не вѣлно докладывать.

— Ага! прекрасно, братецъ, прекрасно, я вижу ты очень аккуратный человекъ: ты думаешь, что я кто-нибудь другой, а я тотъ самъ и есть, кого князь ждетъ: я Хлоповъ! Ты вспомни фамилю... она совсѣмъ не мудреная: Хлоповъ. Понимаешь: *Хлоповъ!*

— Понимаю-съ.

— Да; фамиля довольно простая... Но только ты ее впередъ пожалуйста не позабывай,—договорилъ онъ, доставая швейцару десятирублевую, и тотъ, поблагодаривъ его за подарокъ, осчастливилъ его слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Помилуйте, какъ мнѣ эту фамилю забыть: я самъ Хлоповъ-съ, но только о васъ доложить не смѣю.

Случайно встрѣтившіеся однофамильцы разстались оба другъ другомъ недовольные, и Хлоповъ аристократъ жаловался, что ему нарочно подставили швейцара Хлопова, чтобы надъ нимъ посмѣяться. Жалоба эта дошла до князя Г., который, посмѣявшись надъ странною случайностью, поѣхалъ самъ извиняться предъ Хлоповымъ за свою разсѣянность. Такимъ образомъ тотъ достигъ болѣе чѣмъ желалъ и былъ счастливъ безъ мѣры.

Понятно, что княгиня Варвара Никаноровна, наблюдая этого новаго сорта русскихъ аристократовъ, не проникалась къ нимъ уваженіемъ и не скрывала своего презрѣнія къ ихъ пустотѣ, низкопоклонствамъ и пресмыкательствамъ.

Изъ всего тогдашняго столичнаго общества княгиня находила для себя пріятнѣе другихъ только трехъ человекъ, изъ которыхъ двое жили нелюдимыми, а въ третьемъ она очень обманывалась. Первыхъ двухъ я пока еще не буду называть, а третьяго отрекомендую, какъ лицо намъ уже знакомое: это былъ графъ Василій Александровичъ Функендорфъ, съ которымъ Донкихотъ Рогожинъ имѣлъ оригинальное столкновеніе, описанное въ первой части моей хроники.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Графъ, по возвращеніи въ Петербургъ, не стѣснялся разсказанною мною исторіей съ Рогожиннымъ; онъ, повидимому,

считала ее слишком ничтожною и дѣлала видъ, будто вовсе позабыла о ней. Какъ только онъ узналъ о прїѣздѣ княгини въ Петербургъ, онъ одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ ей продолжительный визитъ, причемъ былъ необыкновенно внимателенъ къ княгинѣ и даже освѣдомился не только о дѣтяхъ, но и о Донкихотѣ.

Бабункѣ это понравилось.

— Что же? — разсуждала она, — вѣрно я въ графѣ немножко ошибалась: онъ, кажется, человекъ съ хоронимъ о себѣ понятіемъ: ни самъ не шутствуетъ и другихъ въ шуты не наряжаетъ. Это мнѣ нравится.

Графъ началъ повторять свои визиты чаще, а потому мало-по-малу обратилъ ихъ въ дружескія посѣщенія запросто: княгинѣ это еще болѣе нравилось. Любя въ сношеніяхъ съ людьми простоту, она находила удовольствіе бесѣдовать съ графомъ, который былъ толковитъ, опредѣлителенъ, не страдалъ ни мистицизмомъ, ни матеріализмомъ, и держалъ себя съ достоинствомъ.

Княгиня и графъ во многомъ могли другъ другу сочувствовать. И она, и онъ предпочитали словамъ дѣло, и она, и онъ видѣли, что русское общество дурно усваиваетъ просвѣщеніе. Разница была въ томъ, что княгиню это глубоко огорчало, а графъ смотрѣлъ на все это какъ чужой человекъ, какъ наблюдатель, спокойно, а можетъ-быть даже и со злорадствомъ, которое, разумѣется, скрывалъ отъ княгини.

Какой истый остзеецъ, и потому настоящій, такъ сказать *прирожденный* аристократъ, графъ и въ самомъ дѣлѣ могъ гордиться тѣмъ, что его дворянство не идетъ разгильдяйскою походкою дворянства русскаго, походкою, которая обличала уже все его безсиліе въ ту пору, когда оно, только что исполнивъ славное дѣло обороны отечества, имѣло, можетъ-быть, самое удобное время, чтобъ обдумать свое будущее и идти къ цѣлямъ своего призванія. Въмѣсто этого оно занималось вольтеріанизмомъ, мистицизмомъ, госпожею Крюднеръ, или еще того хуже, — лѣзла изъ кожи, чтобы слить *сѣтломъ*. Графъ сочувственно слушалъ, когда бабушка, вытягивая впередъ руки, какъ бы отстраняла отъ себя какое-то безобразное явленіе и говорила:

— Какая густая толпа людей и съ громкими именами, и всё безъ громкихъ дѣлъ, и еще слава Богу, что ихъ не-

одалъ отъ дѣлъ держать. Окромя какъ по гостинымъ аподотами трясти да шпорами звикать, ни къ чему неспособны... За неволю чужихъ возьмешь, когда свои къ ставцу лицомъ състь не умѣютъ!

Больше этого графу уже никто не могъ сказать пріятнаго: онъ тайлъ отъ словъ княгини, и въ то время, когда она сидѣла предъ нимъ и молча думала: какъ ей быть съ своими дѣтьми, чтобъ они, выросши, умѣли не только эполетами трясти и визиты дѣлать, а могли бы и къ ставцу лицомъ състь, графъ былъ увѣренъ, что графиня проводитъ мысленную параллель между имъ и тѣми, которые юродетвовали да разказывали другъ про друга шутовскія вѣсти.

Графу казалось, что теперь онъ имѣлъ право считать княгиню сильно склонною къ самымъ живымъ въ его пользу чувствамъ. Какъ человѣкъ солидный, имѣвшій дѣло не съ дѣвочкою, а съ женщиною, которой было подѣ сорокъ, онъ не торопиль ее болѣе ясными признаніями: онъ былъ увѣренъ, что все это непременно придетъ въ свое время, когда княгиня *поустроится съ дочерью*.

Графъ, дѣйствительно, не ошибался въ томъ, что одно изъ важнѣйшихъ причинъ раздумья княгини была ея дочь.

Бабушкѣ очень рано стали приходиться въ голову мысли, что самое лучшее и для нея, и для княжны, и для молодыхъ князьковъ, было бы то, если бы княжна Анастасія не оставалась долго въ дѣвушкахъ. Ее иначе нельзя было выдать замужъ, какъ за человѣка подходящаго ей воспитанія, а такіе люди въ больномъ выборѣ были только въ Петербургѣ. Понимая дочь, княгиня даже и не претендовала на то, чтобъ имѣть зятя по своимъ мыслямъ, и мирилась съ тѣмъ, «лишь бы онъ хоть жену сдѣлалъ счастливою». Княгиня уже давно составляла планы какъ бы она щедро выдѣлила дочь при замужествѣ и, устроивъ ее, тотчасъ же возвратилась бы съ сыновьями къ себѣ въ Протозаново. Тогда оставалось бы только выбрать мальчикамъ хорошаго гаставника и посвятить всю жизнь тому, чтобы воспитывать ихъ какъ можно лучше и серьезнѣе. Въ деревнѣ княгиня надѣялась уберечь сыновою отъ свѣтской суеты и сохранить умъ ихъ цѣлымъ и здоровымъ, способнымъ постигать дѣйствительно высокое въ жизни и бѣгать всего низкаго, расслабляющаго душу. Каждый разъ, какъ княгиня доду-

мывалась до этой мысли, она погружалась въ такую сосредоточенность, что графъ не разъ вставалъ и, не прерывалъ этихъ мечтаній, молча подходилъ къ рукѣ княгини и увѣжалъ. Княгиня его не останавливала; отвѣчая на его поцѣлуй въ руку поцѣлуемъ въ его щеку, она только всегда тепло и искренно пожимала его руку, дескать: «не извиняюсь—мы свои».

Всѣ эти короткости, исходившія единственно изъ бабушкинаго примодущія и простоты, окончательно убѣждали графа, что онъ княгинѣ нравится. Онъ былъ увѣренъ, что единственная помѣха ему жениться на ней была взрослая княжна, но вскорѣ графъ убѣдился, что княгиня едва ли намѣрена много стѣсняться дочерью. Онъ, какъ другіе, видалъ въ общемъ многимъ заблужденіе, что Варвара Пиканорвна свою дочь недолюбливаетъ.

Поводомъ къ этому открытію послужило слѣдующее незначительное обстоятельство: Кипренскій, проложивъ основныя планы портретовъ молодыхъ дѣвицъ, продолжалъ свою художественную работу въ больномъ секретѣ: онъ не хотѣлъ никого допускать въ мастерскую, пока картины не будутъ окончены. Онъ поступалъ такъ потому, что не всякій можетъ понимать незаконченную вещь, а между тѣмъ всякій можетъ распускать о ней свои мнѣнія и сужденія, которыя, расходясь въ публикѣ, имѣютъ свое невыгодное значеніе. Но графъ былъ знакомъ съ «Русскимъ Вандикомъ», и въ качествѣ свѣтскаго пріятели и дилетанта въ искусствѣ могъ проникать въ мастерскую. Будучи однажды допущенъ художникомъ посмотрѣть неоконченныя картины, графъ расхвалилъ бабушкѣ портретъ княжны Анастасіи. Бабушка знала, что дочь ея изображается вдвоемъ, рядомъ съ очень милою и скромною дѣвушкой, которая потомъ вышла замужъ за одного изъ князей Щербатовыхъ и оставила до сихъ поръ по себѣ превосходную память. Графъ разсказалъ княгинѣ, что Кипренскій изображаетъ дѣвицъ въ какой-то буколической сценѣ, что бабушку очень удивило. Сначала она не могла понять, почему нашъ «Вандикъ» изъ Конорья выбралъ именно этотъ странный жанръ, который, по ея мнѣнію, всего менѣе шелъ *манерной* княжнѣ Анастасіи, а потомъ это ее встревожило. Бабушка вспомнила, что дѣвушка, которая изображалась рядомъ съ ея дочерью на одномъ полотнѣ, далеко уступала княжнѣ

но красотѣ лица и по формамъ тѣла. Не было никакого сомнѣнія, что при близкомъ сопоставленіи съ княжною, она должна была еще болѣе проигрывать. Тетюшка Анастасія была очень хороша: она *par trait* напоминала самоѣ княгиню, хотя совсѣмъ была на нее не похожа *par expression*: въ ея выраженіи не было той милоты, которая располагала и влекла въ княгинѣ всякаго человѣка, цѣнящаго въ другомъ благородныя свойства души, но, тѣмъ не менѣе, княжна была очень красива. Бабушкѣ показалось, что Кирренскій, увлекшись выгодною наружностью княжны Анастасіи, ставить возлѣ нея дѣвушку болѣе скромнаго вида нарочно, чтобы первая еще болѣе выиграла.

— Отъ художника-де это станется; имъ законъ не писанъ, а это во всѣхъ отношеніяхъ непріятно.

Подозрѣніе, что Кирренскій хочетъ льстить суетности княжны, тревожило бабушку невыносимо: она хотѣла во что бы то ни стало видѣть портретъ прежде, чѣмъ онъ будетъ готовъ. Графъ долженъ былъ уладить это дѣло. Кирренскій сдался на усиленную просьбу, и княгиня была допущена въ его мастерскую.

Вольной портретъ былъ уже почти совсѣмъ готовъ и стоялъ на мольбертѣ: обѣ дѣвушки были изображены рядомъ, въ костюмахъ полу-французскихъ, полу-швейцарскихъ поселенокъ; обѣ онѣ представлены идущими; въ рукахъ у нихъ были корзины: у тетюшки съ фруктами, а у ея подруги съ цвѣтами. Обѣ подруги были написаны мастерски и замысловато: въ картинѣ была символика и поэзія. Тетюшка выдвигалась немножко впередъ и была ярко освѣщена, межъ тѣмъ какъ ея подруга, отставъ на одинъ шагъ, шла скромно, опустивъ головку, отчего ея тихое, задумчивое личико отбѣнилось въ его верхней части широкими полями соломенной шляпы и приняло глубокое, таинственное выраженіе. Яркая красота выдающейся впередъ княжны тотчасъ съ перваго взгляда останавливала на себѣ глаза зрителя, и тихая прелесть другого лица тогда оставалась какъ бы незамѣтною; но чуть вы хотѣли окинуть бѣглымъ взглядомъ аксессуаръ, это таинственное лицо словно встрѣчалось съ вами, оно какъ изъ ручья на васъ глядѣло, и вы въ него всматривались и не могли отъ него оторваться. Бабушка поняла мысль художника и осталась чрезвычайно довольна картиною.

— Превосходно, — сказала она Кипренскому: — вы всякой отдали свое: la pomme à la plus belle, la rose à la plus sage. Превосходно.

Изъ этихъ словъ княгини и изъ довольнаго тона, какимъ они были произнесены, графъ вывелъ заключеніе, что Варвара Пиканоровна не высокаго мнѣнія о своей дочери и, очевидно, не будетъ стѣсняться ею много. Къ тому же это подугаинственное посяженіе бабушкой мастерской Кипренскаго вмѣстѣ съ графомъ, съ которымъ она прѣвзжала въ одной каретѣ, дало поводъ къ толкамъ объ ихъ большомъ дружествѣ, изъ котораго дѣлались произвольные выводы, всѣ сходящіеся къ тому, что княгиня, вѣроятно, наскучила вдовствомъ и того и гляди выйдетъ за графа замужъ. Графа съ этимъ даже поздравляли...

Ольга Федотовна одинъ разъ, вся краснѣя и застѣнчиво улыбаясь, открыла мнѣ, что и она, видя какъ княгиня многимъ предпочитаетъ графа Функендорфа, заноздрила, не вздумала бы она, матушка, за него замужъ выйти.

— Что же, — прибавляла въ свое извиненіе Ольга Федотовна: — онъ еще былъ молодецъ, и какъ блондинъ, то и сѣдыхъ волосъ почти не видно, а княгинѣ хоть и подъ сорокъ лѣтъ было, но она еще красавица... Совсѣмъ нестачнаго ничего тутъ и не было.

Одна княгиня, которой еще въ деревнѣ прежде всѣхъ пришло на мысль — не намѣренъ ли графъ за нее посвататься, теперь объ этомъ вовсе не думала: зато каково же было ея удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе.

Это случилось вскорѣ послѣ ихъ поѣздки къ Кипренскому, именно въ одну изъ тѣхъ паузъ, о которыхъ я рассказывала. Неудачиѣ подобнаго момента, казалось, нельзя было и выбрать: когда княгиня, совсѣмъ забывая себя, все была въ дѣтяхъ и напряженно сосредоточивалась, прозирали въ ихъ будущее, графъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ представилъ ей свою декларацию...

Княгиня его даже не сразу поняла, а когда онъ ей повторилъ свои слова и протянулъ ей руку, она со всхлипчивымъ отъ конфуза лицомъ быстро откинулась къ спинкѣ дивана и проговорила:

— Что вы, графъ!.. помилуйте... Вотъ никогда этого отъ васъ не ожидала.

Графъ проговорилъ что-то объ уваженіи и дружбѣ.

— Да; это правда... мы дружны,—отвѣчала княгиня:—я считаю васъ за очень хорошаго человѣка и увѣрена, что въ этомъ не ошибаюсь (княгиня ошиблась), но... замужкъ... какъ вамъ это могло на мысль придти.

— Но почему же... вы меня извините...

— Нѣтъ, вы меня, графъ, извините,—нетерпѣливо персбила княгиня, и, какъ по писанному, прочитала ему свой взглядъ на бракъ и на замужество.

— Я, графъ, того мнѣнія, что со стороны вдовы, имѣющей дѣтей, во второй бракъ вступать непростительно: материнъ второй бракъ дѣтямъ первыя похороны... По-моему, это одна пустая слабость, которой я никогда въ другихъ не осуждаю, но не уважаю, а въ себѣ и подавно допустить не могу. Это хорошо въ крестьянствѣ, когда работникъ въ дворъ нуженъ, но въ нашемъ положеніи, по моему сужденію, это лишнее. Оставимте это, графъ, какъ бы этого и разговора не было, и никогда не будемъ къ этому возвращаться, а будемъ, прошу васъ, по-старому, друзьями.

Въ подкрѣпленіе этой просьбы, княгиня пожала Функендорфу руку, и они разстались; а чуть только карета графа отѣхала отъ подъѣзда, бабушка сейчасъ же позвала къ себѣ Ольгу Федотовну и послала ее къ модисткѣ, чтобы та принесла ей «коробокъ самыхъ солидныхъ чепцовъ». Выбравъ себѣ изъ нихъ самый большой, съ крахмальнымъ бангомъ на темени, княгиня сейчасъ же надѣла на себя этотъ старушечій чепецъ и, осмотрѣвшись предъ зеркаломъ, велѣла, чтобы ей такихъ еще двѣ дюжины нашили.

— Въ этомъ чепцѣ мнѣ кажется теперь гораздо пристойнѣе,—сказала она Ольгѣ:—да и тебѣ совѣтую тоже подлиннѣе мармотки нашить, мы съ тобою, вѣдь, уже не молоденькія.

Ольга Федотовна не отстала отъ своей княгини, и на другое же утро явилась ей въ чепчикѣ съ такими длинными оборками, что выглядывала изъ нихъ какъ часова кукушка изъ рамки. Однако и въ старушечьемъ чепцѣ, и въ темныхъ капотахъ княгиня еще долго не старѣлась, а, по словамъ Ольги Федотовны, «больше походила какъ бы въ костюмѣ на балъ собиралась». Такъ она была моложава, такъ прочна была ея красота.

Бабушка никогда и никому не говорила о сдѣланномъ

ей графомъ предложеніи, а графу, кажется, не могло придти желанія объ этомъ разсказывать, но тѣмъ не менѣе Ольга Федотовна все это знала, и когда я ее спрашивала: откуда ей были извѣстны такія тайности? она обыкновенно только сердилась и разъ даже пригрозила мнѣ, что если я еще буду ей этимъ докучать, то она мнѣ больше ничего не скажетъ. Такъ какъ угроза была слишкомъ страшна для моего любопытства, то я уже никогда не возобновляла моихъ разспросовъ, но по догадкамъ думаю, что моя милая старушка, вѣроятно, просто-на-просто подсматривала и подслушивала за своею матушкой княгиней.

Иначе это и не могло быть, особенно потому, что Ольга Федотовна наизусть знала слѣдующій разговоръ графа съ княгиней, который, по ея же собственнымъ словамъ, былъ ведень бабушкою въ совершенной тайности, «въ особой комнатѣ и при закрытыхъ дверяхъ».

Знаменитый разговоръ этотъ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ графъ сдѣлалъ бабушкѣ свое предложеніе.

— Графъ вѣрно смутился и пересталъ ѣздить,—говорила Ольга Федотовна: — то онъ у насъ до этого случая всякій день бывалъ, а то вдругъ и пересталъ. Княгиня объ этомъ безпокоилась и все нѣсколько разъ спрашивала: не былъ ли графъ? Скажешь: «не былъ-съ». Она тихо плечами поведетъ, а, наконецъ, разъ даже вслухъ проговорила: «Что это за глупость такая!» и послала къ нему Патрикѣя узнать о его здоровьи, и если онъ здоровъ, то велѣли просить его, чтобы заѣхалъ. Онъ и пожаловалъ... Княгиня его привѣтливо встрѣтила, но все въ своемъ большомъ чепцѣ, и повела его въ маленькую гостиную, куда почти никто никогда не ходилъ, — здѣсь затворились, сѣли и начали говорить:

— Я, говоритъ,—графъ, очень желала васъ видѣть...

Тотъ кланяется, а она продолжаетъ:

— Вы на меня, пожалуйста, не сердитесь... съ вашей стороны мнѣ ничего обиднаго не было сдѣлано, и я васъ тоже обидѣть не желала, а сказала по разсужденію.

А графъ говоритъ:

— Повѣрьте, княгиня, если бы не мои чувства..

Но она его сейчасъ перебила:

— Итъ, вы меня извините, говоритъ,—это совсѣмъ по

въ томъ дѣло, я васъ съ тѣмъ пригласила, что хочу предъ вами съ открытою душою быть... Я хочу, чтобы вы обо мнѣ грубо не думали. Сознаюсь вамъ, что я вѣдь любила моего мужа и люблю его до сихъ поръ... Не смѣйтесь, графъ, надъ старухой... я очень страстна въ моихъ приязанностяхъ: я люблю, графъ, люблю его, моего друга, и до могилы любить его буду, а тамъ встрѣтимся, или не встрѣтимся—ужь что Богъ дастъ, но пока жива, я ему вѣрная и благодарная... Вамъ вѣдь, можетъ-быть, неизвѣстно, а я ему всѣмъ обязана, я вышла изъ бѣдной семьи, въ ихъ честномъ домѣ воспитана, и онъ меня замужъ взялъ и любилъ меня, и вѣрилъ мнѣ, и умеръ далеко отъ меня съ твердою въ меня вѣрою... Скажите же, какъ можно это все позабыть? Нѣтъ, вы умный человекъ, графъ, вы меня видите и вы должны меня понять: онъ умеръ для всѣхъ, кто про него позабылъ, но я минуты безъ него не жила, и мнѣ... онъ живъ и я ему отдала всю жизнь мою и ему же отдамъ и мой смертный вздохъ. Судите какъ знаете, я вся тутъ!

И княгиня, которую никто никогда не видалъ плачущею, сдвинула болѣзненно бровями и, закрывъ платкомъ глаза, заплакала.

Глубиною этого живучаго чувства былъ тронуть даже самъ графъ; онъ бросился цѣловать руки бабушки и просилъ ее о прощеніи.

И она его, разумѣется, простила, и какъ простила? — отъ всего сердца, съ радостью и съ искреннѣйшимъ совѣтомъ, чтобы онъ искалъ себѣ невѣсту помоложе годами и какъ можно менѣе на нее похожую характеромъ.

— Характеръ—это самое главное,—говорила она:—а женщина, которая привыкла всѣмъ сама править, отъ этихъ мужскихъ занятій становится къ любви неловкая: отъ домашнихъ счетовъ да споровъ въ насъ чувства грубѣютъ и много мужчинскаго въ характерѣ дѣлается. Никому я никогда не посоветовала бы на такихъ жениться... Насъ можно въ застѣдатели выбрать, въ старостихи ставить, но жениться на насъ... не совѣтую. Извините, грубо скажу: старая баба самъ тотъ же мужикъ,—у нея всѣ ключи любовныхъ чувствъ уже иззякли. То ли дѣло существо молодое, въ чувствахъ свѣжее, въ разумѣ гибкое. Какъ вы его захотите повести, такъ и поведете.

— Вы забываете, что я старъ для такихъ юныхъ существъ, — шептала шутя графъ. — Увы! меня шестнадцатилѣтняя дѣвушка готова будетъ звать дѣдушкой.

— Ну, вотъ... зачѣмъ шестнадцати?... Есть дѣвушки лѣтъ въ двадцать пять... ну, тридцать... Прекрасныя есть дѣвушки... съ источниками живыхъ чувствъ. И даже скажу, дѣвушка васъ скорѣе и полюбитъ, и ее любить пріятнѣе.

— Почему же?

— Неопытнѣе онѣ, довѣрчивѣе... это должно быть очень пріятно, какъ она станетъ сама къ вамъ примѣняться. Нѣтъ, непремѣнно на дѣвушкѣ женитесь!

— Вы настойчиво требуете, чтобъ я женился на дѣвушкѣ? Я васъ послушаю.

Графъ былъ веселъ и шутилъ, княгиня въ тонъ ему тоже отвѣчала шутливо:

— Непремѣнно, графъ, на дѣвушкѣ, на вдовѣ какъ женитесь, старый мужъ придетъ.

И гость, и хозяйка разстались настоящими друзьями, а чтобъ графъ еще скорѣе забылъ свое неудачное сватовство, бабушка дала ему на дорогу просьбу помочь ей отыскать дѣтямъ француза.

Просьба эта не могла обижать графа, а, напротивъ, могла ему льстить, потому что княгиня не вѣрила ничьимъ рекомендаціямъ, когда дѣло шло о людяхъ, нужныхъ къ дѣтямъ.

Какой же ей нуженъ былъ французъ? Совсѣмъ необыкновенный, или, по крайней мѣрѣ, отнюдь не такой, какіе были тогда въ модѣ. Княгиня отнюдь не хотѣла, чтобъ французъ ея сыновей воспитывалъ, это, по ея мнѣнію, для русскихъ дѣтей никуда не годится. Серьезнаго воспитателя она хотѣла искать въ другомъ мѣстѣ; а французъ требовался просто, чтобъ какъ можно больше говорить, но только не вреднаго.

Требованіе было и небольшое, но въ то же время и не совсѣмъ легкое; но графъ услужилъ княгинѣ, онъ досталъ ей такого француза, который превзошелъ все ея ожиданія. Этотъ удивительный человекъ былъ французскій гражданинъ *monsieur Gigot*, которому здѣсь надо дать маленькое мѣсто. *Ne le renvoyez pas, je vous prie!* Онъ тутъ нуженъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Французъ Gigot былъ человекъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Самъ онъ себя производилъ изъ дворянъ, обѣднявшихъ во время переворотовъ, но дворянскаго въ немъ ровно ничего не было. Начиная съ его фамиліи, которую m-г Gigot напрасно скрапчивалъ приставкою дворянской частицы, и кончая его наружностью и манерами, дававшими ему видъ неудачнаго приходскаго клерка, онъ всего болѣе напоминалъ католическаго дьячка: тонкій, худой, немного запуганный, съ глазами, таящими внутренній жаръ, и съ длинными руками, постоянно стремящимися къ управленію въ почтительныхъ жестахъ. О происхожденіи его всякій имѣлъ свое мнѣніе: такъ, Рогожинъ думалъ, что «эта баранья ляжка» (такъ онъ величалъ Жиго) былъ непременно дьячокъ, а Патрикѣй соображалъ, что Жиго изъ почталыоновъ, потому что онъ необыкновенно скоро бѣгалъ и любилъ быть на посылкахъ; Ольга же Федотовна утверждала, что Жиго, по всемъ видимостямъ, изъ портныхъ, потому что онъ всегда любилъ садиться, ловко сворачивая подъ себя ножки калачикомъ и необыкновенно искусно штопалъ свое платье.

Но каково бы тамъ ни было въ самомъ дѣлѣ его происхожденіе, онъ оказался какъ нельзя болѣе отвѣчающимъ тому назначенію, какое желала ему дать бабушка. Gigot былъ человекъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удивительный: онъ болталъ съ дѣтьми съ утра и до вечера и, скоро овладѣвъ ихъ расположеніемъ, быстро пріучилъ ихъ бѣгло говорить съ собою по-французски. Кромѣ того, онъ былъ совершенно *безвреденъ*: въ этомъ отношеніи онъ даже превзошла всѣ ожиданія княгини, которая, несмотря на рекомендацію графа, принимая въ домъ monsieur Gigot, положила себѣ правиломъ слѣдить за всякимъ его словомъ, «чтобы не наговорилъ дѣтямъ глупостей». Очень скоро она убѣдилась, что это совершенно напрасно: всѣ ея опасенія въ этомъ родѣ не имѣли никакого мѣста. Gigot говорилъ цѣлые дни, и когда онъ говорилъ, княгиня слышала какіе-то слова, пожалуй, даже интересныя, иногда онъ даже что-то объяснялъ, и довольно толково, но, чуть только онъ кончалъ свою рѣчь и княгинѣ хотѣлось обдумать, что такое онъ сказалъ, какъ она уже не находила во всемъ имѣ

сказанномъ никакого содержанія. Книгиня въ этомъ затрудненіи не разъ пыталась переспросить Gigot: какъ онъ понимаетъ то, что сейчасъ самъ объяснялъ? Но онъ, обыкновенно, не могъ повторить сказаннаго, и бабушка съ удивленіемъ говорила:

— Преудивительнаго француза я себѣ, способнаго къ дѣтямъ, достала: такъ говоривъ, что самъ не помнить о чемъ, какъ скворецъ, болтаетъ и выходитъ отъ него практика языка большая, а мыслей никакихъ, и притомъ вѣжливъ, и со двора безъ спроса не ходитъ.

Открывъ эти неоцѣнимыя достоинства Gigot, бабушка стала, разумѣется, благоволить къ нему и, отпуская его, по воскресеньямъ, «погулять къ компатріотамъ», дарила ему по синенькой бумажкѣ на бомбонки; но непремѣнно всякій разъ наказывала, чтобы онъ возвращался домой къ дѣтскому ужину, и притомъ трезвый.

Gigot былъ человѣкъ очень добрый, покладливый и до того мягкій, что, хотя онъ и не былъ кутилою, но, желая доставить княгинѣ совершенное спокойствіе насчетъ своей трезвости, онъ всякій разъ, по возвращеніи отъ компатріотовъ, просилъ бабушку «позволить ему на неедохнуть».

Бабушка, можетъ-быть, и не считала этого нужнымъ, но когда человѣкъ самъ набивается, то она не нашла въ этомъ ничего лишняго, дескать:

— Положимъ, что онъ и не запиваетъ, а все-таки, для большей аккуратности, удостовѣриться не мѣшаетъ: Богъ знаетъ, другіе какъ-нибудь подпортятъ могутъ, а этакъ, какъ онъ самъ выдумалъ, это самое вѣрное: если онъ пилъ вино, я сейчасъ услышу.

Позволивъ Gigotдохнуть передъ своимъ лицомъ, княгиня говорила ему: «умникъ», и, давъ ему поцѣловать свою руку, отпускала его укладывать князей, съ которыми и самъ онъ долженъ былъ ложиться спать въ одно время.

Эта обязанность сначала всего болѣе стѣснила бѣднаго Gigot, и онъ тоскливо жаловался:

— Je ne suis pas disposé à dormir: je n'ai pas sommeil; по потомъ онъ скоро свыкъся и съ этимъ горемъ и, тихо вздыхая, внушалъ дѣтямъ:

— On n'a pas toutes ses aises dans ce monde, mes enfants!

Впоследствии, обидѣвшись въ деревнѣ, этотъ Gigot сдѣ-

лался большимъ соню и чуть часовая стрѣлка вечеромъ переходила за половину десятого, онъ уже начинать позѣвывать и, шевеля тяготящими вѣками, самъ подговаривался:

— *Ma foi, j'ai sommeil; il est temps d'aller coucher!*— и съ этимъ онъ вскакивалъ, подводилъ дѣтей къ княгинѣ за полученіемъ вечерняго благословенія, а черезъ полчаса уже спалъ въ смежной съ дѣтьми комнатѣ, и спалъ, по собственному его выраженію, *comme une marmotte*.

Одно, къ чему *monsieur Gigot* никогда не могъ приучить себя, это былъ фруктовый квасъ. Иностранное вино за столомъ княгини подавалось только при гостяхъ, и то *monsieur Gigot* неудобно было имъ лакомиться, такъ какъ никогда не пившая никакого вина княгиня находила, что и гувернеру неприлично пить вино при дѣтяхъ, а послѣ стола Патрикѣй Семенычъ имѣлъ обыкновеніе приченывать всѣ нераспитыя бутылки, «чтобы люди не баловались».

Такимъ образомъ *Gigot* оставалось лакомиться квасомъ да водичами, къ которымъ онъ и вошелъ во вкусъ, но никакъ не могъ приучить къ нимъ своего желудка. Чуть онъ выпивалъ лишній глотокъ какой-нибудь шипучки, какъ съ нимъ начинались корчи, и онъ нерѣдко заболѣвалъ довольно серьезно.

Это, однако, имѣло для *Gigot* свою хорошую сторону, потому что чрезвычайно сблизило его съ Ольгой Федотовной, которая сама была подвержена подобнымъ припадкамъ и, по сочувствію, нѣжно соболѣзновала о другихъ, кто ихъ имѣетъ. А бѣдный *Gigot*, по рассказамъ Ольги Федотовны, въ началѣ своего житья въ домѣ княгини, бывало, какъ пообѣдаетъ, такъ и начнетъ морщиться.

— Уйдетъ въ свою комнату и такъ тамъ по дивану и катается, а самъ, какъ дитя, ножка объ ножку отъ боли, такъ и сучить, такъ и сучить... И я ему всегда, бывало, сейчасъ рюмочку березовки да горчичникъ подъ ложечку. Какъ его зацѣпить, онъ и вскочить, и очень благодарный кричить:

— Пуслѣ, щерь Ольга Федотъ, все пуслѣ.

А на другой день опять не остережется. Пресмѣшной былъ человекъ! И такъ онъ ко мнѣ привыкъ и привлекся, что, бывало, чуть ему худо, онъ сейчасъ ко мнѣ такъ прямо и летитъ, а самъ шепчетъ:

— Экскюзе, шерь Ольга Федотъ.

И поначалу пугалась: бывало, засучусь, спрашиваю:

— Что такое? что такое случилось?

А онъ отвѣчаетъ:

— Нишего... петить революція... тре петить, тре петить... и вижу, что его уже и точно *тренинитъ*.

Одинъ разъ только мнѣ это надо было растолковать, а ужъ потомъ сама понимать стала: онъ только шепнеть:

— Экскюзе!

А я уже и догадываюсь:

— Что, говорю, — батюшка мой, опять революція?

— Ахъ, отвѣчаетъ, — революція, и самъ какъ былинка гнется.

Такой былъ на этотъ счетъ дрянной, что надо ему было какъ можно скорѣй помогать, и чуть онъ, бывало, мнѣ только заговорить это «экскузе», какъ я уже его дальше и не слушаю, а скорѣе ему изъ кармана пузыречекъ и говорю:

— На тебѣ лѣкарства и не топочи на одномъ мѣстѣ и бѣжи куда надо. Онъ на-лету мнѣ ручкой сдѣлаетъ, а самъ со всѣхъ ногъ такъ и бросится. Добрый былъ мужчинка и очень меня уважалъ съ удовольствіемъ, а на другихъ комнатныхъ людей, которые его не понимали, бывало, разсердится, ножонками затопочетъ и закричитъ:

— Тьфу, тьфу... Наплѣтъ, валекъ и деревянная баба! и самъ убѣжитъ отъ нихъ.

Этими словами *monsieur Gigot* стремился выразить, что непонимающіе его комнатные люди достойны только того, чтобы ихъ поставить на *плотъ*, дать имъ въ руки *валекъ* и заставить ихъ мыть бѣлье съ *деревенскими бабами*. Слова «наплѣтъ, валекъ и деревянная баба» Ольгѣ Федотовнѣ до того казались смѣшными и до того ей нравились, что она усвоила ихъ себѣ въ поговорку и примѣняла ко всякой комнатной новобранкѣ, неискусно принимавшейся за свою новую должность. Болѣе же всего Ольга Федотовна любила *Gigot* по какому-то безотчетному сочувствію къ его сиротской долѣ.

— Сирота, — говорила она: — и безъ языка, его надо жалѣть.

Отношенія *Gigot* къ другимъ лицамъ бабушкинаго штата были уже далеко не тѣ, что съ Ольгой Федотовною: чинный Патрикѣй оказывалъ французу такое почтеніе, что

Gigot даже принималъ его за обиду и вообще не имѣлъ никакой надежды сколько-нибудь съ Патрикѣемъ сблизиться и притомъ же онъ совершенно не понималъ Патрикѣя, и все, что этотъ княжесдворецъ воздавалъ Gigot, «для того, чтобы ему чести прибавить», сей послѣдній истолковывалъ въ обратную сторону.

— Oui,—ленеталъ онъ:—oui! я снай... Patrikej Semenitsch... il tranche du grand seigneur avec moi..

И Gigot самодовольно распространялся, что онъ самъ знаетъ свѣтъ и самъ умѣетъ дѣлать grande mine.

— Patrikej comme ça... такъ, et moi aussi... такъ... Avec tous les gens такъ, а avec Patrikej Semenitsch такъ...

И рассказывая это, онъ для большей вразумительности показывалъ, какъ онъ мимо всѣхъ ходитъ просто, а проходя мимо Патрикѣя, поднимаетъ вверхъ голову и дѣлаетъ grande mine.

Патрикѣй зналъ это и, замѣчая эволюціи Gigot, нимало не измѣнялъ своихъ ровныхъ, холодно почтительныхъ къ нему отношеній, какими считалъ себя обязаннымъ къ нему, какъ къ губернѣру.

Съ дяконницей, Марьей Николаевной, Gigot тоже никакъ не могъ разговориться: онъ много разъ къ ней подсосѣживался и много разъ начиналъ ей что-то обмыслить и рассказывать, но та только туно улыбалась да пожимала плечами и наконецъ, однажды, увидѣвъ, что Gigot, рассказывая ей что-то, приходитъ въ большое оживленіе, кричить, машетъ руками и, несмотря на ея улыбки и пожиманье плечами, все-таки не отстаетъ отъ нея, а, напротивъ, еще схватилъ ее за уголокъ ея шейнаго платка и началъ его вертѣть, Марья Николаевна такъ этого испугалась, что сбросила съ себя платокъ и, оставивъ его въ рукахъ Gigot, убѣжала отъ него искать спасенія.

Gigot разсердился: онъ принесъ Марьѣ Николаевнѣ ея платокъ и, гнѣвно глядя въ ея испуганные глаза, прокричалъ:

— Налѣтъ, валекъ и деревянная баба!—и затѣмъ быстро повернулся и убѣжалъ.

Марья Николаевна въ эту критическую минуту сидѣла какъ окаменѣвшая, но зато, когда напугавшій ее Gigot скрылся, она не выдержала и жестоко разрыдалась.

Ничего не могло быть забавнѣе того, что ни французъ не

зналъ, чѣмъ онъ оскорбилъ дьяконицу, ни она не понимала, чего она испугалась, за что обидѣлась и о чемъ плачетъ.

Въ этомъ положеніи застала ее Ольга Федотовна и не могла отъ нея добиться ничего, кромѣ словъ:

— Нѣтъ, мнѣ пора... мнѣ пора на свое пепелище.

Надо было призвать самую бабушку, которая, разобравъ въ чемъ дѣло, призвала Gigot и сказала:

— Посмотри, какъ ты разстроилъ женщину! Вотъ вѣдь тебѣ за это, по меньшей мѣрѣ, стоить уши выдрать.

— Ага!... уши, *les oreilles*,— *avec plaisir*.— И онъ, наклонясь головой къ дьяконицѣ, весело вскричалъ:— Ну, *Marja Nicolaf*... нишего *déchirez vous bien!*

Но Марья Николаевна вдругъ размѣялась и, обмахнувъ платкомъ глаза, отвѣчала:

— Нѣтъ, мусьѣ Жиго... ужь если такъ, то лучше поцалуемся.

— По-ця-лю-ем-ся?... Ага, понимай! *Avec plaisir, avec plaisir, Marja Nicolaf!*

— Но только уже вы, мусьѣ Жиго, послѣ этого, пожалуйста, никогда меня больше не трогайте.

— Никогда, *jamais!* никогда.

— И не говорите со мною по-французски.

— *Jamais de ma vie!*

Они поцѣловались, и вполне успокоенная Марья Николаевна, какъ умѣла, объяснила Gigot, почему именно она его просить съ нею не говорить? Причина этого, по ея словамъ, заключалась въ томъ, что она «въ свой вѣкъ много отъ французскаго языка страдала».

Понятно, что послѣ этого *monsieur Gigot* долженъ былъ оставить ее въ покоѣ.

Самыя частыя соотношенія Gigot имѣлъ съ Рогожкнымъ, но эти отношенія нельзя было назвать пріятельскими. Сначала они немножко дулись другъ на друга: Gigot, увидавъ передъ собою длиннаго, костюмированнаго человѣка съ однимъ изумруднымъ глазомъ, счелъ его сперва за сумасшедшаго, но потомъ, вида его всегда серьезнымъ, началъ опасаться: не философъ ли это, по образу древнихъ, и не можетъ ли онъ его, господина Gigot, на чемъ-нибудь поймать и сръзать? Донкихоть относился къ Gigot тоже нѣсколько подозрительно, во-первыхъ, потому, что этотъ человѣкъ былъ поставленъ въ домъ графомъ Функендорфомъ, которому Ро-

рогожинъ инстинктивно не довѣрялъ, а потому и онъ съ своей стороны тоже боялся, что Gigot, читающій или когда-нибудь читавшій французскія книги, большинство которыхъ Рогожину было недоступно, могъ знать то, чего наниъ дворянинъ не знаетъ, и потому, чего добраго, при случаѣ легко могъ его оконфузить.

Они могли бы, вѣроятно, очень долго оставаться другъ противъ друга на стражѣ, но одно счастливое обстоятельство примирило ихъ съ мыслию, что каждый изъ нихъ вполне равенъ другому и оба они другъ другу не страшны. Поводомъ къ такому благоприятному выводу была заносчивость Gigot насчетъ какихъ-то превосходствъ французскаго дворянства.

Такъ какъ разговоръ этотъ шелъ въ гостиной при самой княгинѣ и при постороннихъ людяхъ, изъ которыхъ, однако, никто не желалъ вступить за честь русскаго дворянства, то Рогожинъ не вытерпѣлъ и выступилъ, но выступилъ неудачно: плохо маракуя по-французски, онъ не могъ отразить самыхъ несостоятельныхъ нападеній Gigot, который кричалъ:

— Attendez; connaissez vous gentilhomme Obry de Mondidie?

— Non... нѣтъ, не знаю.

— Connaissez vous gentilhomme Mordrèle?

— Non... нѣтъ, не знаю.

— Connaissez vous gentilhomme Oblong?

Рогожинъ долженъ былъ сознаться, что и этого жентильома онъ тоже не знаетъ.

— Eh bien votre critique n'est pas fondée,—рѣшилъ торжествующій Gigot, и, широко шаркнувъ Донкихоту ногой, онъ извительно поклонился ему, какъ человѣку, съ которымъ нечего много разговаривать тому, кто читалъ про Обри и Мондидье, Облонговъ и Мордрелей. Рогожинъ былъ смятъ, но онъ быстро и преоригинально нашелся.

— А постоя-ка, постоя!—воскликнулъ онъ по вдохновенію и, изловивъ Gigot за рукавъ, остановилъ его.

— А ты боярина Захарына знаешь?—спросилъ онъ француза.

— Non, je ne le connais pas.

— А Матвѣева знаешь?

— Non, je ne le connais pas.

— Ага! Молодец! да ты уже, смотри-ка, и Романовыхъ-то знаешь ли?

— Non, je ne le connais aussi.

— Да; такъ ты еще вотъ каковъ!—протянулъ Донкихоть и, шаркнувъ объими ногами еще шире Жиго, съ достоинствомъ отъ него отвернулся.

Рогожинъ, къ счастью своему, никогда не зналъ, что въ этомъ спорѣ всѣ преимущества были на его сторонѣ, ему и въ умъ не приходило, что Gigot называлъ ему не историческія лица, а спрашивалъ о вымышленныхъ герояхъ третьестепенныхъ французскихъ романовъ, иначе, конечно, онъ еще тверже обошелся бы съ бѣднымъ французомъ.

Донкихоть, гостя въ Петербургѣ, имѣлъ празднымъ все свое время, и когда уставалъ читать, тогда обыкновенно раскладывалъ изъ картъ пасьянсъ. Но и то ему тоже, разумѣется, могло уже надокучить, тѣмъ болѣе, что скорый Gigot умѣлъ гораздо лучше его дѣлать пасьянсы и, по живости своего характера, всегда насканивалъ на него съ своими совѣтами. Такое внимательство до того бѣсило дворянина, что онъ въ досадѣ смѣшивалъ карты и, стиснувъ ихъ въ рукѣ, или сидѣлъ молча, пока Gigot, потерявъ терпѣніе, отходилъ отъ него прочь, или же начиналъ вдругъ креститься и читать «Да воскреснетъ Богъ», отплевываясь отъ Gigot какъ отъ чорта.

Gigot не выдерживалъ заклинаній и отбѣгалъ, но не надолго; не проходило получаса, какъ онъ уже снова насканивалъ на Рогожина съ шанечной доской и кричалъ:

— Gentilhomme, jouons nous aux dames!

Донкихоть сдавался на этотъ призывъ, и они проводили за шанками почти все время, когда молодые князьки занимались съ приходившими учителями и Gigot былъ свободенъ.

И какъ они играли! Боже мой! Ольга Федотовна, вспоминая это, говорила о нихъ не иначе, какъ о самыхъ легкомысленныхъ дѣтихъ.

— Слудтъ, бывало, какъ и надо, будто взрослые, а потомъ вдругъ зашумятъ, закричатъ и смотри уже шанки на полъ летять, и бѣдный Жигоша плачетъ и жалуется, что тотъ кривунъ его обидѣлъ. А по правдѣ сказать, оба были самые неспособные спорщники, и княгиня часто должна была сама приходиться ихъ разнимать и мирить — стыдить

ихъ, бывало, стыдить да, наконецъ, тѣмъ кончить, что велить Патрикью отъ нихъ шапки взять и къ себѣ въ комнату отнести. Кажется бы вѣдь ужъ довольно, такъ нѣтъ же: Доримедонтъ Васильичъ станетъ за особымъ столикомъ, насыансь класть, а Жигонка и тутъ не утерпѣть. Такой былъ закига, подскочить и начнетъ указывать, что будто не такъ ту или другую карту переложилъ, ну и поидеть опять дымъ коромысломъ. Книгиня уже изъ терпѣнія, наконецъ, выйдуть и скажутъ:

— Подбери, Патрикѣй, съ полу карты и отнеси ихъ въ мою комнату.

Впрочемъ, Gigot и Донкихотъ ссорились и безъ игръ и всегда изъ-за совершенныхъ пустяковъ, въ родѣ того, на-примѣръ, что живой и веселый Gigot, одушевляясь разговоромъ, любилъ хлопать собесѣдника по плечу или по колѣнамъ, а гордый Донкихотъ находилъ это неумѣстнымъ и рѣшительно не могъ переносить такой фамильярности: онъ вскакивалъ и, какъ ужаленный, сверкая на Gigot гнѣвными взглядами своего единственнаго глаза, кричалъ:

— Не смѣй хлопать, буржуа!.. Ты мнѣ за это когда-нибудь дорого заплатишь!

Больше я не считаю нужнымъ въ особенности говорить о monsieur Gigot, съ которымъ намъ еще не разъ придется встрѣтиться въ моей хроникѣ, но и сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобы судить, чтѣ это былъ за человекъ? Онъ очень шелъ къ бабушкиной коллекціи оригиналовъ и «людей съ совѣстью и съ сердцемъ», но, какъ французскій гувернеръ, онъ былъ терпимъ только благодаря особенности взгляда княгини на качества лица, необходимаго для этой должности.

Дѣти, то-есть оба молодые князья (мой отецъ и дядя Яковъ), очень любили Gigot и не только никогда съ нимъ не скучали, но, напротивъ, *скучали о немъ*, когда его не видѣли. Во время моего отрочества я слыхала похвалы Gigot даже отъ такихъ людей, которымъ, повидимому, никакого и дѣла не могло быть до злополучнаго чужестранца, — Gigot хвалили дворовые и деревенскіе люди Протозанова, говори въ одно слово, что онъ былъ «добрый и веселый», а дяди, князь Яковъ Львовичъ, вспоминая свое дѣтство, никогда не забывалъ вставлять слѣдующее:

— Братъ Дмитрій, который имѣлъ блестящія способности,

къ сожалѣнiю, до того былъ рѣзокъ, что даже верхомъ на нашемъ французѣ ѣздилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Душевныя свойства обоихъ князей въ это время обозначались уже въ весьма опредѣленныхъ задаткахъ; отецъ мой, который былъ однимъ годомъ моложе дяди Якова, первенствовалъ надъ старшимъ братомъ по превосходству своихъ дарованiй, и князь Яковъ не продалъ ему права своего первородства ни за какую чечевицу, а уступилъ ее безмездно какъ «достойнѣйшему». Дядя Яковъ, безподобнѣйшее лицо изъ всѣхъ нынче живущихъ Протозановыхъ, говорятъ, еще съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ уроковъ, за которые онъ сѣлъ ранѣ моего отца, но въ которыхъ наша быстро его перегналъ, призналъ превосходство брата и, приходи отъ него въ восторгъ, любилъ выдвигать его всѣмъ на видъ. Себя онъ всегда ступенывалъ, и такъ приучилъ къ этому весь домъ, что всѣ, и свои, и чужие люди, обращали все свое вниманiе на князя Дмитрiя, а старшiй его братъ, Яковъ, шелъ за нимъ и смотрѣлъ на него не съ ревностью, не съ завистью, а съ восторгомъ, въ которомъ сказывалась благородная и поэтическая натура этого прекраснаго человека, пылавшаго любовью ко всему прекрасному. Отецъ мой, сколько я могу о немъ судить, не по рассказамъ Ольги и Патрикiя и другихъ людей, обожавшихъ въ немъ своего кумира, а по словамъ самой бабушки, которая была очень скромна въ сужденiи о своихъ сыновьяхъ, былъ одаренъ необыкновенными способностями и чарующею красотой. Бабушка, грустно улыбаясь, называла его «своимъ Авессаломомъ». (Увы! его и участь имѣла много сходнаго съ судьбою этого злополучнаго библейскаго царевича!). Онъ былъ высокъ ростомъ, гораздо выше дяди Якова, котораго за его маленькiй ростъ звали «каранузикомъ». Лицомъ отецъ напоминалъ бабушку, но только не такъ, какъ тетюшка Анастасiя, то-есть не только чертами, но и выраженiемъ, но, разумѣется, все это сходство отливало въ мужской формѣ. Замѣчу мимоходомъ, что, кромѣ моего отца, въ роду нашемъ уже никто не имѣлъ большого сходства съ княгинею Варварою Никаноровной: всѣ, и въ этомъ числѣ сама она, находили большое сходство съ собою во мнѣ, но я никогда не могла освободиться отъ подозрѣнiя,

что тутъ очень много пристрастія и натяжки: я напоминала ее только моимъ ростомъ да общимъ выраженіемъ, по которому меня съ дѣтства удостоили привилегіи быть «бабушкиною внучкой», но моимъ чертамъ не доставало всего того, что я такъ любила въ ея лицѣ, и, по справедливости говоря, я не была такъ красива. Дяди же мой, князь Яковъ Львовичъ, имѣлъ сходство съ матерью только въ глазахъ, а во всемъ остальномъ онъ шелъ не въ бабушкинъ родъ, а въ дѣдовъ, въ родъ Протозановыхъ, которые не отличались виднымъ ростомъ и имѣли расположеніе къ тучности. Дяди обнаруживалъ эти родовыя черты съ самаго ранняго дѣтства: онъ всегда былъ по своимъ лѣтамъ малъ ростомъ, очень свѣжъ, румянъ, съ прекрасными глазами матери, но съ очень маленькимъ ротикомъ, какіе называютъ «сердечкомъ». Такіе крошечные рты, съ немножко оттопыренными губками, нарисованы у всѣхъ Протозановыхъ, которыхъ портреты я съ дѣтства видѣла въ бабушкиномъ домѣ; но князь Левъ Яковлевичъ немножко даже утрировалъ эту черту: его маленький ротикъ придавалъ его лицу сходство съ какою-то бойкою птичкой, отчего въ семьѣ его звали также и «чижикомъ». Впрочемъ, благодаря своей важномической фигуркѣ, дядя, князь Яковъ, никогда не былъ безъ кличекъ; при всемъ почтеніи, которое онъ умѣлъ себѣ заслужить въ зрѣлыя годы, онъ и въ этомъ своемъ возрастѣ назывался «князь-Кис-ме-квикъ», кличкою, составленною изъ трехъ англійскихъ словъ: *kiss me quik*, которыя имѣли въ приложеніи къ дядюнкѣ свое особенное, нѣсколько роковое для него значеніе. Но объ этомъ будетъ подробнѣе рассказано въ свое время, а теперь возвращаюсь къ дѣтству моего отца и дяди.

При значительномъ превосходствѣ умственныхъ силъ, какое имѣлъ мой отецъ надъ своимъ братомъ, у отца былъ характеръ нетерпѣливый и увлекающійся. Этимъ для меня объясняются многія несообразности и прѣтиворѣчія въ его жизни, начиная съ того, на примѣръ, что, не оказывая никакого сожалѣнія *Gigot*, онъ опасно заболѣлъ отъ огорченія, когда бѣдный французъ умеръ. Дядя былъ совсѣмъ иной: если папа болѣе брата напоминалъ бабушку прекрасною внѣшностію и умомъ, то дядя Яковъ былъ ея сыномъ по духу и характеру. Отецъ, которому уроки не стоили никакого труда, имѣлъ много свободнаго времени и перѣдко

злоупотреблялъ своими досугами, наполняя ихъ опрометчивыми шалостями, перѣдко въ обиду ближнихъ; но въ домѣ, любя князя Дмитрія, все это покрывали и не доводили до княгини. Князю Якову ученеіе давалось съ большимъ трудомъ: онъ былъ почти постоянно занятъ, и въ немногіе часы свободы или сидѣлъ безмолвно въ креслахъ съ важностью, которая въ маленькомъ мальчикѣ была довольно комична, или вмѣсто того, чтобы шалить и бѣгать, онъ читалъ какую-нибудь дѣтскую книгу. Шалостей дядя не любилъ: онъ много переносилъ на себѣ отъ рѣзвостей брата, но никогда не отомщалъ ему своихъ обидъ. Выдающимися чертами нрава Якова были чрезвычайная скромность и искренность: онъ отъ природы былъ гораздо менѣе *баринъ*, чѣмъ *джентельменъ*. Уваженіе къ человѣческому достоинству всѣхъ и каждаго въ немъ было развито до того, что онъ никогда не позволялъ слугѣ снять съ себя сапога; такая услуга его конфузила, и все, что онъ могъ сдѣлать безъ помощи другого, онъ такъ и дѣлалъ. Позвать человека и заставить его сдѣлать себѣ услугу, безъ которой можно обойтись, дядѣ Якову казалось «стыдно». Объ искренности же его рассказываютъ, что онъ однажды явился къ бабушкѣ съ просьбою наказать его за проступокъ, о которомъ никто не зналъ и который весь состоялъ въ томъ, что дядя, сидя за урокомъ, имѣлъ въ карманѣ маленькую юлу, которая ему очень нравилась и которую ему подарили за нѣсколько минутъ до прихода учителя. Мать свою оба князя очень любили, но отецъ мой не сдерживалъ своей нѣжности, межъ тѣмъ какъ дядя Яковъ, не только страстно любившій, но даже, такъ сказать, обожавшій мать, какъ бы не смѣлъ дать воли своимъ ласкамъ. Оттого въ отношеніяхъ младшаго сына къ матери было болѣе короткости, а въ отношеніяхъ старшаго болѣе почтительности. Князь Дмитрій, шутившій со всѣми, съ Gigot, съ Донкихотомъ, съ Ольгою Федотовной, шутилъ и съ княжною Анастасіей, которая была на семь лѣтъ его старше и шутокъ не любила. Она была обидчива какъ провинціальная барышня и отъ всякой досады легко плакала.

За колкія шутки съ сестрою бабушка наказывала моего отца, а княжнѣ говорила:

— А у тебя, мой другъ, глаза слишкомъ на мокромъ мѣстѣ: отъ всякаго вздора ты плачешь; это значитъ дурной характеръ.

Дядя же князь Яковъ, не любившій никого раздражать, былъ чрезвычайно вѣжливъ съ сестрою, старался ей дѣлать услуги, и если она его за чѣмъ-нибудь посылала, то онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, чтобъ исполнить это скорѣе, и, подавая княжнѣ требуемую вещь, непременно цѣловалъ ея руку.

Княжна Анастасія тоже болѣе оказывала сочувствія своему брату Якову, чѣмъ моему отцу, котораго она, кажется, вовсе не любила; онъ не нравился ей своею рѣзвостію и слишкомъ смѣлыми манерами.

Манеры тогда были большимъ вопросомъ: ими у насъ, къ сожалѣнію, очень много занимались, пока, къ еще большому сожалѣнію, вдругъ вовсе перестали обращать на нихъ вниманіе. Отъ этого въ нашемъ обществѣ на смѣху неприятной манерности явилось потомъ поразительное неумѣніе держать себя въ кругу порядочныхъ людей, въ чемъ отличаются даже и тѣ, которымъ надо бы служить примѣромъ благовоспитанности для прочихъ. Бабушка и въ этомъ случаѣ имѣла мѣру: она знала, что дурной тонъ, дурная манера есть все то, что неумѣстно и неизящно; но она не считала уваженія и къ изысканности, и даже смѣялась надъ петиметрствомъ.

— Это что такое, — говорила она: — не живой человекъ, а какой-то цирлихъ-манирлихъ, скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ; совсѣмъ нехорошо.

Тетушкѣ же это «цирлихъ-манирлихъ» нравилось: она сама была манерна и не любила слишкомъ живыхъ проявленій какихъ бы то ни было чувствъ, а потому братъ Дмитрій ей совсѣмъ былъ неприятенъ. Впрочемъ, между княжною и братьями было очень мало общаго: они только встрѣчались, видѣлись и больше ничего.

Сама княгиня говорила, что она любила обоихъ сыновей совершенно одинаково, но дядя князь Яковъ не разъ мнѣ говорилъ:

— Матушка твоего отца гораздо больше меня любила, что и неудивительно, такъ какъ братъ Дмитрій вполнѣ того стоилъ: онъ былъ красота, и изъ красотъ красота, и всѣхъ лучшихъ дарованій полонъ. Его нельзя было больше всѣхъ не любить.

И я этому вѣрю: въ душѣ княгини Варвары Никаноровны было слишкомъ много артистическаго, что, вѣроятно,

влекло ее къ даровитому сыну. Притомъ же, можетъ-быть она, по дальновидности своего ума, и предусматривала, съ материнскою чуткостью, искушенія и опасности, которые были удѣломъ моего отца. Съ выборами воспитателя для князей у бабушки была большая возня, составившая цѣлый эпизодъ въ ея жизни.

О приходившихъ учителяхъ, которые были приглашены княгинею къ дѣтямъ въ Петербургѣ, я не буду говорить: ихъ выборомъ бабушка много не стѣснялась, такъ какъ отъ нихъ требовалось только, чтобъ они умѣли преподавать. Окончивъ свои уроки, они уходили и особеннаго вліянія на образованіе воли и характеровъ дѣтей не могли имѣть. Другое дѣло воспитателя, которыхъ надо было принять въ домъ: тутъ обнаруживалась чрезвычайная осмотрительность, съ которою, повидимому, очень трудно было согласить выборъ Gigot. Однако, это только такъ казалось, въ существѣ Gigot былъ весьма удобенъ, потому что, доставляя практику французскаго языка, онъ былъ просто дядькою, на положеніи, нѣсколько повышенномъ для того, чтобъ его можно было сажать съ собою за столъ.

Всякій настоящій гувернеръ-французъ стремился бы внушать дѣтямъ свои мнѣнія и заводить какія-нибудь свои правила и порядки, а въ этомъ они съ княгинею не поладили бы. Но все-таки Gigot, каковъ онъ ни былъ, не разрѣшалъ собою вопроса о воспитателѣ. Княгиня все-таки искала человѣка, который могъ бы одинъ и воспитать, и обучить ея сыновей всему, что нужно знать образованнымъ людямъ: но гдѣ было найти такого человѣка?—вотъ задача!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Россіи почти нѣтъ воспитанія, но воспитателей находятъ очень легко, а въ тѣ года, о которыхъ идетъ моя рѣчь, получали ихъ, пожалуй, еще легче: небогатые родители брали къ своимъ дѣтямъ или плоховатыхъ нѣмцевъ, или своихъ русскихъ изъ семинаристовъ, а люди болѣе достаточные держали французовъ или швейцарцевъ. Послѣдніе болѣе одобрялись и, дѣйствительно, были нѣсколько лучше.

Княгиня Варвара Никаноровна иностранцевъ не хотѣла брать, а семинаристовъ немножко боялась; они казались ей грубы и неотесаны, и притомъ, по ея наблюденіямъ, они

вообще очень дурно понимали долгъ и обязанности человека къ обществу.

По мнѣнію Ольги Федотовны, бабушка не любила семинаристовъ за то, что, ходя съ отцами въ праздники по приходу, они ловятъ курь и вообще очень обижаютъ крестьянъ, собирая съ нихъ безъ милосердія все, что взять можно. Но бабушка знала, разумѣется, что и изъ семинаристовъ бываютъ исключенія, и при этомъ ей опять представлялся Сперанскій... Онъ очень занималъ ее.

Княгиня съ величайшимъ любопытствомъ обращалась съ разспросами о Сперанскомъ ко всѣмъ, отъ кого ей казалось возможнымъ узнать что-нибудь близко къ нему относящееся, и благодаря этому своему любопытству, познакомилась съ Х. Г. Лазаревымъ и княземъ Мосальскимъ, которые не прерывали своихъ сношеній со Сперанскимъ и состояли съ нимъ въ перепискѣ. Встрѣтивъ въ княгинѣ большое сочувствіе, они давали ей читать получаемыя ими отъ Сперанскаго «дружескія письма», которыя бабушка собственноручно списывала себѣ въ особую тетрадь, и одинъ изъ нихъ вздумалъ черкнуть что-то Сперанскому о благоговѣющей предъ нимъ княгинѣ и о ея заботахъ о воспитаніи своихъ сыновей. Слово это не осталось безъ отвѣта: Сперанскій въ своемъ отвѣтѣ благодарилъ всѣхъ, кто его добромъ помнитъ, и, распространяясь слегка о воспитаніи, жалѣлъ, что у насъ въ Россіи хорошо воспитать юношу большая трудность. Тутъ шло сначала общее сравненіе воспитательнаго дѣла съ посѣвомъ, удача котораго зависитъ не отъ одной доброты сѣмянъ, почвы и обработки, но и отъ *атмосферы*, которая не въ нашей волѣ, а потомъ въ болѣе частномъ смыслѣ говорилось о педагогахъ, подготовка которыхъ признавалась несовершенною: «они-де малосвѣдущи, робки, низкопоклонны и мелочно придирчивы: они не любители свободы, но легко содѣйствуютъ своеволію».

Но что для княгини было всего дороже,— это небольшая приписочка въ *post-scriptum*, который слѣдовала тотчасъ за приведеннымъ разсужденіемъ. Приписка эта гласила слѣдующее:

«А что сталося нынѣ съ моимъ семинарскимъ товарищемъ, Меодіемъ Миронычемъ Черевымъ? Мнѣ очень бы хотѣлось о немъ знать; онъ, кажется, пребываетъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ владѣеть ваша княгиня».

Бабушка подозрѣвала, что этотъ Червевъ упомянуть тутъ педаромъ: она видѣла въ этомъ тонкій намекъ и указаніе, куда ей надлежитъ устремить свои взоры, и она этому послѣдовала.

Къ немалой ея радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ немалому ея и удивленію, оказалось, что Червевъ, дѣйствительно, жилъ въ уѣздномъ городѣ, который почти со всѣхъ сторонъ облегалъ земли княгини, и изъ людей, которые были съ нею въ Петербургѣ, два человѣка знали Червева лично: эти люди были Патрикѣй и Рогожинъ.

Свѣдѣнія, полученныя бабушкою о Червевѣ отъ Патрикѣя, заключались въ томъ, что Меѳодій Миронычъ былъ профессоромъ въ семинаріи, но «чѣмъ-то проштрафился» и, выйдя въ отставку, насилу добылъ себѣ мѣсто въ частномъ училищѣ въ ихъ городѣ. Червеву тогда было еще съ небольшимъ лѣтъ сорокъ и онъ былъ такъ здоровъ, что пришелъ изъ губерніи пѣшкомъ. Кромѣ того, онъ не мало удивилъ всѣхъ тѣмъ, что совсѣмъ не нанялъ себѣ квартиры, а присталъ въ училищѣ да такъ тамъ и остался: обѣдъ ему варилъ сторожъ, а спалъ онъ въ классѣ на столахъ. По субботамъ Червевъ аккуратно ходилъ въ губернской городъ, гдѣ оставалась его жена и сынъ, обучавшійся въ гимназіи. Имъ онъ относилъ всѣ свои деньги, а на себя ничего почти не издерживалъ, только свеклу варилъ и ею одною питался. Въ гости Червевъ никогда ни къ кому не хаживалъ: гулялъ онъ обыкновенно около часа за городомъ по выгону, а потомъ возвращался назадъ въ училище и «списывалъ себѣ что-то изъ одной книги въ другую». Ученики и горожане любили Червева, но особеннаго въ немъ ничего не замѣчали, кромѣ того, что многіе думали, будто у него есть деньги да онъ ихъ бережетъ, потому что ни на что не тратилъ. На все онъ имѣлъ большое терпѣніе, кромѣ того, что педѣли не могъ провести, не повидавшись съ сыномъ и съ женою, но и на это онъ опять ничего не расходовалъ. Какъ только въ субботу оканчивались въ училищѣ уроки, Червевъ выходилъ съ палочкою за заставу, снималъ сапоги и, порекинувъ ихъ на веревочкѣ за спину, шелъ за тридцать верстъ въ губернской городъ. О заутрени онъ приходилъ туда, спрашивалъ у сына уроки, изъяснялъ ему, чего тотъ не понималъ, потомъ въ этотъ разъ обѣдалъ посытнѣе кушаньемъ, которое приготавливала жена, и о вечерни опять

съ тѣмъ же посошкомъ уходилъ въ уѣздный городишко къ мѣсту своего служенія: въ понедѣльникъ на зарѣ, когда сторожъ открывалъ дверь, чтобы выметать классы, Червевъ уже ждалъ его сидя на порожкѣ. Ни грязная осень, ни морозная зима и никакая случайная непогода и распутица не прекращали этихъ еженедѣльныхъ прогулокъ. Вся разнида, которую Червевъ допускалъ въ своихъ путешествіяхъ, во вниманіе ко временамъ года, заключалась въ томъ, что весной и лѣтомъ онъ ходилъ босикомъ, а осенью и зимой совершалъ весь свой путь въ лапоточкахъ. Нрава онъ былъ, по словамъ Патрикѣя, *самаго благополучнаго*, то-есть Червевъ всегда былъ счастливъ, а что дѣлало его счастливымъ, про то зналъ одинъ Богъ. Веселость не оставила этого человѣка при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Въ Отечественную войну, единственный его сынъ, окончивъ курсъ ученія, не совладѣвъ съ своимъ патріотическимъ чувствомъ и сталъ проситься въ военную службу. Червевъ, выслушавъ сына, сказалъ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу: война—это убійство, но ты поступиай, какъ знаешь.

Онъ посоветовалъ сыну только одно: матери объ этомъ ничего не сказывать и съ нею не прощаться. Ночью онъ самъ потихоньку выпроводилъ сына за городъ съ проѣзжими офицерами, которые обѣщали записать молодого человѣка въ полкъ, и потомъ, возвратясь къ женѣ, открылъ ей истину, горькую для ея материнскаго сердца. Нанеся этотъ ударъ своей подругѣ, Червевъ утѣшалъ ее, и очень успѣшно, тѣмъ, что могъ найти въ ея патріотическомъ чувствѣ, которое въ ней было если не выше материнскаго, то, по крайней мѣрѣ, въ уровень съ нимъ: она нашла облегченіе въ томъ, что молилась въ одной молитвѣ о сынѣ и о Россіи. Россія была спасена, а сынъ бѣдной женщины убитъ: мать этого не снесла, и Червевъ кругомъ сиротѣлъ. Опъ и это свое горе снесъ мужественно, безъ слезъ и безъ жалобъ, но только послѣ этого уже не захотѣлъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ училищѣ, а забралъ свои толстыя книги, изъ которыхъ, по словамъ Патрикѣя, «все изъ одной въ другую списывалъ», и ушелъ изъ города.

— Куда?

На это Патрикѣй отвѣчалъ, что никому до этого нужды не было, и потому объ этомъ никто ничего не знаетъ.

— А намъ съ тобой объ этомъ надо будетъ узнать,— произнесла княгиня и дала рукой знакъ, чтобы Патрикій удалился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Странное и притомъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвелъ этотъ рассказъ на бабушку. Ей не нравилось, что во всемъ этомъ отдаетъ какимъ-то чудачествомъ, и она усомнилась въ основательности своей догадки, что имя Червева упомянуто въ письмѣ Сперанскаго съ цѣлію сдѣлать ей указаніе на Меодія Миرونча.

Но, подумавъ немножко, бабушка, однако, пожелала еще разспросить о немъ Донкихота.

Дворянинъ въ это время былъ близко: онъ сидѣлъ предъ княгиней и клалъ свой насѣяньс. Бабушка тотчасъ же вступила съ нимъ въ разговоръ.

— Полно тебѣ шленать своими картами!—сказала она.— Давай поговоримъ.

— А? Поговоримъ... Хорошо, извольте.. О чемъ поговоримъ?

— Ты вѣдь, разумѣется, тоже зналъ учителя Червева?

— Что за пустяки! Разумѣется, зналъ.

— Миѣ кажется... что Патрикій миѣ про него что-то вздора наговорилъ.

— Ну, разумѣется, какъ же можетъ Патрикій... Развѣ Патрикій можетъ его понимать? А что вы про него хотите знать?

— Все.

— Да я всего и самъ не знаю.

— Ну, говори просто: что онъ и какого сорта человѣкъ?

— Гм!.. по-моему, онъ человѣкъ перваго сорта.

— Съ какого края перваго?

— Да, да; вы правы, я не такъ сказалъ: онъ выше перваго, онъ го-человѣкъ.

— Что ты такое несешь?

— Я говорю, онъ го-человѣкъ; это, я думаю, всякому понятно что значитъ.

— Ну, а вообрази, что миѣ это непонятно и говори толкомъ: чѣмъ онъ отъ другихъ рознится?

— А чѣмъ рознится го-сотернъ отъ простого сотерна: то же вино да лучше. Онъ поумнѣе того, кто сто книгъ наизусть выучилъ.

— Кто это сто книгъ выучилъ?

— Я читаль... былъ такой ученый... я это въ книгахъ читаль.

— Батюшка, да вѣдь твоихъ книгъ, кромѣ тебя, никто не читываль! Ты объясни прощѣ.

— Отчего же моихъ книгъ не читать? Что онѣ старыя, такъ это ничего не значить; а впрочемъ, я вамъ расскажу: это было въ Палестинѣ, когда о Святой Троицѣ спорили.

— Ну, вонъ оно куда пошло!

— Да вѣдь позвольте, пожалуйста: вѣдь это такъ-съ... тогда вѣдь, знаете, въ старину, какіе люди бывали: учились много, а не боялись ничего.

— Ну, хорошо—бывали и тогда разные люди, а ты не путай, а рассказывай! «Въ Палестинѣ жилъ ученый, который выучилъ наизусть сто книгъ...» Продолжай дальше!

— Да; а тамъ же, гдѣ-то въ пещерѣ, жилъ мудрецъ. Ученый и захотѣлъ показать мудрецу, что онъ много знаетъ; приходитъ къ нему въ пещеру и говоритъ: «Я сто книгъ выучилъ», а мудрецъ на него посмотрѣлъ и отвѣчалъ: «ты дуракъ».

— За что же онъ его такъ обидѣлъ?

— Да позвольте, вотъ видите, какъ вы поспѣшны: онъ его совсѣмъ не обидѣлъ, а хотѣлъ его ученость узнать, а ученый какъ только услыхалъ, что мудрецъ его дуракомъ назвалъ: взялъ палку и началъ мудреца бить.

— И Троица, и науки, и палкой дерутся... Ничего не разберу.

— Да вы подождите, вѣдь это вдругъ невозможно... Вотъ когда ученый мудреца отколотилъ, мудрецъ и заплакалъ.

— Больно, такъ и мудрецъ заплачетъ.

— Совсѣмъ не о томъ, что больно, а изъ сожалѣнія.

— Ничего не понимаю.

— Слушайте: мудрецъ заплакалъ и говоритъ ученому: «Ахъ, какой ты бѣдный, какъ ты дурно учился», а тотъ еще хуже разсердился и говоритъ:

— Чѣмъ я дурно учился: я сто книгъ выучилъ.

А мудрецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же ты сто книгъ выучилъ, а одно слово неприятное услыхалъ и всѣ ихъ вдругъ позабылъ, и драться сталъ.

— Это онъ остро ему сказалъ.

— А какъ же? «иди, говорить, теперь снова учи!».
А Червевъ, что выучилъ, все постоянно помнить.

— А его тоже развѣ на такой манеръ экзаменовали?

— Еще бы!

— И дуракомъ называли?

— Ну, разумѣется: только вѣдь его кто какъ хочетъ обижай, онъ не обидится и своего достоинства не забудеть.

— Да въ чемъ же его достоинство?

— Постигъ путь, истину и жизнь.

— Путь, истина и жизнь—это Христось.

— Онъ Его и постигъ.

Княгиня перестала спрашивать; ея докладчики се интересовали, но не удовлетворили ея любопытства.

Но каково же было ея удивленіе, когда тѣ, кому она передала результатъ своихъ неудачныхъ развѣдокъ о мѣстопробываніи Червева, отвѣтили ей, что мѣстопробываніе старика уже отыскано чрезъ Дмитрія Петровича Журавскаго, который не прерывалъ съ Черевымъ сношеній и зналъ, что этотъ антикъ теперь живетъ въ Курскѣ, гдѣ учитъ грамотѣ дѣтей и наслаждается дружбою «самоучнаго мѣщанина Семенова».

Княгиня слыхала и про Журавскаго, и про «самоучнаго мѣщанина Семенова», которые оба впоследствии получили у насъ оригинальную извѣстность: первый какъ сотрудникъ Сперанскаго по изданію законовъ и потомъ искреннѣйшій аболіціонистъ, а второй какъ самоучка-астрономъ.

Имена этихъ двухъ людей, въ особенности имя Дмитрія Журавскаго, подняли въ глазахъ бабушки значеніе Червева. Какой-нибудь незначашій человекъ не могъ быть другомъ страстнаго любителя науки Семенова, и съ нимъ навѣрное не пересылался бы нисѣмами Журавскій, освободительныя идеи котораго, впоследствии неуспѣшно приложенныя имъ въ имѣніяхъ графа Перовскаго, хотя и держались въ секретѣ, но были немножко извѣстны княгинѣ. Къ слову о Журавскомъ, не лишнимъ считаю сказать, что бабушка никогда не боялась «освобожденія», и сама охотно толковала о томъ, что бытъ крѣпостныхъ невыносимо тяжело и что «несправедливость эту надо уничтожить». Правда, княгиня Варвара Никаноровна не думала о такомъ освобожденіи крѣпостныхъ, какое послѣдовало при Александрѣ Второмъ; это лучшимъ ей сверстникамъ не казалось возможнымъ.

Журавскій, посвятившій крестьянскому вопросу всю свою жизнь и *все свои средства*, никогда въ лучшихъ своихъ мечтахъ не дерзаль проектировать такъ, какъ это сдѣлалось... Великодушный человекъ этотъ соглашался еще оставить крестьянина помѣщичьимъ работникомъ, но только не рабомъ.

По крайней мѣрѣ такъ писано въ заготовленной Журавскимъ правительству запискѣ, которая нынѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами покойнаго, хранится у того, кто пишетъ эти строки. Журавскій не мечталъ объ освобожденіи крестьянъ иначе какъ съ долговременною, *подготовительною* полосою, доколѣ крестьянинъ и его помѣщикъ выправятся умственно и нравственно. Теперь, когда Колумбово яйцо поставлено, все эти примѣриванья, разумѣется, могутъ казаться очень неудовлетворительными, но тогда и такъ едва смѣли думать. Книгиня Варвара Никаноровна, находясь въ числѣ строго избранныхъ лицъ небольшого кружка, въ которомъ Журавскій первый разъ прочелъ свою записку «о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе на лучшихъ началахъ», слушала это сочиненіе съ глубочайшимъ вниманіемъ и, по окончаніи чтенія, выразила автору полное свое сочувствіе и готовность служить его заботамъ всею, чѣмъ она можетъ. Журавскій, однако, всею отклонялъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ; онъ надѣялся провести все чрезъ В. Перовскаго, отъ имени котораго и должна была идти «записка». Но, тѣмъ не менѣе, все это настолько познакомило княгиню съ Журавскимъ, что она не затруднилась обратиться къ нему за разспросами о Черевѣ. Хворый Журавскій, съ своими длинными золотушными волосами и перевязаннымъ черною косынкою ухомъ, явился къ княгинѣ по ея зову, и на ея вопросъ о Черевѣ отвѣчалъ:

— Онъ человекъ очень ученый.

— Какого духа онъ?—спросила бабушка.

Собесѣдникъ княгини поежился, поправилъ черную перевязь на своемъ больномъ лицѣ и отвѣчалъ:

— Слишкомъ возвышеннаго.

— Извините,—молвила бабушка: — я не понимаю, какъ человекъ можетъ быть *слишкомъ* возвышенъ?

— Когда онъ, имѣя высокій идеаль, ничего не уступаетъ условіямъ времени и необходимости.

— Червевъ таковъ?

— Да, онъ таковъ.

— Чего жъ онъ хочетъ?

— Всеобщаго блага народнаго.

— Онъ знаетъ ваши заботы?

— Да.

— Вы съ нимъ совѣтовались?.. Извините меня, Бога ради, что я васъ такъ спрашиваю.

— Ничего-съ; да, я съ нимъ совѣтовался, мы съ нимъ были объ этомъ въ перепискѣ, но теперь я это оставилъ.

— Почему?

Журавскій опять взялся за перевязь.

— Бога ради... я васъ прошу, извините мнѣ мои вопросы, мнѣ это очень нужно!

— Онъ нехорошо на меня дѣйствуетъ, онъ очень благо-разуменъ, но все, что составляетъ цѣль моей жизни, онъ считаетъ утопическою... Онъ охлаждаетъ меня.

— Онъ нерасположенъ къ этому дѣлу?

— Нѣтъ; но у него очень сильна критика...

— Въ чемъ же онъ критикуетъ вашу записку?

— Онъ вмѣсто отвѣта надписалъ просто, что въ возмож-ность освобожденія по волѣ владѣльцевъ не вѣрить.

— Во что же онъ вѣрить?

— Въ то, что это сдѣлаемъ не мы.

— А кто же?

— Или сами крестьяне, или самодержавная воля съ трона.

И бабушка, и ея собесѣдникъ умолкли.

— Что же?—тихо молвила послѣ паузы княгиня:—знаете, можетъ-быть, онъ и правъ.

— Быть-можетъ.

— Наше благородное сословіе... ненадежно.

— Да, въ немъ мало благородства, — послѣбно оторвалъ Журавскій.

— И разсудительности, — подтвердила княгиня; — но ска-жите мнѣ, пожалуйста, почему этотъ Червевъ, человекъ, какъ говорите, съ такимъ умомъ...

— Большимъ, — перебилъ Журавскій.

— И съ образованіемъ...

— Совершеннымъ.

— Почему онъ живетъ въ такомъ уничиженіи?

Журавскій бросилъ на бабушку недовольный взглядъ.

— Извините,—сказала бабушка.

— Ничего-съ; мнѣ только странно, о чемъ вы спросили: «Червевъ въ уничиженіи»... Что же васъ въ этомъ удивляетъ? Онъ потому и въ уничиженіи, что онъ всего менѣе его заслуживаетъ.

— Это превредно, что у насъ быть честнымъ такъ опасно и невыгодно.

— Вездѣ такъ,—буркнулъ, подвинувъ свою повязку, Журавскій.

— Нѣтъ; у насъ особенно не любятъ людей, которыхъ уважать надо: они намъ какъ бы укоромъ служатъ, и мы, русскіе, на этотъ счетъ всѣхъ хуже; но все-таки... неужто же этотъ Червевъ такъ во всю жизнь нигдѣ не могъ мѣста занять?

— Онъ былъ профессоромъ.

— Я это слышала, но что же... съ чѣмъ онъ тамъ поуправился?

— Читалъ исторію, и не годился.

— Почему?

— Хотѣлъ ее читать какъ должно...

— Что выдумалъ!.. Его отставили?

— Смѣнили; онъ взялъ другой предметъ, сталъ преподавать философію, его совсѣмъ отставили. Онъ ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Нашелъ, что лучше учить азбукѣ какъ должно, лучше чѣмъ учить исторіи и философіи какъ не надобно.

— И съ тѣхъ поръ бѣдствуетъ?

— Бѣдствуетъ?.. Не знаю, онъ ни на что не жалуется.

— Это удивительный человѣкъ.

— Да, онъ—человѣкъ.

— Что вы думаете, если я попрошу его взяться за воспитаніе моихъ дѣтей?

— Я думаю, что вы не можете сдѣлать лучшаго выбора, если только...

— Что?.. Вы мнѣ скажите откровенно.

— Если вы не хотите сдѣлать изъ вашихъ сыновей ни офицеровъ...

— Нѣтъ.

— Ни царедворцевъ...

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—и бабушка окрестила передъ собою на три стороны воздухъ.

— А если вы желаете видѣть въ нихъ *людей*...

— Да, да; простыхъ, добрыхъ и честныхъ людей, людей съ познаніями, съ религіей и съ прямою душою.

— Тогда Червевъ вамъ кладъ, но...

— Что еще?

— Червевъ христіанинъ.

Говорившіе переглянулись и помолчали.

— Это остро,—произнесла тихо княгиня.

— Да,—еще тише согласился Журавскій.

— Настоящій христіанинъ?

— Да.

— Желаю довѣрить ему моихъ дѣтей.

— Я напишу ему.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Занятая призваніемъ Червева, княгиня не замѣчала много, на что во всякое другое время она навѣрно обратила бы свое вниманіе. Улучшенія этого рода особенно выражались по отношенію къ княжнѣ Анастасіи, которая, не входя въ интересы матери и не понимая ея хлопотъ и нетерпѣнія, находила въ это время свой домъ особенно скучнымъ. На *свѣтъ*, конечно, нельзя было жаловаться, *свѣтъ* не отрезался отъ княгини и посѣщалъ ее, но княжнѣ этого было мало: ей хотѣлось предаться ему всѣмъ своимъ существомъ.

Семнадцатилѣтняя княжна рѣшила какъ можно скорѣе оставить материнъ домъ. Выходъ представлялся одинъ—замужество. Княжна Анастасія никого не любила, ей даже никто не нравился, ей было все равно, за кого бы ее судьба ни вынесла, лишь бы поскорѣе, лишь бы заставить завидовать себѣ своихъ подругъ, уѣхать за границу, а возвратясь оттуда, жить открытымъ домомъ и дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе, то-есть «выѣзжать въ свѣтъ», къ чему бабушка была рѣшительно неспособна и откровенно въ этомъ сознавалась, говоря, что:

— Я въ каретѣ не могу жить.

Словомъ, требованія княжны въ отношеніи брака были самыя несложныя, и если бы выборъ жениха зависѣлъ отъ нея самой, то трудно рѣшить, кого бы она выбрала, но за нее выбирала благочестивая и благопомощная графиня Хотѣтова.

Въ домѣ графини давно вздыхали о княжнѣ Анастасіи, «терзавшейся въ рукахъ *безвѣрной матери*», вздыхала «объ этой мученицѣ» сама хозяйка, вздыхали ея гости, и, наконецъ, кому - то изъ нихъ пришла гениальная мысль вырвать княжну у матери и выдать ее замужъ, нимало не медля.

Сначала это представлялось какъ будто затруднительнымъ, но недаромъ, видно, сказано, что «въ Россіи невозможности нѣтъ»: когда графинѣ была представлена опасность, которая заключалась въ томъ, что мать можетъ выдать неопытную княжну за человѣка безъ вѣры, графиня въ виду этого страха рѣшилась на смѣлую мѣру и восторжествовала. Жалуюсь на княгиню цѣлому свѣту и стараясь, чтобы злобы эти ни въ какомъ углѣ не застряли, а взмывали все выше и выше, графиня Антонида получила право разсчитывать на тонкое, но могущественное содѣйствіе такого лица, которому, какъ она неложно вѣрила, въ Россіи никто отказать не въ силахъ. По свидѣніямъ, которыя она особеннымъ образомъ получала отъ княжны Анастасіи, она знала, что «бѣдное дитя» такъ измучено, что готово выйти замужъ за кого угодно, но притомъ она такъ благоразумна и покорна, что считается лучшимъ для себя женихомъ того, кого ей избересть благочестивая графиня Антонида.

Теперь этой «святой женицѣ» предстояло только избрать жениха княжнѣ, но это ей было не трудно: женихъ уже былъ готовъ: онъ самъ избралъ себя въ это званіе и ему же принадлежалъ и весь объясненный мною планъ, который графиня считала своимъ только по самообольщенію. Женихъ этотъ былъ не кто иной, какъ давно намъ знакомый графъ Василій Александровичъ Функендорфъ, ни за что не желавшій разстаться съ Протозановскими маетностями. Потерявъ надежду жениться на матери, графъ устремилъ свои взоры на дочь: эта затѣя представляла не мало трудностей, но зато она казалась вполне достижимою: путь, на который графъ повелъ богомольную графиню, былъ вѣренъ, а выборъ ея не могъ пасть ни на кого другого. Графиня была имъ заинтересована и притомъ съ самой важной для нея стороны: она знала графа за человѣка наилучшихъ нравилъ; за нимъ не было слышно никакихъ интригъ и онъ былъ очень религіозенъ. Несмотря на то, что онъ исповѣдывалъ лютеранскую вѣру, графиня сама видѣла его въ

православной церкви. Графъ даже признался ей, что онъ тяготится сухостью лютеранизма и высоко ставитъ превосходную теплоту восточнаго богослуженія; чувствуетъ молитвенное настроеніе только въ русской церкви и не въ-рится возможности умолить Бога безъ посредства святыхъ, изъ которыхъ особенно чтить святого Николая.

Графиня Антонида заказала извѣстному тогда иконописцу Озерову образъ Мирликійскаго святителя, убрала его ризу бирюзой и брилліантами и послала графу. Въмѣстѣ съ иконою была препровождена и дорогая серебряная лампада. Графъ въ слезахъ прилетѣлъ благодарить графиню. Они оба плакали отъ умиленія. Потомъ вскорѣ графъ заболѣлъ и не хотѣлъ лѣчиться: слухи объ этомъ достигли графини, и она сама поѣхала навѣстить «друга». Другъ встрѣтилъ ее снова въ слезахъ и повелъ показывать «свою убогую келью». Тутъ графиня увидала свою икону въ высокомъ кѣлтѣ, предъ которымъ стоялъ аналой и горѣла подаренная графиней лампада. Графиня Антонида была взволнована, а графъ еще болѣе ее растрогалъ, сказавъ, что онъ никому не дозволяетъ касаться этой лампады и зажигаетъ ее самъ... Мало этого, говорить, будто старый грѣхпроводникъ, прося снисхожденія своему чудачеству, открылъ графинѣ, что святитель Николай есть единственный его врачъ, а горящая предъ иконою святого лампада единственная аптека.

— Другъ мой! — воскликнула со слезами графиня: — развѣ это чудачество? Вотъ это только и есть вѣра и награда!

Графиня Антонида всегда соединяла *«вѣру съ наградою»*, и это въ такой степени прямо относилось къ главнымъ заботамъ ея жизни, что она даже хлопотала объ учрежденіи въ Россіи особаго знака отличія за *вѣру*, и удивлялась холодности, съ какою въ высшихъ инстанціяхъ отклоняли ея представленія объ орденахъ вѣрныхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ графъ явилъ ей вѣру свою во всеобщій блескъ, графиня только и думала о томъ, чтобы наградить его и въ то же время спасти его драгоценную душу присоединеніемъ ее отъ ереси Лютера ко греко-восточному православію. Съ этою цѣлію графиня возила его въ пустынь Св. Сергія за Петербургомъ и къ чудотворцамъ Великаго Новгорода и даже на Валаамъ... Графъ всюду фдздить и вездѣ усердно молился и блюлъ, въ присутствіи графини,

посты, отъ которыхъ былъ свободенъ по уставамъ своей церкви, и даже, соревнуя другимъ фаворитамъ графини, начиналъ обличать замѣчательное для тогдашняго времени знакомство съ византизмомъ. Будучи немножко музыкантъ, онъ скоро научился отличать настоящіе восточные напѣвы отъ безстыльныхъ нововведеній Сарти, которыми незадолго передъ тѣмъ такъ основательно была перепорчена наша церковная музыка и выправленіемъ которыхъ въ это время занимался Бортнянскій. Графъ даже самъ написалъ трехголосную Херувимскую, модуляціи которой развивались изъ анакреонтическихъ напѣвовъ, сохранившихся по преданію въ пѣсняхъ пасхальнаго канона. Злые языки увѣрили, будто графъ заказалъ эту Херувимскую какому-то музыкальному еврею въ Вѣнѣ, но никто точныхъ сиравокъ объ этомъ не наводилъ, да онѣ и не требовались, а весьма недурно поддѣланная вѣнскимъ евреемъ Херувимская прекрасно исполнялась петербургскими пѣвчими на клиросѣ домовоіи церкви графини Антониды... Словомъ, хотя при графинѣ Антонидѣ всякій старался если не быть, то казаться богомольнымъ и вѣрующимъ, чтобы «хватить ея благодати» (какъ это говорили тогдашніе циники), но никому не удавалось «хватить» такъ, какъ графу Василью Александровичу: онъ былъ всѣхъ вѣрующѣе и потому былъ всѣхъ ближе и всѣхъ дороже графинѣ. Отсюда легко понять, какъ больно ей было, что душа этого человѣка все-таки будетъ мучиться въ адѣ, такъ какъ графиня *по своей вѣрѣ* знала, что лютеранъ непремѣнно стонать въ адѣ и въ другое мѣсто мѣшаться не можетъ.

Графъ ничего не приводилъ въ опроверженіе этого мнѣнія: онъ, повидимому, и самъ раздѣлялъ опасеніе понасть въ адъ, но только онъ не могъ перемѣнить вѣры, потому что имѣлъ такой взглядъ, что честный человѣкъ обязанъ жить и умереть въ той религіи, въ какой онъ родился. Этимъ честный человѣкъ будто бы оказываетъ достаточное уваженіе религіи своихъ отцовъ, которой затѣмъ онъ можетъ въ сущности не держаться и даже издѣваться надъ тѣми, кто ее держитъ... Выходила извѣстная безтолковщина, которую, впрочемъ, люди равнодушные къ вопросамъ совѣсти называютъ «правилами».

Отступленіе отъ этихъ правилъ графъ считалъ позволительнымъ только въ томъ единственномъ случаѣ, когда для

человѣка возникаютъ новыя обязательства къ существамъ, съ которыми онъ долженъ искать полного единенія, для которыхъ человѣкъ обязанъ «оставить отца и мать». Такое существо, разумѣется, жена. Высоко ставя принципъ семейный, графъ говорилъ, что онъ считаетъ въ высшей степени вреднымъ, чтобы члены одной и той же семьи держались разныхъ религіозныхъ взглядовъ и принадлежали къ разнымъ церквамъ.

Было ясно, что для пріобрѣтенія этого человѣка существовало одно средство—женить его на православной дѣвушкѣ; но, къ сожалѣнію, графъ находилъ эту мысль уже слишкомъ для себя запоздалою, такъ какъ онъ былъ вдовъ и ему было уже около пятидесяти лѣтъ.

Сколько разъ ни наводила графиня Антонида разговоръ съ графомъ на эту тему, онъ былъ непреклоненъ и съ серьезною скромностію указывалъ на то, что его сынъ отъ перваго брака готовился надѣть эполеты.

Свое ухаживанье за княгиней Варварой Никаноровной, а тѣмъ болѣе свое неудачное сватовство къ ней графъ, разумѣется, хранилъ въ глубочайшемъ секретѣ—объ этомъ никто не зналъ, кромѣ бабушки, а та была скромна не менѣе самого графа. Да притомъ, можетъ-быть, если бы княгиня объ этомъ и проговорила, то ей едва ли бы повѣрили. Въ тотъ разъ, при покушеніи на руку твердой и самостоятельной княгини, графъ не могъ имѣть никакихъ пособниковъ: тамъ онъ долженъ былъ дѣйствовать самъ, но теперь онъ держался иной, болѣе безопасной тактики. Графъ предоставлялъ до всего додуматься графинѣ Антонидѣ и ей же дарилъ весь починъ дѣла: она должна была вызнать мысли княжны, внушить ей симпатію къ этому плану; забрать ее на свою сторону и, увѣрись, что княжна въ случаѣ рѣшительнаго вопроса дастъ рѣшительный же отвѣтъ въ желанномъ духѣ, графъ предоставлялъ Хотѣтовой упробить и уговорить его на этотъ бракъ; а ему тогда останется только согласиться или не согласиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Планъ оказался вѣренъ во всѣхъ деталяхъ, а исполнители его своею смѣлостью и тактомъ превзошли всѣ ожиданія прозорливаго графа. О княгинѣ во всѣ звоны звонили какъ о женщицѣ тяжелой, злой и даже вольнодумкѣ: поло-

женіе ея дочери представлялось страдальческимъ и взывающимъ къ защитѣ... Самъ графъ во весь этотъ промежутокъ, повидимому, былъ такъ далекъ отъ всей затѣи, какъ только можно было себѣ представить: онъ даже рѣже чѣмъ прежде бывалъ теперь у Хотѣтовой, но зато чаще посѣщалъ княгиню Варвару Никаноровну, которая съ пылкимъ восторгомъ повѣряла ему свои радости, заключавшіяся въ открытіи ею Червева.

Графъ, къ чести его сказать, умѣлъ слушать и умѣлъ понимать, что интересуетъ человѣка. Княгиня находила удовольствіе говорить съ нимъ о своихъ надеждахъ на Червева, а онъ не разрушалъ этихъ надеждъ и даже частію укрѣплялъ ихъ. Я увѣрена, что онъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно искрененъ. Какъ нѣмецъ, онъ могъ интриговать во всемъ, что касается обихода, но въ дѣлѣ воспитанія онъ не сказалъ бы лживаго слова.

Словомъ, княгиня во все это время находилась съ графомъ въ лучшихъ отношеніяхъ, а межъ тѣмъ вокругъ ея широко облегалась ловкая интрига, которой бабушка рѣшительно не замѣчала. Но зато, каково же было ея изумленіе и негодованіе, когда все это перестало таиться, и вдругъ выступило на нее въ атаку.

Бабушка была взята врасплохъ: это случилось на больномъ званомъ вечерѣ, гдѣ были и княгиня, и ея дочь. Сватъ, о которомъ въ домѣ Хотѣтовой было сказано, что «ему никто не отказывасть», подошелъ къ княгинѣ съ улыбкой и сказалъ:

— Я къ вамъ сватомъ, княгиня, — чтобы смягчить значеніе этихъ словъ, онъ добавилъ извѣстную простонародную фразу: — у васъ товаръ, у меня купецъ.

Княгиня была поражена этою неожиданностію. Дочери возлѣ нея въ эту минуту не было: она танцевала въ залахъ.

Княгиня, стоя передъ тѣмъ, кто говорилъ съ нею, глядѣла въ его лицо и читала по его глазамъ, что ему на нее что-то наговорено: въ ласковыхъ и немного скучающихъ глазахъ чуть замѣтно блестѣли извѣстные холодные блики.

Бабушка отвѣчала тою же простонародною рѣчью:

— По засылу суди гость товара достойнѣе; но живой товаръ долженъ самъ говорить.

— Дочь ваша согласна: попросите сюда княжну.

Взволнованная рѣзвымъ танцемъ княжна предстала; ее

спросили: она была согласна? Кто же был женихъ? Княгиня видѣла Функендорфа и не вѣрила своимъ глазамъ. Ей казалось, что ее обманываютъ разомъ все ея чувства, что все это не дѣйствительность, а какой-то недѣльный сонъ, въ которомъ и она бредила и тещеръ бредить все, сѣгна приносить свои поздравленія ей, княжнѣ и Функендорфу.

Но это не былъ сонъ: это была самая существенная дѣйствительность, всю силу и все значеніе которой княгиня исполнѣ ощутила только тогда, когда, измученная своею ролью въ продолженіе вечера, она сѣла въ карету и, обхвативъ руками голову дочери, прижала ее къ своей груди и зарыдала.

Княжна была гораздо покойнѣе, — это и было понятно: бабушка искала во всемъ, что случилось, своей вины, а княжна не видала въ случившемся ничего, кромѣ торжества своей правоты и окончанія своего житья въ домѣ, котораго *все* порядки не нравились ей, утомили ее и впереди не обѣщали ей ничего, кромѣ того же недовольства. Княгиня видѣла въ неожиданномъ сегодняшнемъ происшествіи страшное коварство, которое не пощадило ничего, а княжна видѣла во всемъ этомъ благородное заступничество за ея тяжелую долю; княгинѣ былъ эстетически противенъ поступокъ чловѣка, который метался съ своею рукой отъ нея къ дочери; княжна этого обстоятельства даже не подозрѣвала и притомъ не могла и оцѣнить всей важности шага, на который дала свое безповоротное согласіе.

— Настя! другъ мой! — проговорила княгиня, сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ: — насъ разлучаютъ...

Княжна тихо заплакала.

— Тебя обманули, Настя... меня обманули... насъ всѣхъ обманули!

— Кто, мама? — прошептала княжна.

— Не знаю, не знаю кто; но обманули.

И княгиня, выпустивъ голову дочери, закрыла руками лицо и снова зарыдала въ платокъ.

— Не знаю кто, — продолжала она, немножко успокоясь, черезъ минуту: — тебѣ это, можетъ-быть, больше извѣстно.

Съ этимъ словомъ княгиня вдругъ круто оборотилась въ сторону дочери: та сидѣла, прижавшись въ углу кареты, и послѣ нѣкоторой паузы тихо выговорила:

— Я ничего не знаю.

Въ тонѣ этого отвѣта не было никакой искренности, — онъ звучалъ фальшью.

— Ты жаловалась на меня кому-нибудь?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть теткѣ... графинѣ Антонидѣ Павловнѣ?

— Нѣтъ, мама, — я ничего не говорила графинѣ.

Бабушка снова привлекла къ себѣ княжну и, вздохнувши, поцѣловала ее въ лобъ, въ глаза и въ губы и перекрестила: она какъ нельзя яснѣе слышала, что дочь лжетъ, но ни о чемъ ее болѣе не разспрашивала.

Карета остановилась у подъѣзда, и онѣ вошли въ странное *entrée* и рядомъ поднялась на лѣстницу.

Перейдя залъ и гостинныя комнаты, княгиня остановилась у дверей своей спальни и спросила:

— Ты устала, Настя?

— Да, мама.

— Такъ прощай; иди въ свою комнату.

— Перекрестите же меня.

— Ахъ, да: прости меня.

Она подошла къ своему образнику, вынула оттуда небольшой серебряный складень и, благословивъ имъ невѣсту, сказала:

— Возьми это къ себѣ: передъ этимъ складнемъ отецъ твой молился за часъ до смерти: молись и ты, — молитва очищаетъ сердце.

Съ этимъ бабушка благословила дочь образомъ, поцѣловала ее въ голову и, отколовъ бѣлую розу съ ея груди, помѣстила цвѣтокъ въ образникъ на мѣсто, откуда былъ снятъ складень.

У княжны снова блеснули слезы: она обняла мать и, поцѣловавъ ее, вышла, держа въ одной рукѣ зажженую свѣчу, а въ другой складень.

Княгиня все молча стояла и все глядѣла на дверь, въ которую вышла дочь.

Душевное состояніе бабушки было, вѣроятно, очень тяжело, — она о немъ никому ничего не говорила, но о немъ можно было судить по цѣлому ряду не совѣмъ правильныхъ и вовсе необдуманныхъ *нервныхъ дѣйствій*, выразившихся въ слѣдующемъ.

Княгиня, во-первыхъ, по словамъ Ольги Федотовны, долго стояла на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ перекрестила

дочь и отдала ей складень. Во все это время она была какъ въ столбнякъ: она не сводила глазъ съ двери и не слыхала, какъ Ольга Ѳедотовна два раза предлагала ей раздѣваться.

Потомъ она безъ всякой видимой причины вдругъ сильно вздрогнула, такъ что даже покачнулась на мѣстѣ и, замѣтивъ при этомъ Ольгу, окинула ее строгимъ взглядомъ и сказала:

— Что ты здѣсь... подсматриваешь, что ли, за мною?

— Я жду раздѣть васъ.

— Хорошо; я раздѣнусь.

И когда Ольга Ѳедотовна приступила дѣлать бабушкины почной туалетъ, та, стоя къ ней спиной, всплеснула руками и, сжавъ ихъ у себя на темени, громко воскликнула:

— Тяжело, Господи, пощади! — и съ этимъ опустилась въ кресло.

Черезъ минуту она, совсѣмъ раздѣтая, перешла комнату и, упавъ въ постель, велѣла унести свѣчу. Но чуть Ольга вышла, бабушка постучала ей въ стѣну. Ольга возвратилась и стала въ ногахъ кровати. Княгиня, не оборачиваясь отъ стѣны, проговорила:

— Ты знаешь новость?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Наня княжна выходитъ замужъ.

Ольга Ѳедотовна не спросила, кто женихъ, но бабушка сама ей это пояснила:

— Княжна выходитъ за графа Функендорфа. Слышишь?

— Слышу-съ.

— Нравится тебѣ это?

Ольга молчала.

— Старому коту молоденькая мышка... Знать, и старыя коты ловки.

Ольга мнѣ рассказывала:

— Я послѣ этого такъ потихоньку и вышла, но и я всю ночь не спала и слыхала, что и она ни на минуту не заснула, и утромъ раньше меня встала и пресердитая. Я знала, что съ ней въ это время нельзя бы разговаривать и побѣжала къ княжнѣ, чтобы узнать, что сталося? А княжна тоже, какъ были вчера одѣты, такъ только платье сбросили, такъ и спать на кроваткѣ. Я, здѣсь ничего не узнавши, да бѣгу къ Патрикѣю Семенычу, чтобы съ его умомъ по-

совѣтоваться, да какъ разъ въ угольной наскочила, что княгиня,—чего никогда не бывало,—въ утреннемъ капотѣ стоять, а передъ ними бѣдный Жигонка и на колѣняхъ вертится, и ручонки ломаетъ, и къ небу таращится и самъ плачетъ.

— Экскюзэ, муа! кричить,—экскузе!

Я, разумѣется, догадалась, что тутъ уже не насчетъ здоровья, а что-нибудь поважнѣе,—взяла да за дверь спряталась, а какъ она Жигошу отпустила, а я его въ коридорчикѣ и изловила за рукавъ и говорю:

— Чтò ты, пальной, сдѣлалъ?

— Ахъ, говорить, — шеръ Ольга Федотъ, я самъ теперь наплѣтъ, валекъ и деревянная баба: я письмо носилъ.

— Какое ты письмо, куда носилъ?

— Много, много письма носилъ.

— Да куда, отъ кого, безтолковая голова?

— Отъ пренсессъ...

Я разсердилась.

— Ахъ, говорю, — ты шелануть! Педаромъ, говорю, — видно Патрикѣй Семенычъ говорилъ, что ты почтальонъ,— вотъ такъ и вышло! Да какъ же, говорю,—ты это посмѣлъ сдѣлать? Вѣдь тебя за это сейчасъ со двора долой, да ещеansomъ приуськнуть. Развѣ это можно, чтобъ отъ дѣвицы къ мужчинѣ письма переносить?

Но онъ забожился:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говорить,—шеръ Ольга Федотъ,— не къ мужчинѣ, а къ графинь.

Я догадалась, что это къ Хотѣтовнѣ, и стала спокойнѣе,—только спросила его:

— Простила ли тебя княгиня?

Онъ говорить:

— Простила, но только, говорить,—я теперь послѣ такой революцій,—экскузе.

— Ну, молъ, бѣжи скорѣе да поменьше нынче съ дѣтьми-то у ней на глазахъ вертись, — нынче здѣсь еще много грому будетъ.

Онъ залоноталъ: «все понимай, все понимай, экскузе!» и убѣжалъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ольга Федотовна была хорошій барометръ для опредѣленія домашней атмосферы: она какъ нельзя болѣе основа-

только предсказывала грозу и папрасно старалась отвести ее своими отводами, въ родѣ совѣтовъ, данныхъ ею Gigot и увѣщаній «не сердить княгиню», нашентанныхъ по всему дому. Бабушка, сознаваяся вчера съ вечера самому Богу, что ей очень тяжело, была слишкомъ наэлектризована вчерашнимъ происшествіемъ и не могла не разразиться. Утрепшее признаніе, которое она вырвала у Gigot, еще болѣе увеличило зарядъ: Gigot сознался, что онъ каждое воскресенье, уходя къ компатріотамъ, носилъ какія-то письма отъ княжны къ Хотѣтовой. Что онъ дѣлалъ это не изъ интриганства, не изъ корысти и вообще не изъ какихъ-нибудь другихъ дурныхъ побужденій, а *par lapitié*. Этому княгиня вполне вѣрила и это, дѣйствительно, такъ и было, но тѣмъ не менѣе она открыла, что за нею въ ея собственномъ домѣ было устроено систематическое шпионство, и кому же оно понадобилось? ея собственной дочери... Какъ это ни принимай, а не могло же это не оскорблять ее... Она вѣрно сообразила, чьи пружины могли тутъ дѣйствовать, и потому-то прямо взяла утромъ на допросъ поставленнаго къ ней въ домъ графомъ m-г Gigot, а не кого бы то ни было другого. Во всѣхъ другихъ она была увѣрена и подобное дѣло *par la pitié* могъ сдѣлать по своему безразсудству только одинъ Gigot.

Княгиня и въ эти минуты высшаго раздраженіяшла въ себѣ столько справедливости, что, взвѣсивъ поступокъ бѣднаго француза, простила его и даже запретила ему представить доказательство, кѣмъ онъ былъ склоненъ къ этому. Но зато тотъ, кто всему этому былъ причиною, могъ ожидать себѣ хорошей встрѣчи, и онъ ее такъ и дождался.

Княжна Анастасія въ этотъ день долго не выходила изъ своей комнаты. Она поздно проснулась и не совсемъ хорошо себя чувствовала. Бабушка навѣстила дочь въ ея комнатахъ и, найдя, что у княжны что-то въ родѣ лихорадки, посовѣтовала ей не выходить до обѣда, а если захочетъ, то и весь день провести у себя.

Княжна очень этого хотѣла и потому съ радостью воспользовалась материнскимъ дозволеніемъ остаться сама съ собою. Ей было о чемъ подумать, но, впрочемъ, о чемъ она думала, это теперь все равно.

Княгиня вышла въ пріемныя комнаты одна и сѣла, по

обыкновенію, съ своею работою. Безъ работы она никогда не оставалась и потому въ тонѣ, или не въ тонѣ было работать при гестяхъ, это ее не озабочивало. Итакъ, княгиня сидѣла тихо, задумчиво, работала молча и, повидимому, была даже покойна. Она приняла нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ ее поздравить, и ко всѣмъ она была ласкова и привѣтлива, такъ что пріемъ ея дышалъ даже особенною тихостію и теплою; она, повидимому, ни въ чьихъ словахъ не слыхала никакой ироніи и насмѣшки, и всѣхъ только сдерживала на сокращеніи благожеланій:

— Будетъ, будетъ, — вѣрю... благодарю, — отвѣчала она, усаживая гостя.

Но все это была только тишина передъ бурей. Чуть только въ длинной анфиладѣ открытыхъ комнатъ показалась импозантная фигура графа Функендорфа, по лицу бабушки заходили розовыя пятна, — однако она и на этотъ разъ себя сдержала и отвѣчала графу поцѣлуемъ въ щеку на его поцѣлуй ея руки, шутливо молвивъ:

— Я, любезный зять, васъ раньше ждала, — и она прикусила слегка нижнюю губу и внимательно слушала, пока Функендорфъ извинялся, что его утромъ звали въ кабинетъ по важному дѣлу.

— Я пошутила: вы человѣкъ дѣловой, — отвѣчала, обращаясь къ другимъ, княгиня.

Она не вѣрила слышанной отговоркѣ и мысленно искала настоящей причины, для чего графъ, сыгравъ съ ней вчерашнюю штуку, не пріѣхалъ къ ней ранѣе всѣхъ утромъ, чтобы объясниться безъ свидѣтелей, а, напротивъ, оттянулъ свиданіе? Но причина эта не замедлила объясниться: вслѣдъ за графомъ вдали той же анфилады показалась графиня Антонида Павловна. Бабушка догадалась, что графъ и графиня условились съѣхаться... Конечно, графъ хотѣлъ держаться за графинею, какъ за ширмою, и только немножко неосторожно опередилъ ее, или та, противъ уговора, замѣшкалась.

Варвара Никаноровна, замѣтивъ гостью, встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу.

Графиня Антонида была чинна и отъ нея холодкомъ такъ и повѣвало; впрочемъ, въ общемъ всегда мало измѣнявшійся видъ ея имѣлъ въ себѣ на этотъ разъ нѣчто торжественное: ея коски на вискахъ были словно круче,

одутловатыя щечки подъ смуглою кожею горѣли румянымъ подсвѣтомъ, изумительной чистоты руки сверкали отъ гладкости, а каленое платье погромыхивало. Графиня шла не одна: за нею сзади двигались двѣ покровительствуемыя дамы изъ ея придворнаго штата: онѣ несли большую и, повидимому, довольно тяжелую роскошную корзину, покрытую широкимъ кускомъ бѣлаго батиста.

Бабушка поняла, что эти дамы, при участіи которыхъ подносится подарокъ, тоже здѣсь для ширмъ, для того, чтобы всѣмъ этимъ многочисленнымъ защититься отъ бабушкиной рѣзкости. Княгинѣ это даже стало смѣшно и бродившія у нея по лицу розовыя пятна перестали двигаться и стали на мѣстѣ. Теперь она сходилась лицомъ къ лицу съ этой женщиной, которая нанесла ей такой нестерпимый ударъ.

Та первая подала бабушкѣ руку, но взглянула ей не въ лицо, а черезъ плечо, далѣе. Она, очевидно, искала глазами княжну, но, не видя ея, должна была начать разговоръ съ княгинеею:

— Извини... я думала: для такихъ минутъ... ты не осерднись...

Княгинѣ, кромѣ мужа и родителей, да крестьянъ, никто, никто не говорилъ *ты*, — это была первая попытка ввести такую форму въ обращеніи съ бабушкою, и бабушка это снесла и отвѣчала графинѣ Антонидѣ съ *ои*.

— Сердиться? мнѣ?.. за что? Я рада...

— Что дочь? — продолжала Хотѣтова, небрежно роняя слова и осматривая присутствующихъ: — я, извини меня... хотѣла васъ поздравить...

— Я васъ благодарю, и снова...

— Да; не безпокойся... я утромъ съѣздила къ обѣднѣ... помолилась... смотрѣла васъ по церкви, да не видала... Неужто не были? Потомъ заѣхала, взяла... тутъ кой-какія бездѣлушки... для невѣсты... Позволишь?

— Сколько вамъ угодно.

— Но гдѣ же она? княжна-то?..

— Она, тамъ... у себя.

— Что, нездорова?

— Да.

— Такъ я туда... Надѣюсь можно?

— О, конечно.

Графиня тронулась въ сопровожденіи своихъ ассистентокъ и бабушки; гости, види недосугъ хозяйки, окружили графа съ поздравлениями, которые тотъ съ этой поры позволялъ приносить себѣ.

Эти гости были здѣсь такъ оживлены и веселы, что имъ показалось, будто княгиня Варвара Никаноровна просидѣла со своею гостью у дочери всего одну минуту, но зато при возвращеніи ихъ никто бы не узналъ: ни эту хозяйку, ни эту гостью, — даже ассистентки графини сморщились какъ сморчки и лѣтели за графиню, которая пронеслась стремглавъ и, выкативъ за порогъ гостиной, обернулась, обшаркнула о коверъ подошву и сказала:

— Я отряхаю прахъ.

Затѣмъ она снова повернулась и вышла.

Княгиня ее не провожала: она молча сидѣла въ углу дивана и тяжело дышала, теребя въ рукахъ вѣеръ.

Гости переглянулись и одинъ по одному тихо вышли. Княгиня ихъ не удерживала. Она осталась вдвоемъ съ графомъ, который тоже не совсѣмъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не зналъ, что дѣлать съ разгнѣванной княгиней. Онъ, я думаю, былъ только очень радъ, что опъ женится не на ней, а на ея дочери.

— Что случилось? — прошепталъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ шопотомъ.

Княгиня не отвѣчала и продолжала обмахиваться вѣеромъ.

Графъ, переждавъ минуту, повторилъ вопросъ.

— Случилась вещь простая, — отвѣчала бабушка: — я не люблю, чтобы меня унижали, когда я этого не желаю...

— Васъ унижать... кто это можетъ?

— Вѣтъ... графиня...

— Графиня!

— Да; она благочестива... я не спорю: я грѣшница и не сузу людей... Она мнѣ здѣсь ни слова не сказала, что свадьбу надо скоро... Вашъ сватъ васъ хочетъ самъ благословить?

Графъ самодовольно покраснѣлъ и поклонился.

— Что же? къ его отъѣзду у меня все будетъ готово; по графинѣ и этого казалось мало... за меня рѣшать и всѣмъ распорядиться... она при дочери мнѣ стала говорить, что я должна бѣ сегодня ѣхать въ церковь... Она была, а я...

— Зачѣмъ это ей?

— Не знаю, право... но я мать: зачѣмъ меня ронять при дѣтяхъ? Я ей отвѣтила, что тоже утромъ занималась: она молилася за Настеньку, и вкладъ монастырю дала, а я писала управителю, чтобы онъ голоднымъ хотѣтовскимъ мужикамъ безматно по четверти хлѣба на сѣмена роздалъ за Настино здоровье... всякій, значить, свое сдѣлалъ...

— И вы ей это сказали?

— Да; а что же: развѣ это обидно?

— Гм... нѣтъ... разумѣется: но ей это всегда неприятно про голодныхъ...

— Очень вѣрю, графъ... голодные мужики очень неприятны, но и мнѣ, графъ, тоже многое очень неприятно...

Тотъ склонилъ голову и пожалъ плечами.

— Очень, очень, графъ, неприятно, но я стараюсь все перенести; и я отдаю вамъ, графъ, мою дочь; и я дамъ, графъ, моей дочери не только все, что ей слѣдуетъ, но и то, чего не слѣдуетъ; я, графъ, дамъ все, что только могу отдать.

Графъ склонился еще ниже и прильнулъ губами къ рукамъ княгини.

— Все, все дамъ, графъ; много дамъ: все вамъ къ одной межѣ... Имѣнья хорошія... земля какъ бархатъ, угоды водныя, лѣса и мужики исправные, въ зажитѣ...

Говоря это свободнымъ и громкимъ голосомъ, княгиня все крѣиче и крѣиче сжимала руки графа и при послѣднихъ словахъ еще усилила это пожатіе и, понизивъ тонъ, добавила:

— Но если, графъ, ваша, слинкомъ молоденькая для васъ, жена когда-нибудь вами наскучитъ и въ другую сторону взглянетъ, то ужъ тогда я вамъ помочь буду не въ силахъ, а вы къ графинѣ Хотѣтовой обратитесь, — пусть она о васъ поможется.

Съ послѣднимъ словомъ бабушка презрительно выбросила руки графа и, оставивъ его посреди гостиной, ушла во внутренніе покои.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Этимъ взрывомъ княгиня облегчила свою обиду и весь остальной день просидѣла въ гораздо болѣе спокойномъ состояніи, а вечеромъ въ домѣ произошла исторія, которая

се даже заставила разсмѣяться: дѣло въ томъ, что Gigot имѣлъ неосторожность разсказать о своемъ проступкѣ Рогожину, а тотъ началъ дѣлать ему внушенія, окончившіяся тѣмъ, что они подрались. Бабушка вбѣжала на страшный крикъ въ столовую и застала, что французъ и Донкихоть, вооруженные мѣдными прутьями изъ оконныхъ шторъ, съ страшнымъ крикомъ гонялись другъ за другомъ вокругъ обѣденнаго стола. Взглянувъ на эту катавасію, сейчасъ же можно было понять, что Рогожинъ нападаетъ, а Gigot отъ него спасается: Рогожинъ, дѣлая аршинные шаги и сверкалъ глазами, хрипѣлъ: «шпiонъ! шпiонъ!» а Gigot весь красный катился впередъ, какъ шаръ, и оралъ отчаяннымъ голосомъ: «исво-о-оши-къ!»

Увидѣвъ вошедшую въ столовую княгиню, Gigot тотчасъ же бросился подъ ея защиту.

Бабушка разсмѣялась и, скрывъ Gigot у себя за спиною, огородила его своими руками и сказала Рогожину:

— Не стыдно ли тебѣ: за что ты его душишь?

Донкихоть, ничего не отвѣчая, только тяжело дышала, сверкая своимъ изумруднымъ глазомъ, а Gigot весь трясся и держался дрожащими руками за бабушкино платье.

— Помиритесь сейчасъ! — сказала княгиня. — Слышите? сейчасъ помиритесь: я этого требую.

При словѣ «требую» Gigot выступилъ впередъ и, восклицая: «A la bonne heure», кинулся съ объятіями къ Рогожину, но тотъ отодвинулся назадъ и, высоко поднявъ голову, прошипѣлъ:

— Я съ шпiонами не мирюсь.

Княгиня насилу убѣдила Рогожина, что Gigot въ извѣстномъ происшествіи отнюдь не былъ подкупной шпiонъ, а только игралъ глупую роль, и заставила враговъ поцѣловаться. Gigot исполнилъ это охотно, но Рогожинъ только едва подставилъ ему сухо свою щеку. Послѣ всего этого бабушка велѣла ихъ *проводить* каждаго въ свою комнату, и Патрикѣй свелъ Донкихота, а Ольга отвела Gigot.

Однако, тѣмъ дѣло не кончилось. Доримедонтъ Васильичъ, убѣдясь, что «съ бараньей ляжки» взыскивать нечего, считалъ себя призваннымъ отметить графинѣ Антонидѣ и графу, и онъ привелъ это въ исполненіе. Первой онъ написалъ «памфлетъ» и принудилъ того же Gigot доставить этотъ памфлетъ въ запечатанномъ конвертѣ самой графинѣ.

Онъ это поставилъ французу необходимымъ условіемъ для его цѣлости, безъ чего грозился, въ удобное время, отдуть его, когда княгини не будетъ дома.

— Ты знай, — говорилъ онъ: — что если ты и половину шпионъ, или три четверти шпионъ, а можетъ-быть и цѣлый, но все-таки честный человекъ тебя можетъ бить.

Gigot былъ вынужденъ исполнить требованіе Рогожина и доставилъ графинѣ конвертъ, который та и распечатала, ожидая найти въ немъ письмо отъ княжны.

Въ конвертѣ было слѣдующее шестистипіе, посвященное не то графинѣ Хотѣтовой, не то ея большому голодавшему селу Хотѣтову:

Хоть этого
Хотѣтова
Давно я не видалъ,
Но этого
Хотѣтова
Несчастій я не зналъ.

Подписано: «Сочинилъ дворянинъ Доримедонтъ Рогожинъ».

Графиня Антонида страшно оскорбилась произведеніемъ Донкихотовой музы: напоминаніе о бѣдственномъ положеніи ея мужиковъ, о которомъ она никогда не желала слушать и которымъ ей въ послѣднее время такъ часто досаждала княгиня Варвара Никаноровна, привело ее въ ярость, подъ вліяніемъ которой она немедленно же отослала письмо Рогожина къ начальнику столицы съ просьбою защитить ее отъ «нестерпимаго пахала», а вмѣстѣ съ тѣмъ позвала графа и принесла ему горячую жалобу на его тещу.

Графъ, желая примирить враждующія стороны, явился къ бабушкѣ и засталъ ее въ кабинетѣ сильно занятою: сидя за кучею бумагъ, она составляла проектъ выдѣла княжны Анастасіи. Выдѣлъ былъ, дѣйствительно, самый щедрый: бабушка, дѣйствуя какъ онекунша въ предѣлахъ предоставленной ей закономъ власти, выбирала дочери законную часть въ такихъ мѣстахъ, что часть эта, отвѣчая законнымъ размѣрамъ по объему земли и численности душъ, далеко превосходила эти размѣры дѣйствительною стоимостью. Княгиня выбирала въ приданое дочери самое лучшее и какъ можно ближе подходившее къ новымъ владѣніямъ графа: лучшія земли съ бечовникомъ по берегамъ

судоходной рѣки, старые плодовые сады, мельницы, толчеи и крупорушки, озера и заводы, конскій заводъ въ Разновильѣ и барскій домъ въ Шаховѣ. Мужики въ обоихъ селахъ все состоятельные, у которыхъ, кромѣ нарѣзныхъ помѣщичьихъ земель, бывшихъ въ ихъ обработкѣ, были еще значительныя собственныя земли, купленные ими на имя княгини, амбары въ базарныхъ селахъ и даже дома въ городахъ. Сыновей княгини этимъ выдѣломъ не боялась обидѣть, потому что, по ея мнѣнiю, имъ и такъ доставалось противъ сестры очень много, а къ тому же княгиня рассчитывала добрымъ хозяйствомъ увеличить ихъ состоянiе къ тому времени, когда они придутъ въ совершенный возрастъ. Кромѣ того, княгиня посягнула для «нелюбимой дочери» на свою собственную часть: чтобы соединить выдѣляемыя ей поля, бабушка рѣшила просить собственнаго выдѣла съ тѣмъ, чтобы при новой нарѣзкѣ соединить интервалы дочернихъ полей насчетъ своей вдовой части.

Графъ, препожаловавъ съ жалобою графини Антонида на Донкихота, засталъ бабушку уже при концѣ ея работы, которую оставалось только оформить актуальнымъ порядкомъ, для чего тутъ передъ княгинею и стояли землемеръ и чиновникъ. А потому, когда княгини доложили о графѣ, она велѣла просить его въ кабинетъ и встрѣтила его словами:

— Вы кстати, графъ: взгляните, что я отдѣляю Настенькѣ изъ отцова и моего состоянiя.

И она положила передъ графомъ реестры и планы съ проведенными на послѣднихъ линiями проектированнаго надѣла.

Графъ, разумѣется, не имѣлъ времени разсмотрѣть все въ подробности, но линiи, проведенныя на планахъ, убѣдили его, что онъ получаетъ за женою много, такъ много, какъ онъ не ожидалъ и сколько ни въ какомъ случаѣ не могъ бы взять, если бы женился не на княжнѣ, а на самой княгинѣ.

Онъ опять повторилъ свои благодарности и поцѣловалъ руку тещи, а княгиня дала знакъ чиновнику и землемеру взять бумаги и сдѣлать, какъ сказано. Когда тѣ вышли, она спросила:

— Цовольны ли вы мною, графъ?

— О, княгиня!..

— Право, не знаю, но мнѣ кажется, что я своей дочери не обидѣла?

— Итъ, Боже мой! кто говорить, чтобы вы кого-нибудь могли обидѣть...

— Отчего же?.. человекъ, какъ всѣ... могу и я грѣшнить и ошибаться, но только я не люблю быть долго виноватою и если кого обижу, люблю поскорѣй поправиться: проину прощенія.

— Княгиня, вы меня радуете.

— Радую!

— Да, княгиня... я не зналъ, какъ съ вами заговорить, а вы мнѣ это облегчили.

— Что такое? о чемъ вы со мною не знали какъ заговорить?

Графъ оглянулся и прошепталъ:

— Мы одни, княгиня?

— Никто чужой насъ не слышитъ,—говорите.

— Графиня Антошида Павловна... Вотъ чуть я ее назвала, вы уже, кажется, и сердитесь?

— Нимало итъ.

— Графиня Антонида Павловна ужасно обижена... и... право, я не знаю, какъ вамъ про это рассказать...

— Да говорите просто: она обижена; ну кто ее обидѣлъ: я?

— Не вы, но... Вы вѣрно слышали, на нее написанъ скверный памфль...

— Фу! Итъ, я ничего ни про какіе памфли не хочу знать.

— Но досадно то, что памфль вышелъ отсюда....

— Откуда, графъ?

— Изъ вашего дома, княгиня.

Бабушка помахала, по своему обыкновенію, отрицательно пальцемъ и, въ глубокой увѣренности въ своей правотѣ, отвѣчала:

— Итъ, графъ, это неправда, этого быть не можетъ.

Но графъ вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана и подаль бабушкѣ копію съ известнаго намъ стихотворенія Рогожяна.

Княгиня пробѣжала бумажку и, насушивъ брови, еще разъ перечитала ее вслухъ:

— «Хоть этого Хотѣтова, но эятого Хотѣтова»,—Держа-

винъ острѣй писалъ. А, впрочемъ, позвольте мнѣ, графъ, узнать, что мнѣ за дѣло до «этого Хотѣтова и этого Хотѣтова»; съ какой стати вы сочли своимъ долгомъ мнѣ это доставить?

— Вѣдь это Рогожинъ написалъ.

— Такъ что же такое: развѣ я отвѣчаю за то, что сумасшедшій человѣкъ можетъ кому-нибудь написать?

— Вы увѣрены, что онъ сумасшедшій?

— Гм... ну, я такъ думаю, что онъ немножечко разстроенъ, а если вы иначе о немъ полагаете, вызовите его на дуэль.

— Что вы, княгиня!

— Отчего же? онъ не откажется.

— Помилуйте: да этого и графиня не захочетъ... Дуэль, которая можетъ кончиться убійствомъ... Что вы, что вы! это совсѣмъ не въ ея правилахъ.

— А если это не въ ея правилахъ, такъ не о чемъ и говорить: ругнулъ ее человѣкъ, ну и что такое: надъ Христомъ ругались. А я вамъ вотъ что скажу: я вашей графинѣ только удивляюсь, какъ она съ своею святостію никому ничего простить не можетъ.

Графъ былъ уступчивъ.

— Все дѣло въ томъ, княгиня, разумѣется... если онъ сумасшедшій,—заговорилъ графъ, но бабушка его перебила.

— Да,—сказала она:—все дѣло въ томъ, графъ, что это вздоръ, что умнымъ людямъ, графъ, стыдно обращать изъ такія вѣщи вниманіе...

— Конечно.

— Да; скажите ей, что «стыдно»: пускай беретъ примѣръ съ царицы Екатерины. Ей, чай, извѣстно, что Екатерина сочиненную на нее мерзость, не читая, разорвала и въ печку бросила. Такъ ей и скажите, а я про «этого Хотѣтова» ничего не знаю, окромя какъ то, что тамъ всѣ мужики съ сумой по-міру ходятъ... Такъ и про это скажите, графъ: стыдно на мертвыя тѣла серебряныя раки дѣлать, когда живыя голодомъ гибнуть. Они гибнутъ только потому, что не знаютъ, въ комъ сила... Я къ этому ничего не прибавлю, да мнѣ и некогда: у меня черезъ двѣ недѣли дочь замужъ выходитъ: будетъ съ меня этихъ хлопотъ безъ графини Антонины Павловны; а она пусть смирится,—люди большія обиды сносятъ и не жалуются. А теперь про-

щайте: тамъ обойные мастера ждуть. Вы ко мнѣ кушать прїѣзжайте.

И княгиня, извинясь, не пошла провожать графа, а направилась къ другимъ дверямъ; она хотѣла какъ можно скорѣе призвать Рогожина и дать ему добрый напругай, а можетъ-быть даже склонить его какъ можно скорѣе къ тому, чтобы онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

— Совсѣмъ не то время теперь и не то мѣсто, чтобы еще здѣсь распутывать его глупости, размышляла княгиня, которой вдругъ пришло въ голову, что «аракчеевцы», ища повсюду особыхъ случаевъ, того и гляди рады будутъ этому вздору и навлекутъ на бѣднаго дворянина небывалое обвиненіе, что онъ-де не только пашквилянтъ на благородное сословіе, но еще и пашквили его имѣютъ дурное вліяніе: могутъ служить къ подрыву помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми.

— Нѣтъ, лучше всего его за добра ума выпроводить отсюда, хоть не туда... не совсѣмъ домой, потому что онъ тамъ подъ судомъ. а...

Но въ это время до слуха ея долетѣлъ страшный ударъ, отъ котораго задрожали стѣны дома: можно было думать, что упало какое-то грузное, тяжелое, массивное тѣло...

— Вѣрно большая люстра оборвалась, или статуя съ хоръ упала!—подумала княгиня и, быстро выбѣжавъ въ дверь, увидала, что въ залѣ Патрикїй поднималъ графа, который никакъ не могъ встать на ноги.

Бабушка кинулась къ пострадавшему съ вопросомъ:

— Что съ вами, графъ?..

— Я, кажется, ногу сломалъ,—отвѣчалъ графъ, дѣлая неудачную попытку стать на ногу.

— Скорѣе доктора и костоправа! но какъ вы здѣсь могли упасть?

И княгиня, оглянувъ комнату, тутъ только замѣтила, что длинная ковровая дорожка, лежавшая черезъ весь залъ, была до половины сдернута и въ дверяхъ, куда ее стянули, стоялъ Рогожинъ.

— Уйди ты, ненавистный!—крикнула ему княгиня, направляясь вслѣдъ за людьми, которые внесли графа въ одну изъ гостиныхъ и положили его на диванъ.

Графъ молчалъ, княгиня была страшно взволнована и,

наказавъ какъ можно тщательно скрыть все отъ дочери, встрѣтила костоправа со словами:

— Тысячу рублей вамъ заплачу, если большой будетъ ходить черезъ двѣ недѣли.

Костоправъ вышелъ, осмотрѣвъ ногу графа и выйдя въ залъ, чтобы велѣть подать себѣ тазъ съ взбитою мыльною пѣной, объявилъ княгинѣ, что у больного просто небольшой вывихъ и что онъ можетъ ходить черезъ недѣлю.

— Вы получите двѣ тысячи вмѣсто одной,—отвѣчала княгиня и сама присутствовала при операци, какъ графу по старинѣ намылили ногу, какъ его начали тащить люди въ одну сторону, а костоправъ намыленными по локоть руками въ другую: дернулъ разъ, два и въ третій что-то глухо щелкнуло, и графъ вскрикнулъ:

— Вы оторвали мнѣ ногу!

— Нога теперь на мѣстѣ,—отвѣчалъ костоправъ.

И дѣйствительно, графъ къ вечеру могъ уже переѣхать въ каретѣ къ себѣ, а черезъ два дня былъ на ногахъ по-прежнему молодцомъ и уже не засталъ Рогожина въ домѣ тещи. Донкихотъ былъ высланъ изъ Петербурга въ тотъ же день, какъ онъ уронилъ графа, потянувъ изъ-подъ его ногъ коверъ. Княгиня наскоро призвала его и сказала:

— Доримедонтъ Васильичъ: у меня до тебя просьба!

— А что такое?

— Уѣзжай изъ Петербурга сейчасъ... Домой не ѣзди, тебя тамъ схватятъ...

— То-то и есть.

— Да; я тебя въ Курскъ посылаю; ступай туда къ Меодію Мироничу Червеву и скажи ему, что я скоро сама къ нему приѣду и буду его просить моихъ дѣтей учить...

— Князей?

— Да; князей.

— Это хорошо: онъ знаетъ больше того, кто сто книгъ выучилъ.

— Вотъ и прекрасно: можетъ-быть онъ знаетъ какъ и съ тобой управляться, а то ты мнѣ уже здѣсь очень дорого стоишь, да и хлопотъ съ тобой не оберешься, а мнѣ теперь некогда... Вери Марью Николаевну и поѣзжайте,—се изъ Курска отправь, а самъ меня жди у Червева.

Рогожинъ потянулъ посохъ и по обыкновенію скоро заоралъ свое:

— Эй, Зинобей!

Одры и Зинка не забыли службы и черезъ часъ уже катили за заставою, держась навстрѣчу журавлей, которые, чуя приближеніе весны, летѣли на сѣверь.

Княгиня, отпавивъ этихъ гостей, успокоилась. Къ Патрикѣю, правда, являлся полицейскій узнавать, что за человекъ живетъ у нихъ подъ именемъ дворянина Рогожина, но Патрикѣй зналъ, какъ обходиться съ чиновными людьми: онъ далъ ему двадцать пять рублей и сказалъ, что это былъ изъ ихъ мѣстъ крѣпостной, въ умѣ тронутый, но его въ Вѣлые берега къ поденнымъ мощамъ отправили.

Болѣе о Рогожинѣ розысковъ тутъ не было и въ домѣ все шло какъ нельзя лучше: приданое было готово какъ по щучьему велѣнію, а графъ ходилъ молодцомъ лучше прежняго.

— Какъ должно, передъ свадьбой и у костоправа въ рукахъ побывалъ,—говорила Ольга Ѳедотовна, обрывавшая на этомъ второй періодъ Протозановской хроники.

Графъ женился на тетункѣ Анастасіи. На свадьбѣ ихъ ничего не произошло замѣчательнаго: было все пышно, хорошо, было много гостей, роздано всѣмъ много подарковъ и много денегъ. Княгиня на третій день послѣ свадьбы дала большой балъ, на которомъ допустила слѣдующее отступленіе отъ новаго этикета въ пользу старины: когда пили за здоровье молодыхъ, къ княгинѣ подошелъ Патрикѣй съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ была насыпана куча червонцевъ.

Бабушка взяла поднось и, поднеся его графу, сказала:

— Любезный зять, не осудите: вы были нездоровы немножечко: позвольте мнѣ просить васъ слѣздить съ Настей за границу—ей будетъ ново и полезно видѣть, какъ живутъ въ чужихъ краяхъ; а это отъ меня вамъ на дорогу.

Графъ долженъ былъ принять и приношеніе, и просьбу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ баломъ вскорѣ же начались сборы новобрачныхъ за границу. Графъ устроилъ такъ, что поѣздка его имѣла дипломатическую цѣль, это давало ему прекрасное положеніе при иностранныхъ дворахъ, а также и дѣлало экономію. Княгиня, узнавъ объ этомъ, сказала только:

— Значить, я ему немножко лишняго дала на дорогу, пу да Богъ съ нимъ: пусть съ легкой руки разживастся.

Княгиня была все это время очень весела и довольна и никто не зналъ, чему надо было приписать такое довольное ея состояніе? Впрочемъ, полагали, что она рада, устроивъ дочь за виднаго человѣка; но причина пріятнаго настроенія княгини была совсѣмъ иная: Варвара Никаноровна не одобряла въ душѣ брака дочери и предвидѣла отъ него впереди «много непріятнаго», но это уже было дѣло непоправимое, зато теперь, пока что случится, дѣло это давало ей передышку и увольняло ее отсюда, съ этого «нигерманландскаго болота», какъ звали тогда Петербургъ люди, побывавшіе за границую. Княгиня могла уѣхать домой въ свое теплое гнѣздышко, въ уютное, неприкосновенное Протозаново, которое казалось ей еще милѣе послѣ всѣхъ петербургскихъ передрягъ и особенно послѣ того, какъ Патрикѣй, всего за день до свадьбы тетушки Анастасіи Львовны, подалъ княгинѣ распечатанный конвертъ изъ Курска.

Конвертъ былъ надписанъ незнакомою рукою на имя Дмитрія Петровича Журавскаго, и Патрикѣй, доложивъ княгинѣ, что Журавскій «самъ изволилъ заносить пакетъ, но доложить не приказалъ,—сказалъ: не надо... тутъ увидать все, что нужно».

Бабушка догадалась, что Дмитрій Петровичъ слышалъ, что у нея свадьба, и не хотѣлъ отрывать ее... Ей было это немножечко досадно, что онъ даже «спасибо» сказать себѣ не позволилъ, но все равно: она знала, отъ кого этотъ конвертъ: въ немъ долженъ былъ заключаться столь долгожданый и столь важный для нея отвѣтъ отъ Червева.

Княгиня была такъ взволнована, что, дернувъ нетерпѣливою рукою листокъ изъ конверта, она опять вложила его туда назадъ и сказала:

— Нѣтъ, это малодушіе: буду терпѣть до вечера.

Съ этимъ она положила письмо на образникъ и прочитала его только помолясь на ночь Богу: письмо было вполне утѣшительное. Списываю его точно съ пожелтѣвшаго листка сѣрвотой, рыхлой бумаги съ прозрачнымъ водянымъ штемпелемъ, изображающимъ козерога въ двойномъ кругѣ.

«Любезный благодѣтель! Получилъ я письмо ваше съ предложеніемъ принять на себя воспитаніе дѣтей извѣст-

ной вамъ княгини и много о семъ предложеніи думаль и соображалъ оное со многихъ сторонъ, а потому долгонько вамъ и не отвѣчалъ. Не знаю, однако, что и теперь вамъ отвѣчу.

«Есть страны, гдѣ образованіе въ полнѣйшемъ объемѣ даютъ тѣмъ, кто въ немъ менѣе будетъ имѣть надобности, и лишаютъ онаго другихъ, которые должны имѣть обширную ученость, дабы служить народу съ высокаго положенія. Сии, по несчастію, предполагаются какъ бы отъ самаго рожденія своего получившими всѣ познанія, и имъ вручаютъ ключи разумнѣя, взявъ которые они ни сами въ храмъ знанія не входятъ и желающимъ войти въ него возбраняютъ. Смотрите, не такъ ли это и у насъ: не учатъ ли и у насъ всѣхъ менѣе тѣхъ, кого надо бы учить всѣхъ болѣе, и не избрѣтаютъ ли и у насъ для таковыхъ особыхъ приемовъ ученія, кои ничего общаго съ наукою не имѣютъ? Не въ таковыхъ ли мысляхъ ищетъ учителя своимъ дѣтямъ и объясненная вами княгиня? Въ такомъ разѣ, ей нѣтъ во мнѣ никакой надобности и вы ей можете посовѣтовать ученыхъ людей въ столицахъ: тамъ есть много искусныхъ для такого преподаванія. Но если, какъ вы полагаете, она нѣсколько инакова, то надо бы объяснить ей задачи и планъ зрѣлой науки. Кто что ни говори, а корень ученія горекъ, да и плоды онаго въ Россіи не сладки. То же и о вѣрѣ. Скажите ей, что Моисей, изводя народъ изъ неволи, велѣлъ своимъ унести драгоценные сосуды египтянъ, и мы можемъ хорошо воспитать *новаго челоука* только тогда, когда онъ похититъ мудрость древнихъ и поносится съ нею въ зноѣ пустыни, пренебрегая и голодь, и жажду, и горечь мерры. Вѣра моя—отъ удостовѣренія моего ума, а не отъ того, что писано уставомъ или полууставомъ. А посему размыслите, благопріятель, гожусь ли я воспитывать княжатъ, назначасмыхъ достигать славы своея, а не славы пославшаго насъ Отца. Имъ внушаютъ—почитать себя за важное и необходимое въ руководствѣ другими, а по-моему, первое начало, чтобы сей глупости не довѣряли и руководить людьми не стремились, а себя умнѣ руководили. Молодымъ родовитымъ и знатнымъ юношамъ всего потребнѣе внушать—что они весьма не очень потребны. Что же касается до моего согласія, то гдѣ я возьму силы, чтобы не согласиться хоть двухъ ребятъ во всю мою жизнь обучить

такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось? Именитыхъ дѣтей, учимыхъ не ради скорого пріобрѣтенія ими хлѣба куска, можно учить лишь себѣ въ радость и въ утѣшеніе, о коемъ, признаюсь, въ лучшей порѣ моей жизни мечталъ я. Вспомните, что я излагалъ нѣкогда о есоторическомъ и эксоторическомъ въ наукѣ: я видѣлъ мою esotoris тогда яко зеркаломъ въ гаданіи: я лишь въ отраднѣйшей мечтѣ воображалъ счастливецъ, которымъ суждено отраднѣйшее бремя овладѣть на много лѣтъ умомъ цвѣтущихъ юношей съ призваніемъ къ степени высокому и вестъ ихъ къ истинному разумнѣю жизни... и вотъ объ этомъ рѣчь... И сей счастливецъ я! О, благопріятель! неужто я увижу ихъ лицомъ къ лицу? неужто я почувствую въ моихъ рукахъ ихъ юношескія руки, неужто я увижу, какъ ихъ юношескій умъ начнетъ передо мною раскрываться будто пышный цвѣтъ предъ зарею, и я умру съ отрадаю, что этотъ цвѣтъ въ свое время дастъ плодъ сторичный... О, благопріятель! смотрите: осторожно ли вы писали, не шутка ли это, не кладете ли вы камень въ протянутую руку нишаго? Эта шутка была бы слишкомъ жестока... Подумайте: великій Кеплеръ говорилъ, что если бы онъ могъ окинуть взглядомъ вселенную, но не видалъ бы жаждущаго познанія челоуѣка, то онъ нашель бы свое удивленіе бесплоднымъ, а я червякъ, безъ всѣхъ рѣшительно сравненій, его ничтожнѣйшій, до сей поры все жилъ, не видя никого, кому бы могъ сказать о томъ, что я своимъ окинулъ взоромъ... Но, нѣтъ; вы вѣдь не шутите... не правда ли? давайте ихъ сюда, давайте этихъ юношей Червеву,—онъ ихъ съ любовію научить понимать достойное познанья и можетъ быть откроетъ имъ — какъ можно быть счастливымъ въ бѣдствіяхъ.

«Объ условіяхъ со мной не говорите: дѣлающей достойнъ мзды, а воль молотящей корму. Больше мнѣ ничего не нужно. Меодій Червевъ».

Княгиня была въ восторгѣ отъ этого письма. Не знаю, что именно ее въ немъ плѣняло; но, конечно, тутъ имѣло значеніе и слово о «счастіи въ самыхъ бѣдствіяхъ». Она и сама почитала такое познаніе драгоцѣннѣе всякихъ иныхъ знаній, но не рѣшалась это высказать, потому что считала себя «профаномъ въ наукахъ». Притомъ, бабушка хотя и не вѣрила, что «древле было все лучше и дешевле», но ей нравились большіе характеры, съ которыми она была

знакома по жизнеописаніямъ Плутарха во французскомъ переводѣ.

— Тамъ есть кому подражать и есть на чемъ дитя воспитывать, — вотъ, кажется, все, что опа понимала, усвоивая себѣ самое важное и существенное. Пусть-де не будутъ верхолегами, — пусть готовенькихъ вершковъ не схватываютъ, а по началамъ все продумаютъ, тогда они не будутъ самомящи и смиреній будутъ въ счастіи и крѣпче въ несчастіи... Она тоже не по уставу, а «по удостовѣренію своего ума» была увѣрена, что добрые и умные родители непременно должны готовить своихъ дѣтей къ умѣнью съ достоинствомъ жить въ счастіѣ и въ несчастіѣ.

Таковы были непосредственные взгляды княгини на воспитаніе и письмо Меѳодія Мироныча, конечно, этимъ взглядамъ отвѣчало. Но что всего болѣе влекло теперь княгиню къ Червеву, это было его особенное отношеніе къ своему призванію.

— Ни слова добрый человекъ не говоритъ о томъ, что ему заплатитъ... даже гнушается этимъ, — значить дѣло любить, а не деньги... Такіе люди рѣдки: Богъ мнѣ въ немъ неслыханное счастье посылаетъ.

И княгиня, благословивъ Бога, спала эту ночь крѣпко, а на другой день встала довольною и веселою. Съ тѣхъ поръ прекрасное настроеніе духа не измѣняло ей во всѣ остальные дни приготовленія къ дочерниной свадьбѣ и къ наступившимъ за свадьбою проводамъ новобрачныхъ за границу.

День отъѣзда молодыхъ былъ давно назначенъ: княгиня собиралась сама уѣхать къ себѣ въ Протозаново тотчасъ по отъѣздѣ Функендорфовъ. Знакомымъ, которые уговаривали княгиню еще погостить въ «хорошемъ городѣ Петербургѣ», она отвѣчала:

— Нѣтъ, благодарю за привѣтъ, не спорю, Петербургъ городъ хорошій: и вымощенъ, и выметенъ, но у себя дома, въ деревнѣ, мнѣ все-таки больше нравится.

Варвара Никаноровна и впередъ сюда не обѣщалась скоро. На просьбы дочери пріѣхать въ Петербургъ на будущую зиму, она ласково отвѣчала ей:

— Нѣтъ, мой другъ, я и обманывать тебя не хочу, — не поѣду: зачѣмъ? мнѣ тутъ дѣлать нечего. Здѣсь мѣсто тому, кому нужны кресты да перстни, а наше благо на

неплѣ растеть и надо въ немъ копаться, сидя на своемъ кореню. Было время, и я здѣсь жила, но хорошаго тоже мало изъ того времени помню... а теперь я уже совсѣмъ отъ этого отстала и слава за то Создателю: надо кому-нибудь и соху съ лопатой знать, а наѣздомъ хлѣба не папашешь.

Нѣжность княгини къ «нелюбимой дочери» во все это время не только не уменьшалась, но, напротивъ, еще болѣе усиливалась: Варвара Никаноровна сама не знала, чѣмъ ей свою Настеньку утѣшить и обрадовать. Она каждый день пріѣзжала къ ней съ дорогими подарками; купила ей самый дорогой, покойный и щегольской дорожный дормезъ и навезла такую кучу разныхъ путевыхъ вещей, что съ ними не знали, куда дѣваться. Графъ, разсматривая эти вещи, вѣроятно, не разъ думалъ, къ чему эта трата? Не лучше ли бы деньгами? Молодая графиня была, кажется, однѣхъ съ мужемъ мыслей. По крайней мѣрѣ она всякій разъ ставила матери на видъ, что за границею все лучше и дешевле, но княгиня отвѣчала:

— То лучше, да изъ чужихъ рукъ, а это отъ матери,—и опять продолжала возить подарокъ за подаркомъ. Наконецъ бабушкѣ пришла самая оригинальная мысль, и она сдѣлала тетускѣ такой странный подарокъ, какого отъ нея никакъ невозможно было и ожидать, а именно: она, являсь въ одинъ день къ дочери, объявила, что дарить ей Ольгу Фодотовну... Конечно, не навѣкъ, не въ крѣпость, а такъ, въ услуженіе.

Тетушка Анастасія отнюдь не выражала никогда ни малѣйшаго желанія получить этотъ подарокъ, и даже едва ли была ему рада, по крайней мѣрѣ она энергически отъ него отказывалась, говоря:

— Къ чему она мнѣ, маман? вы Ольгу любите, вы къ ней привыкли, а я имѣю свою прислугу... Наконецъ, она и сама къ вамъ такъ привязана, что ей будетъ тяжело съ вами разстаться.

Но бабушка была непреклонна: она хотѣла отдать «нелюбимой дочери» все, что имѣла самаго дорогого, и рѣшительно настаивала, чтобы графиня брала Ольгу.

— Она ко мнѣ привязана, — это правда, и я ее люблю, но поэтому-то непремѣнно ты ее и бери: она тебя сбережетъ, а иначе я за тебя покойна не буду.

Переспорить въ этомъ бабушку было рѣшительно невоз-

можно, и графиня должна была согласиться принять Ольгу, но за то уже рѣшительно воспротивилась, когда мать задумала сдѣлать ей еще одинъ подарокъ, въ лицѣ m-r Gigot. Бабушка находила, что онъ былъ бы очень пригоденъ за границею, и говорила:

— Ты не церемонься со мною: я безъ него обойдусь, а онъ французикъ услужливый и ничѣмъ не обижается, да и притомъ онъ еще, кажется, изъ портныхъ,—такъ и починку какую нужно дорогою сдѣлаетъ... Право, бери его: я имъ обонмъ и денегъ отъ себя на дорогу дамъ, а ты при немъ съ Ольгою все такъ и будешь, какъ будто бы между своихъ.

Это, однакоже, осталось втуне: молодая графиня отнюдь не желала быть между своихъ и проектъ о Gigot былъ оставленъ; но Ольга Федотовна собиралась въ путь. Сборы моей доброй старушки, главнымъ образомъ, заключались не въ вещевомъ багажѣ, а въ нравственномъ приготовленіи къ разлукѣ на цѣлый годъ съ родиною и съ милыми сердцу. Ольгѣ Федотовнѣ было всѣхъ жалко, и княгиню, и князьковъ, и Патрикѣя Семеныча, и «Жигошу»;—о послѣднемъ она заботилась даже, кажется, больше, чѣмъ о всѣхъ другихъ, и всѣхъ, кого могла, просила жалѣть его, сироту.

Все время своихъ сборовъ она была очень растрогана и чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда, тѣмъ нервное ея состояніе становилось чувствительнѣе; но недаромъ говорятъ, истома хуже смерти: день отъѣзда пришелъ и Ольга Федотовна встрепенулась. Она въ этотъ день встала утромъ очень рано: хотя по ея глазамъ и покраснѣвшему носику видно было, что она не спала цѣлую ночь и все плакала, но она умылась холодной водицей и тотчасъ же спозаранковъ начала бодро ходить по дому и со всѣми прощаться и всѣмъ наказывать отъ себя поклонъ Рогожину, Марьѣ Николаевнѣ и многимъ другимъ лицамъ домашняго круга. Къ Gigot она забѣгала нѣсколько разъ и все ему что-нибудь дарила, или оставляла во временное пользованіе, — какъ-то: теплые чулки, излишнія подушки и прочее, но при этомъ все что-то забывала.

— Совсѣмъ какъ дура сдѣлалась,—говорила она о себѣ:—знаю, что что-то самое пренужное-нужное хотѣла тебѣ отдать и опять позабыла... Ну, да я еще вспомню.

И она опять убѣгала, и опять приносила Жиго пустяки

въ родѣ чайной чашечки или частаго гребня, а «самое пренужное-нужное» опять забывала.

— Ну, да ничего: я вспомню!

Отъѣздъ предполагался изъ дома бабушки: на ея дворѣ стоялъ уложенный дормезъ и графъ съ молодою графинею должны были позавтракать у княгини и съ ея двора и отправиться.

Это такъ было и сдѣлано: откушали, помолились, экипажъ поданъ и стали садиться,—Ольга Ѳедотовна еще ранѣе была усажена въ высокое переднее сидѣнье и плотно застегнута кожанымъ фартукомъ. Она такъ самаго нужнаго и не вспомнила, а теперь было уже некогда: графъ и графиня сѣли,—на крыльцѣ оставались только княгиня съ двумя сыновьями, да Gigot съ Патрикѣемъ.

Все было готово: фореиторъ натянулъ постромки, коренники налегли въ хомуть и экипажъ застучалъ и тронулся. Изъ-за чернаго кожанаго фартука въ переднемъ сидѣннѣ замелькала ручка Ольги Ѳедотовны: это она крестилась, но вдругъ она вся высунулась и закричала:

— Жигонша! Жигонша, скорѣй! я вспомнила!

Gigot подлетѣлъ и, всыргнувъ на подножку, подскочилъ къ Ольгѣ Ѳедотовнѣ.

— Вотъ, бери это;—проговорила она и, торопливо вынувъ изъ кармана маленькую бутылочку съ березовкой, сунула ее въ руки француза.

— Oh, chère Ольга Ѳедотъ... c'est impossible: c'est pour vous même, pour vous,—заговорилъ Gigot и, замахавъ руками, соскочилъ съ колеса въ ту самую минуту, когда Ольга Ѳедотовна хотѣла сунуть ему пузырекъ за жилетъ.

Пузырекъ упалъ на мощный дворъ и разбился о камень.

Экипажъ скрылся изъ глазъ за угломъ улицы.

Провожавшіе стояли на крыльцѣ, а Gigot на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ нимъ лежалъ разбитый пузырекъ и пролившееся лѣкарство.

Французъ былъ растроганъ и, вынувъ платокъ, обтеръ имъ глаза.

— Ты плачешь, Gigot?—спросила его княгиня.

— Mais certainement, madame!.. Sapristi, cette pauvre Ольга Ѳедотъ... e!le ne parle jamais français et allemand et elle casse sa médecine!

— Ну; ничего: она по-русски разговорится.

— Нишего... *c'est bien*: по-русски: *c'est нишего!*

И Жиго размѣялся: онъ поднялъ разбитый пузыречекъ и, держа его въ рукахъ, проговорилъ:

— Нишего: разбилъ—это счастье!

— Не по его только предсказанію все это вышло,—говорила, бывало, объ этомъ Ольга Федотовна, никогда не забывавшая ни одной мелочи своего отъѣзда за границу и особенно своего скорого и страннаго оттуда возвращенія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Бабушка не могла уѣхать изъ Петербурга въ Протозаново такъ скоро, какъ она хотѣла, — ее удержала болѣзнь дѣтей. Отецъ мой, стоя на крыльцѣ при проводахъ Функендорфовъ, простудился и заболѣлъ корью, которая отъ него перешла къ дядѣ Якову. Это прoderжало княгиню въ Петербургѣ около мѣсяца. Въ теченіе этого времени она не получала здѣсь отъ дочери ни одного извѣстія, потому что письма по уговору должны были посылаться въ Протозаново. Какъ только дѣти выздоровѣли, княгиня, къ величайшему своему удовольствію, тотчасъ же уѣхала.

На сѣверѣ «въ ингерманландскихъ болотахъ» было еще сыро и холодно, но чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ становилось теплѣе и пріятнѣе: за Москвою, къ Окѣ, совсѣмъ уже была весна, хотя еще и ранняя, безъ яркой зелени и безъ обилія цвѣтовъ, но уже съ животворною мягкостью въ воздухѣ, которая такъ цѣлебно живить силы и успокоиваетъ душевныя волненія.

Всѣ чувства княгини отдыхали среди этой атмосферы отъ утомленія, которое она чувствовала послѣ столь несвойственной ей жизни и мелкихъ интригъ, кипящихъ въ салонахъ. Эти скромныя картины русской ранней весны превосходны. весело зеленѣющія озими играютъ на солнцѣ: поднятый къ яровому посѣву тучный черноземъ лежитъ какъ бархатъ и грѣется, тихіе ручейки и рѣчки то мелькаютъ въ перелогахъ, какъ волшебныя зеркала въ изумрудныхъ рамахъ, то вьются какъ ленты, отражая въ себѣ облака,—грунтовыя дороги обсохли, но еще не завалены пылью—ѣзда по нимъ удобна и пріятна: копыта бѣгущихъ коней не пылятъ и стучать мягко, колеса катятъ совсѣмъ безъ шуму и слѣдъ позади только маслится... Все способ-

ствуешь тому, чтобы у путника на душѣ становилось мирно и покойно.

Бдучи вереть по сту съ небольшимъ въ сутки и про-бывъ двое сутокъ въ Москвѣ, княгиня провела уже въ дорогѣ около двухъ недѣль: въ это время она имѣла время отдохнуть отъ всѣхъ перенесенныхъ ею потрясеній, она или спокойно дремала, или была занята своими экономическими соображеніями, которыя вызывались только что заключенными большими тратами. Денежныя средства ея, всегда содержавшіяся въ большомъ порядкѣ, хотя и теперь не были особенно разстроены, но, однако, требовали рачительнаго восполненія. Свадьба, со всѣми выдѣлами, наградами и цѣпными подарками, стоила очень дорого, но справедливость требуетъ сказать, что княгиня объ этомъ не жалѣла: она, напротивъ, была рада, что «нелюбимая дочь» награждена какъ слѣдуетъ. Притомъ же ей нечего было и бояться сдѣланныхъ большихъ экстренныхъ расходовъ, потому что она знала, какъ наверстать ихъ. Живучи въ деревнѣ, хотя и очень открыто, княгиня тратила относительно очень мало: кромѣ лимоновъ, сахару и прочей «бакалеи», которая разъ въ годъ закупалась на *коренной* ярмаркѣ, все было «изъ своей провизіи», и княгиня была увѣрена, что черезъ пять-шесть лѣтъ она опять будетъ совсѣмъ такъ же исправна, какъ была передъ выдачею замужъ «нелюбимой дочери». За дорогу бабушка имѣла время все это сообразить и сосчитать и, совсѣмъ на этотъ счетъ успокоясь, была весела какъ прежде: она шутила съ дѣтьми и съ Gigot, который сидѣлъ тутъ же въ каретѣ на передней лавочкѣ; дѣлала Патрикью замѣчанія о ѣздѣ, о всходахъ озими и тому подобномъ; сходила пѣшкомъ на крутыхъ спускахъ и какъ «для моціона», такъ и «чтобы лошадей пожалѣть», пѣшкомъ же поднималась на горы, причемъ обыкновенно задавала французу и дѣтямъ задачу: кто лучше сумѣетъ взойти и не умереться.

Чѣмъ ближе подѣзжала княгиня къ своимъ мѣстамъ, тѣмъ она чувствовала себя счастливѣе, и передъ самымъ Курскомъ, откуда бабушка надѣялась захватить Червева, она находилась въ превосходномъ настроеніи; но тутъ встрѣтилось обстоятельство, которое вдругъ смутило ее самымъ непредвидѣннымъ и неприятнымъ образомъ. Въѣзжая на дворъ, гдѣ была послѣдняя сдаточная перепряжка, бабушка

была неожиданно привѣтствована здѣсь Рогожинымъ, который вдругъ наскочилъ сюда на своихъ одрахъ изъ-за ближайшаго перелѣска.

— Здравствуй! что ты это?.. откуда? — заговорила, увидавъ его, княгиня.

Донкихотъ только водилъ усами и, тяжело дыша, оглядывался.

— Отчего ты не ждалъ меня въ Курскѣ?

— Нельзя было, — отвѣчалъ дворянинъ.

— Отчего?

— Я скрываюсь.

— Неужели опять сражался? Пора перестать.

— Да; Жиго: сядь, братъ, скорѣй въ мой тарантасъ... Тебѣ вѣдь все равно, а ты все-таки три четверти шпионъ, а можетъ быть и цѣлый, а мнѣ говорить надо. Переходи скорѣй: я на твоемъ мѣстѣ спрячусь, потому что мнѣ опасно.

Жиго согласился, а бабушка велѣла французу взять съ собою и дѣтей, чтобы ей свободнѣе было говорить безъ нихъ съ Донкихотомъ.

Дѣти рады были случаю проѣхать въ лубочной коробкѣ Рогожина, и когда пассажиры размѣстились такимъ образомъ, оба экипажа снова тронулись въ путь.

Потные одры Рогожина не отставали отъ свѣжихъ лошадей, впряженныхъ въ экипажахъ княгини, и Зинка звонко посвистывалаъ сзади кареты.

Бабушка сначала спросила Рогожина, съ кѣмъ онъ и за что дрался, но, получивъ въ отвѣтъ, что «это пустяки», она подумала, что это и впрямь не болѣе какъ обыкновенные пустяки, и перешла къ разговору о Червевѣ.

— Червевъ, что же ему, — отвѣчалъ Рогожинъ: — онъ съ губернаторомъ говорилъ, и ничего, — а вотъ Ольгѣ Федотовиѣ очень скверно.

— Развѣ она тебѣ уже писала изъ чужихъ краевъ?

— Нѣтъ, не писала, а она сама все рассказала...

— Что ты за вздоръ говоришь: гдѣ ты могъ видѣть Ольгу?

— Здѣсь... Посольскій дьячокъ сюда прѣзжалъ изъ Парижа съ родными повидаться и ее привезъ.

— Что ты за вздоръ говоришь!

— Нимало не вздоръ: я ее третьяго дня самъ въ Протозаново свезъ.

— Униамъ не вѣрю, что слышу... Этого быть не можетъ. Ты трезвый человекъ, а нынѣю гиль несешь!

— Да; я трезвый человекъ и хотите на васъ дыхну?

— Дохни, сдѣлай милость.

Рогожинъ дохнулъ: отъ него пахло только суровцомъ-квасомъ, котораго онъ выпилъ два огромныхъ ковша на постояломъ дворѣ.

— Однимъ квасомъ пахнетъ,—сказала, пожавъ плечами, бабушка:—теперь продолжай: какъ могла явиться здѣсь Ольга.

— Прислали ее назадъ.

— Кто?

— Ну понятно кто: съ кѣмъ она поѣхала, тѣ ее и вернули.

— За что это,—съ какой стати?

— Не годилась.

— Чтò такое она сдѣлала? Чтò она говорить?

— Она ничего не говорить, а только плачетъ.

— Плачетъ?

— Ужасно плачетъ.

— Господи, что это такое! съ дѣтства почти знаю эту женщину,—скромная, хорошая...

— Она тамъ въ чужихъ краяхъ немножко съ ума сошла.

— Ольга!

— Да; дьячокъ говорить, что у нея это съ Рейна началось.

— Отчего же это съ нею сдѣлалось?

— Отъ развалинъ.

— Господи, какая мука съ тобою говорить!

— Да чѣмъ я худо говорю? она нигдѣ за границую развалинъ видѣть не могла.

— Нанугали ее, что ли, тамъ?

— Нѣтъ; а просто какъ увидить развалины, сейчасъ вся взрадуется и пристааетъ ко всѣмъ: «смотрите, батюшка, смотрите: это все нашъ князь развалилъ» и сама отъ умиленія плачетъ.

— Моя бѣдная Ольга: я узнаю ее,—проговорила, покачавъ головою, бабушка.—Но въ этомъ ли и все ея сумасшествіе?

— Гм... да,—отвѣчала Донкихотъ:—она этимъ графинѣ очень надоѣла, а потомъ въ Парижѣ дѣло дошло до того, что Ольга Федотовна одна со всѣми французами перессорилась.

И Рогожинъ рассказалъ, что моя бѣдная старушка, продолжая свою теорію разрушенія всѣхъ европейскихъ зданій

моимъ дѣдомъ, завела въ Парижѣ войну съ французскою прислугою графа, доказывая всѣмъ имъ, что церковь Notre Dame, которая была видна изъ оконъ квартиры Функепдорфовъ, отнюдь не недостроена, но что ее князь «развалилъ». Французы, понявъ въ чемъ дѣло, разобидѣлись; графиня приняла ихъ сторону, а это показалось Ольгѣ Ѳедотовнѣ несправедливымъ и она объяснила самой графинѣ, что та «своего рода не уважаетъ».

Результатомъ всего этого вышло, что тетушка, вообще съ трудомъ переносившая людей материнаго штата, совсемъ отстранила отъ себя Ольгу и распорядилась отправить ее домой.

Бабушка, выслушавъ это, горько улыбнулась и проговорила про себя:

— Ахъ, дочь моя, дочь!

— А вы увѣрены, что она *ваша* дочь?—спросилъ Рогожинъ.

Бабушка взглянула ему въ лицо и размѣялась.

— Что вы?—спросилъ онъ:—я читалъ нѣсколько случаевъ, какъ дѣтей подмѣняли.

— А? да... подмѣняли... Ты правъ: я тоже думаю, что мнѣ ее *подмѣнили*.

— Гдѣ?

— Въ петербургскомъ институтѣ. Но доскажи же мнѣ про Ольгу: какъ ее привезли сюда?

— Графъ съ дьячкомъ прислалъ.

— И спасибо ему, что онъ такъ сдѣлалъ,—сказала, дослушавъ, княгиня.

— Нѣтъ; вы повремените его благодарить, — отвѣчалъ Донкихоть:—вы вотъ прежде взгляните сюда,—и Рогожинъ, засучивъ рукавъ, показалъ нѣсколько кругомъ расположенныхъ маленькихъ ранъ, которыя окружала одна сплошная опухоль съ кровавистымъ подтекомъ.

— Что это у тебя?

— Нѣмецъ укусилъ.

— Какой нѣмецъ?

— Котораго графъ прислалъ сюда графининымъ имѣніемъ управлять.

— Что же: вы съ нимъ подрались, что ли?

— Да.

— Господи, какъ это все скоро: и нѣмецъ уже есть, и уже и кусается! А за что же у васъ дѣло стало?

— Онъ всѣхъ мужиковъ, у которыхъ своя земля и дома съ амбарами на базарахъ, выселять хочетъ.

— Ты это шутишь?

— Нѣтъ; я дыхну, если хотите.

— Я вѣдь тебя всерьезъ спрашиваю.

— А я вамъ всерьезъ и отвѣчаю: онъ ихъ въ степи гонитъ.

— Да это что же: они ихъ ограбить, что ли, хотятъ?

— И я имъ то говорилъ...

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлала! Эти люди гибнуть за то, что они мнѣ вѣрили.

— Да,—отвѣчалъ Рогожинъ и черезъ минуту глухого молчанія заговорилъ снова:

— Я этого нѣмца просилъ, умолялъ, усовѣщивалъ... и наконецъ...

— Прибилъ, что ли?

Рогожинъ только сдѣлалъ молча рукою выразительный жестъ, какъ будто дралъ кого-то за волосы.

Бабушка молчала: она была поражена тѣмъ, что слышала, и тѣмъ, что теперь ей представлялось возможнымъ далѣе въ этомъ же возмутительномъ родѣ.

«Я не дамъ разорить мужиковъ,—думала она:—нѣтъ, я сейчасъ же пойду назадъ въ Петербургъ... я встрѣчу государя, брошусь ему въ ноги и скажу все... онъ добръ,—онъ разсудитъ...»

Но черезъ минуту она думала:

«Противъ кого же я пойду? противъ родной дочери. противъ зятя? Нѣтъ; это не то: за свою вину я отдамъ крестьянамъ все свое, чего ихъ добро стоило... У меня послѣ этого *ничего своего* не останется, но это поль-горя,—безъ денегъ легче жить, чѣмъ безъ чести... Авось сыновья въ углѣ и въ кускѣ хлѣба мнѣ не откажутъ... А если и они, если и ихъ мнѣ *подмятутъ?*»

Бабушка закрыла обѣими руками заплавленное отъ этой мысли лицо и не замѣтила, что ея экипажъ не ѣдетъ, а у открытой дверцы съ фуражкой въ рукахъ стоитъ Патрикѣй.

— Что такое?—спросила она.

— Червевъ-съ.

— Гдѣ онъ?

— Извольте смотрѣть вопъ туда влѣво за рѣку.

Бабушка оглянула мѣстность: впереди, за горою, видѣлись кресты курскихъ церквей, а влѣвъ плыла сонная Тускаръ и правый берегъ ея, заросшій мелкою ивой, тонуль въ рѣдкомъ молочномъ туманѣ.

— Никого не вижу,—проговорила, приставляя къ глазу лорнетку, княгиня.

— Извольте смотрѣть... двѣ ракиты... за ракетами кустъ, за кустомъ тихая заводъ и стоитъ цапля.

— Цаплю вижу.

— Противъ нея, на землѣ, сидитъ человѣкъ.

— Это онъ!

— Это Меодій Мирончъ!

— О, какъ онъ мнѣ дорогъ въ эту минуту!—воскликнула бабушка.

— Да; это самъ онъ и есть,—подтвердилъ Донкихотъ:— онъ сюда ходитъ читать. А я вамъ про него забылъ сказать: я открылъ, что онъ хорошаго рода, я читалъ рукопись: житіе святой боярыни Уліяны Ольшанской,—Червевы ихъ рода...

— Ахъ, оставь ты мнѣ теперь про всѣ роды... Патрикій: нѣтъ ли здѣсь лодки, чтобъ къ нему переѣхать?

— Вонъ дощаникъ подь берегомъ: худой, чай, только.

— Все равно какой онъ: Тускаръ не море,—отвѣтила бабушка и, толкнувъ ногой дверцу, легко спрыгнула изъ кареты.

Черезъ минуту ветхій дощаникъ, на которомъ стояли княгиня, ея оба сына, Донкихотъ и Gigot, тяжело зашуршала плоскимъ дномъ по травѣ и, сдвинувшись дальше, тихо поплылъ по тихой и мутной водѣ сонной Тускари.

Съ половины рѣки сѣрая фигура обозначилась яснѣе: теперь и близорукому было видно, что это сидѣлъ человѣкъ, а на колѣняхъ его лежала книга, которую онъ читалъ съ такимъ вниманіемъ, что не слышалъ, какъ подыавшаяся, при приближеніи дощаника, цапля пролетѣла почти надъ самою его головою.

Лодка пристала у берега,—бабушка стала выходить.

— Смотрите ему прежде всего въ глаза,—шептала ей Рогожинъ:— удивительные глаза... чисты, точно сейчасъ снѣгомъ вытерты.

— Хорошо,—отвѣчала княгиня, и, велѣвъ всѣмъ остаться у лодки, пошла одна къ Червеву.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Червевь былъ пожилой человѣкъ престопаднаго русскаго типа: большой, сильный и крѣпкаго сложенія, но съ очень благопрестойными, какъ тогда говорили о Сперанскомъ, — «врожденными манерами». Онъ, дѣйствительно, имѣлъ чистые «точно снѣгомъ вытертые глаза» и мягкій голосъ, въ которомъ звучали чистота и прямодушіе.

Когда близъ него раздались шаги подходившихъ, онъ поднялъ лицо отъ книги и, всмотрясь въ приближающуюся къ нему княгиню, привсталъ и сказалъ:

— Княгиня Протозанова?

— Я, — отвѣчала бабушка. — Вы меня узнали?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну, будемъ знакомы и...

Княгиня, оживляясь, добавила:

— И постараемся быть друзьями.

Она сжала руки Червева и тотъ отвѣчалъ ей пожатіемъ, но не сказалъ ей ни слова.

Она это замѣтила и осудила себя за то, что была слишкомъ скоро и поспѣшна.

— Я васъ буду просить: сядьте въ мой экипажъ и доѣдемъ до Курска.

— Я предпочитаю ходить пѣшкомъ, — отвѣтилъ съ улыбкой Червевь. — Я пойду подемъ, и пока вы доѣдете — я уже буду тамъ.

Княгиня не настаивала и опять переправилась черезъ Тускаръ; сѣла въ дормезъ и поѣхала къ Курску.

Червевь ей какъ будто не давалъ себя въ руки.

«Что это и почему?» — думала она и спросила Рогожина: о какомъ онъ упоминалъ разговорѣ Червева съ губернаторомъ?

Донкихоть объяснилъ, что губернаторъ говорилъ съ Червевымъ одинъ на одинъ и спрашивалъ его по чести. Такъ и сказалъ:

— Я о васъ никого не хочу спрашивать, я вашей чести вѣрю.

Червевь ему по чести все и сказалъ.

— Что же такое *все*?

— А по логикѣ, по логикѣ.

— Батюшка! ты бы хоть безъ логики рассказалъ.

— Нельзя безъ логики, когда это было по логикѣ.

— Ну, такъ говори какъ можешь.

— Губернаторъ спросилъ: скажите, пожалуйста, по совѣсти, вы утверждали когда-нибудь, что власти не потребны въ государствѣ?

— Ну!

— Червевъ отвѣчалъ: что онъ этого никогда не утверждалъ.

Бабушкѣ вспомнулось письмо Червева къ Журавскому, которое она читала Функендорфу, — и она подумала: не тутъ ли штука?.. А потомъ... значить и онъ то же какъ и прочіе — тоже увертывается и отъ своихъ словъ отрицается.

— Что же, повѣрилъ или нѣтъ ему губернаторъ?

— Повѣрилъ, — да вѣдь и нельзя не повѣрить.

— Отчего?

— Червевъ привелъ логику.

— Какую?

— Когда губернаторъ сказалъ, чѣмъ онъ можетъ за справедливость своихъ словъ ручаться, то онъ доказалъ логикой, онъ сказалъ: «я не могъ говорить, что власти не потребны въ государствѣ, ибо я не думаю, чтобы и сами государства были потребны».

— Неужто онъ это сказалъ?

— Да; онъ такъ сказалъ... И губернаторъ его похвалилъ...

— Ну, еще бы!

— За честность его, за искренность.

— И больше разспрашивалъ?

— Да. Говорилъ: «но, вѣдь, вы властямъ не сопротивляетесь?» Червевъ говоритъ: «нѣтъ, — не сопротивляюсь».

— Вамъ нечѣмъ.

— Да, говорить — и нечѣмъ, да я и не хочу.

— Отчего?

— Это не надо.

Губернаторъ его опять похвалилъ.

— Прекрасно вы говорите, — никогда сопротивляться не надо. А все-таки вы одну какую-нибудь власть уважаете? А? Или по крайней мѣрѣ вы можете уважать какую-нибудь власть?

Червевъ говоритъ:

— Кажется, я могъ бы уважать ту власть, которая вела бы дѣло къ тому, чтобы себя упразднить и поставить вмѣсто себя власть Божію.

Губернаторъ ему сказалъ:

— Вы все очень своеобразно понимаете, но вы честный. — Я такъ и донесу.

— Кому донесеть?

— А не знаю, — можетъ быть онъ такъ и донесъ...

— Да, разумѣется, такъ и донесъ!

— Я думаю, я думаю! — спокойно поддержаль Рогожинъ.

Бабушка задумалась.

— Однако что же это такое?..

Это совсѣмъ выходило за рамки всѣхъ ея картинъ... Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, таковъ, что сомнѣвается даже въ потребности самихъ государствъ... отдѣльныхъ «языковъ...» отдѣльныхъ народовъ... вѣрь... Это не можетъ быть. Ей никогда въ голову не приходило, чтобы такія вещи говорилъ просвѣщенный человѣкъ... и притомъ тотъ именно человѣкъ, котораго она приглашаетъ быть воспитателемъ ея сыновей... И когда это ей открывается? Именно теперь, когда она готова и даже должна его взять... Да; но почему же непременно *должна*? А потому, что она сама все это затѣяла, вмѣшала въ это много людей и теперь ей дѣлать шагъ назадъ было бы неловко и поздно!.. Впрочемъ, что за вздоръ! Когда что-нибудь можно остановить до начала — такъ это не называется *поздно*, а что до *неловкости*, то развѣ такія соображенія могутъ руководить поступками большой важности. Не лучше ли отказаться отъ невѣсты наканунѣ самаго брака, чѣмъ дать совершиться акту, угрожающему обоюднымъ несчастіемъ?.. Нѣтъ; Варвара Никаноровна не изъ такихъ безхарактерныхъ и сентиментальныхъ людей. Пускай она въ Червевѣ больше чѣмъ самъ губернаторъ увѣрена, что онъ изъ честныхъ честный, но она не сунетъ ему сразу дѣтей, — она съ нимъ теперь поговорить, — она, по отчему обычаю, прямо спросить «какъ вѣруешь?» И онъ, безъ сомнѣнія, ей скажетъ правду.

Она такъ и сдѣлала и получила какъ разъ такой результатъ, какого ожидала.

Просидѣвъ около часа съ глаза на глазъ съ Червевымъ,

она стала сама резюмировать въ своемъ умѣ его положенія, и начертала такую схему: характеръ въ высшей мѣрѣ благородный и сильный; воля непреклонная; доброта безъ границъ; славолюбія — никакого, безсребренникъ полный, терпѣливъ, скромень и проникнуть богочтениемъ, но Богъ его «не въ рукотворномъ храмѣ», а всѣ земные престолы, начальства и власти, — это для него совсѣмъ не существуетуесть. Это все по его выводамъ не соединяетъ людей, а раздѣляетъ, а онъ хочетъ, чтобы каждый жилъ для всѣхъ и всѣ для одного... И это въ немъ такъ искренно, что онъ не хочетъ допускать никакихъ постороннихъ соображеній. По его мнѣнію, весь опытъ жизни обманчивъ, — и самая разсудительность ненадежна: не стоить думать о томъ, что будутъ дѣлать другіе, когда вы будете дѣлать имъ добро, а надо, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, быть ко всѣмъ добрымъ.

Онъ убѣжденъ, что всѣ современемъ захотятъ платить добромъ за добро, — и потому онъ исключаетъ всякій судъ и всякія наказанія, всякія похвалы и всякія почести... Заслуги ума, трудолюбія, даже заслуги самоотверженія и любви — все это, по его мнѣнію, не нуждается ни въ какихъ наградахъ и даже страдаетъ отъ нихъ. Добро — само въ себѣ награда. Журавскій съ его идеями освободить крестьянъ ничего не достигнетъ, а во всей дѣятельности Сперанскаго онъ считаетъ за достойное вниманія только то, что онъ умѣетъ сносить съ достоинствомъ свое удаленіе.

Княгиню удивляло: какъ же этотъ человекъ былъ близокъ Сперанскому и Журавскому, которые имѣли совсѣмъ другіе взгляды и стремились къ улучшеніямъ путемъ государственныхъ мѣръ! Ихъ намѣренія княгинѣ казались прекрасными и во всякомъ случаѣ они были ей памяты, межъ тѣмъ какъ все то, что сказалъ ей съ полною откровенностію Черневъ, — это все измѣняетъ и отмѣняетъ, все упраздняетъ и все ставитъ ни во что. А то, что онъ говоритъ, о томъ приходится выводить изъ его идей, что это утопія, что это неприменимо и не можетъ держаться при всѣхъ другихъ условіяхъ общества и гражданственности.

Проведя все это въ думѣ, она вслухъ договорила свою мысль:

— Это не ладъ, а разладъ.

— Да, принесенъ «не миръ, а мечъ», — спокойно отвѣчалъ ей Черневъ.

Княгиня прочитала въ его глазахъ, что онъ понялъ все, что она молча продумала, и нимало этому не удивился и не разсердился. Это ему, очевидно, было за привычку: онъ словно ожидалъ того, что она ему сказала.

— Какъ же вводить молодыхъ людей въ эту жизнь съ такими идеями?—спросила она.

— Не легко,—отвѣчала Червевъ.

— И какъ имъ будетъ жить?

— Трудно.

— Нельзя!

— Если соединять несоединимое, то нельзя, но если вести одну линію, то можно.

— Надо, значить, начать съ того, что на многое почитаемое за важное взять и положить крестъ.

— Да, съ этого должно начаться.

— А далѣе пойдетъ разладъ со всѣмъ!

— Разладъ только съ тѣмъ, что не идетъ въ ладъ съ порядкомъ, при которомъ левъ не захочетъ вредить ягненку.

— Слова ваши рѣжуци.

— Я съ вами долженъ говорить откровенно: я вѣдь знаю, что я вамъ не гожусь.

— Нѣтъ, я прошу васъ дать мнѣ подумать.

— И не думайте, я не гожусь. Вы вѣрите въ возможность мира при сохраненіи того, что не есть миръ, а я не вижу, на чемъ можетъ стать этакій миръ. Мечъ прошелъ даже матери въ душу.

— Вы строже, чѣмъ Савонаролла!

— Я не говорю ничего своего.

— Да, но это ужаснѣе! Вы отнимаете у меня не только вѣру во все то, во что я всю жизнь мою вѣрила, но даже лишаете меня самой надежды найти гармонію въ устройствѣ отношеній моихъ дѣтей съ религіей отцовъ и съ условіями общественнаго быта.

— Этой гармоніи я не касаюсь.

— Но вы не вѣрите въ ея возможность?

— Воспитывать умъ и сердце—значитъ просвѣщать ихъ и давать имъ прямой ходъ, а не подводить ихъ въ гармонію съ тѣмъ, что, быть-можетъ, само не содержитъ въ себѣ ничего гармоническаго.

— Становясь на вашу точку зрѣнія, я чувствую, что мнѣ

ничего не остается: я упразднена: я должна осудить себя въ прошломъ и не вижу, чего могу держаться дальше.

Червевъ улыбнулся доброй улыбкой и тихо сказалъ:

— Когда поколебались вѣра и надежда, остается *любовь*.

— Какъ еще любить и кого?

— Всѣхъ, но если вы истинно любите вашихъ дѣтей...

— Безъ сомнѣнія.

— И если вѣрите тому, что открылъ показавшій путь, истину и жизнь...

— Вѣрю.

— Тогда вы должны знать, что вамъ надо дѣлать.

Княгиня задумалась и тихо проговорила:

— Въ душѣ моей я съ вами согласна...

— Душа, вѣдь, по природѣ своей христіанка.

— Но этотъ ножъ, этотъ мечъ, — это измѣненіе всего...

— Измѣненіе всего, но сначала всего въ самомъ чел-
вѣкѣ.

— Да; только въ самомъ себѣ... но... все равно... Вы обобрали меня какъ птицу изъ перьевъ. Я никогда не думала, что я совсѣмъ *не* христіанка. Но вы принесли мнѣ пользу, вы смирили меня, вы мнѣ показали, что я живу и думаю какъ всѣ и ничуть не лучше тѣхъ, о комъ говорятъ, будто они меня хуже... Привычки жизни держатъ въ око-
вахъ мою «христіанку», страшно... Разорвать ихъ я без-
сильна... Конецъ!.. Я должна себя сломать или не уважать себя какъ лгунью!

— Послѣ, быть-можетъ, будетъ иное.

— Нѣтъ, это будетъ вѣчный мой стыдъ, что вмѣсто того, чтобы теперь привлечь къ себѣ въ домъ человѣка, какъ вы,—я говорю ему какъ тѣ, которые говорили: «выйди отъ меня—я человѣкъ грѣшный».

— Вы искренни, и я вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ Чер-
вевъ и всталъ съ мѣста.

— Но какъ же вы теперь будете устроены?—спросила, удерживая въ своихъ рукахъ руку его, княгиня,—и она съ замѣшательствомъ стала говорить о томъ, что пошла бы за счастье его успокоить у себя въ деревнѣ, но Червевъ это отклонилъ, отвѣтивъ, что онъ «всегда устроенъ».

И на этотъ разъ онъ, дѣйствительно, уже былъ устроенъ и притомъ совсѣмъ необыкновенно: посѣтившій княгиню на другой день предводитель сообщилъ ей двѣ новости:

во-первыхъ, присланное ему приглашеніе наблюдать, чтобы княгиня «воспитывала своихъ сыновей сообразно ихъ благородному происхожденію», а во-вторыхъ, извѣстіе о томъ, что Червевъ за свои «запиральныя идеи» посланъ жить подъ надзоромъ въ Бѣлые берега.

Княгиня, по словамъ Ольги Ѳедотовны, послѣ этого въ три дня постарѣла и сгорбилась больше, чѣмъ во многіе годы. Она измѣнилась и въ нравѣ: навсегда перестала шутить, никого не осуждала и часто, какъ въ мечтѣ, сама говорила съ собою:

— Лучшаго не стоимъ.

Донкихотъ, Жиго и сама Марья Николаевна утратили свои живыя роли и только имѣли по временамъ пребываніе въ Протозановскомъ домѣ. «Княгиня стала ко всѣмъ равна, и къ нимъ, какъ къ обыкновеннымъ». Ласково, но коротко. На послѣдовавшее затѣмъ вскорѣ распоряженіе доставить князей для воспитанія въ избранное учебное заведеніе въ Петербургѣ, она не возражала ни слова, но только не повезла ихъ сама, а доставила туда съ Патрикѣемъ. Въ душѣ ея что-то хрустнуло и развалилось и паденіе это было большое. Пало то, чѣмъ серьезные и умные люди больше всего дорожатъ и, обманувшись въ чемъ, объ этомъ много не рассказываютъ.

Я бы, кажется, имѣла основаніе уподобить состояніе бабушки съ состояніемъ извѣстной сверстницы Августа Саксонскаго, графини Кюзелъ, когда ее заключили въ замкѣ. Обѣ онѣ были женщины умныя и съ большими характерами и обѣ обречены на одиночество, и обѣ стали анализировать свою религію, но Кюзелъ оторвала отъ своей Библии и выбросила въ ровъ Новый Заветъ, а бабушка это одно именно для себя только и выбрала и лишь это одно сохранила, и все еще добивалась, гдѣ тутъ материкъ?

Толкущему въ двери разума—дверь отворяется. Бабушка достала себѣ то, что нужнѣе всего человѣку: живнѣе не раздражала ее болѣе ничѣмъ: она, какъ овца, тихо шла, не сводя глазъ съ пастушьяго посоха, на крючкѣ котораго ей свѣтиль бѣлый цвѣтокъ съ кровавою жилкой.

Бывшіе многочисленныя знакомые оставили княгиню и скоро стали ее забывать. Поводомъ къ тому послужило неизвѣстно откуда распространившееся извѣстіе, будто она «одержима черной меланхоліей», что всѣмъ представлялось

заразительнымъ и опаснымъ, въ родѣ водобоязни. Опасность отъ меланхоліи совсѣмъ иначе представлялъ себѣ Донкихотъ Рогожинъ: онъ вспомнилъ изъ читанныхъ имъ монастырскихъ исторій, какое происшествіе случилось съ медикомъ Яковомъ Несмѣяновымъ, признаннымъ за «меланхолика» и посланнымъ, въ 1744 г., въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь съ тѣмъ, чтобы съ нимъ тамъ «разговаривать и его усматривать: не имѣтъ ли въ законѣ Божіемъ сомнѣнія». Рогожинъ испугался, что и у княгини напишутъ не меланхолю, а «меланхолю» и пошлютъ княгиню куда-нибудь, чтобы ее «усматривать», — и Донкихотъ сталъ вести себя смиренно и дожилъ вѣкъ въ Протозановѣ на стражѣ, съ рѣшимостію умереть, охраняя княгиню, когда это понадобится. Надобности такой онъ, однако, не дождался и умеръ своею смертію, но, кажется, онъ умѣлъ заронить сѣмя особливаго страха и боязни въ душу княгини. До этихъ поръ всегда независимая и смѣлая во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ, она блѣднѣла при одномъ напомниманіи имени Хотѣтовой и архимандрита Фотія и жаловалась Ольгѣ, что въ ней «развилась подозрительность и меланхолія». Такимъ образомъ, значить, общественные толки о ней оправдались, и эта смѣлая, твердая и чистая душа впала въ слабость, утратила силу быть полезною другимъ и доживала жизнь, оберегая одну свою неприкосновенность. Она стала бояться тѣхъ, которые ее боялись, и Фотіи началъ являться ей во снѣ и стучать костьюлемъ. Ольга говорила, что бабушка, бывало, проснется и не спитъ, боясь, что онъ опять ей приснится, и цѣлые дни потѣмъ молчитъ и ходитъ одна съ собачкою въ темныхъ аллеяхъ сада съ такимъ печальнымъ лицомъ, на которое жалко было смотрѣть: а ночью ей опять снился Фотій и опять грозилъ костьюлемъ.

Конечно, она не могла говорить съ Ольгой всего, что думала, но, однако, говорила ей: «я прожила жизнь дурно и нечестиво и зато бѣгаю какъ нечестивая, можетъ быть ни единому меня гонящу. Меня барство испортило, — я ему предалась и лучшее за нимъ проглядѣла». «Лучшее», по ея теперешнимъ понятіямъ, была «истина», которая дѣлаетъ человѣка свободнымъ, и при этомъ она вспоминала о Червевѣ. А когда Ольга говорила ей: «вѣдь и вы то же самое знать изволите», она отвѣчала: «знать я изволю, а слѣдо-

гать неспособна, и оттого я хуже тѣхъ, которые не знаютъ». Ольга этого не понимала и, не зная что сказать, одинъ разъ сказала: «Богъ дастъ доспѣете». Бабушка ей отвѣчала: «очень была бы рада». И радость эта была ей дарована.

У крестьянъ, отданныхъ въ приданое княжнѣ Анастасіи, были свои земли, купленные на господское имя, какъ это тогда водилось. Функендорфъ не призналъ ихъ правъ и все посчиталъ на себя. Бабушка увидала свою ужасную ошибку и тотчасъ же освободила людей своей части на легкій выкупъ земель и все что выручила отдала обиженнымъ Функендорфомъ людямъ, вознаградивъ ихъ съ излишкомъ, а сама рѣшилась жить нахлѣбницею у Марьи Николаевны. Моему отцу и дядѣ и ихъ крестьянамъ стоило немалого труда упротить ее остаться въ ихъ домѣ и продолжать управлять ихъ имѣніемъ. Она сдалась болѣе на просьбы крестьянъ и, «чтобы имъ не было худо», осталась въ Протозановѣ «въ гостяхъ у сыновей», и жила просто, кушая вмѣстѣ съ Ольгою самое простое кушанье Ольгинаго приготовленія, ни о какихъ вопросахъ общаго государственнаго управленія не хотѣла знать и умерла спокойно, съ твердостью и даже шутила, что теперь опять ничего не боится и что Фотій на нее навѣрное больше грозиться не будетъ.

Червевъ кончалъ свое теченіе всѣхъ благополучіе: онъ, мимо воли своей, наконецъ сдѣлался извѣстенъ въ свѣтѣ. Несмотря на то, что къ нему никого изъ шаткихъ въ вѣрѣ людей не допускали, Патрикій не разъ ѣздилъ узнавать по секрету: какъ онъ томится, и всякій разъ привозилъ извѣстіе, что нѣтъ ему никакого томленія. Червевъ почиталъ себя вполне благополучнымъ и счастливымъ, что не былъ лишенъ свѣта, воздуха и работы. О винѣ, за которую онъ присланъ, ничего никому не было извѣстно. Звали его «добрый бродяга». Строгость къ Червеву примѣнялась только въ томъ, что его не ставили работать вмѣстѣ съ простыми людьми изъ міринъ. Для иноковъ же, которые были хорошо утверждены во всемъ, что имъ надобно знать, Червевъ не почитался нимало опаснымъ. Лѣтомъ онъ разбивалъ навозъ и копалъ гряды, а зимою качалъ воду изъ колодца и чистилъ коровники.

Черезъ нѣсколько лѣтъ такой совершенно благополучной жизни Червевъ умеръ въ коровникѣ и сдѣлалъ это такъ

скрытно, что его не досмотрѣли и упустили его напутствовать. Червевъ, однако, и тутъ не былъ бесполезнымъ жильцомъ: незадолго передъ смертью онъ оказалъ обители цѣнную услугу и въ этотъ разъ явилъ себя міру со стороны до сихъ поръ неизвѣстной. Въ проѣздъ графини Хотѣтовой черезъ Бѣлые берега, она остановила свое вниманіе на чистыхъ, будто снѣгомъ натертыхъ глазахъ Червева и прочла въ нихъ сокровенный даръ пророчества. Она просила позволенія съ нимъ говорить, но въ этомъ даже и ей было отказано. Тогда она обратилась къ другому способу сношеній,—просила передать Червеву написанный ею важный вопросъ съ тѣмъ, чтобы онъ написалъ отвѣтъ, за который она обѣщала вкладъ по сту червонцевъ за слово.

Братія передала это Червеву, и онъ, ничего не писавшій со дня своего заключенія въ монастырь, сейчасъ же взялъ въ руки карандашъ и, не читая вопроса, написалъ на него отвѣтъ: «поступай какъ знаешь, все равно — будешь раскаиваться».

Могила Червева цѣла и теперь. На ней есть крестъ съ надписью: «Мѣодій Червевъ». Хотѣли-было ему надписать «рабъ Божій», но вспомнили, что онъ «бродяга» и что вообще о немъ есть что-то неизвѣстное, и не надписали.

Информационный отдел
РГБ - СССР

Заводской Комитет

ЗАВОДСКАЯ

1884

Оглавленіе

ХVII ТОМА.

	стр.
Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ. Въ двухъ частяхъ.	
Часть первая.—Старая княгиня и ея дворъ	5
Часть вторая.—Старое старится—молодое растеть	117

13/1/1954

13/1/1954	13/1/1954
13/1/1954	13/1/1954
13/1/1954	13/1/1954

THE P. L. O. M. C. K.

760

0.44
0.10
0.01
0.01
0.01
0.01

